

ISBN 978-5-89282-547-4

Б. Ширендыб и С. Д. Дылыков в памяти родственников, коллег и друзей

Российская академия наук
Институт востоковедения

**Б. Ширендыб и С. Д. Дылыков
в памяти родственников,
коллег и друзей**

(К 100-летию со дня рождения)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

**Б. ШИРЕНДЫБ И С. Д. ДЫЛЫКОВ
В ПАМЯТИ РОДСТВЕННИКОВ,
КОЛЛЕГ И ДРУЗЕЙ**

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Москва
ИВ РАН
2013

УДК 94(517)
ББК 72.3
Б11

Составитель и ответственный редактор
доктор исторических наук В. В. Грайворонский

- Б11 **Б. Ширендыб и С. Д. Дылыков в памяти родственников, коллег и друзей (к 100-летию со дня рождения) / отв. ред. В. В. Грайворонский. — М.: Институт востоковедения РАН, 2013. — 192 с.**
ISBN 978-5-89282-547-4

В сборник вошли воспоминания коллег, друзей и близких родственников президента АН Монголии, иностранного члена РАН академика Б. Ширендыба и крупного российского монголоведа С. Д. Дылыкова, в которых показаны их жизненные пути, научная и общественная деятельность, их вклад в развитие науки в России и Монголии, научного сотрудничества между РАН и АН Монголии, роль, которую они сыграли в становлении и научном росте авторов воспоминаний.

УДК 94(517)
ББК 72.3

ISBN 978-5-89282-547-4

© Институт востоковедения РАН, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
------------------------------	----------

<i>Ширендыб Б.</i> Более чем полувековое научное сотрудничество	9
---	---

ВОСПОМИНАНИЯ О Б. ШИРЕНДЫБЕ

Базарын Ширендыб в воспоминаниях родственников . .	23
--	----

<i>Чимитдоржиев Ш. Б. Б.</i> Ширендыб: учеба на Монгол- рабфаке (Улан-Удэ)	29
---	----

<i>Яскина (Матвеева) Г. С.</i> Дорогой Ширендыб	33
---	----

<i>Болдохонов К. Б.</i> Его девиз: быть первым. Штрихи к портрету академика Б. Ширендыба	42
---	----

<i>Рощин С. К.</i> Слово о Б. Ширендыбе	55
---	----

<i>Грайворонский В. В.</i> Незабываемые встречи с академи- ком Б. Ширендыбом	61
---	----

<i>Надиров Ш. Г.</i> Его щедрость на внимание к нам была безгранична	71
---	----

<i>Суринов И. А.</i> Востоковед-энциклопедист Б. Ширендыб .	77
---	----

<i>Яцковская К. Н.</i> Первый гость из Монголии	87
---	----

<i>Гольман М. И.</i> Памяти Б. Ширендыба посвящается	93
--	----

ВОСПОМИНАНИЯ О С. Д. ДЫЛЫКОВЕ

<i>Дылыкова-Парфионович В. С.</i> Из воспоминаний об отце	103
<i>Шабалина-Дылыкова З. С.</i> Вспоминая отца	113
<i>Чимитдоржиев Ш. Б.</i> Патриарх российского монголоведения — Санжи Дылыков (1912–1999)	119
<i>Ральдин Х.</i> Санжи Дылыков — крупный ученый-монговед и буддийский деятель	123
<i>Роцин С. К.</i> Из воспоминаний о С. Д. Дылыкове	136
<i>Гольман М. И.</i> С. Д. Дылыков, каким я его помню	143
<i>Грайворонский В. В.</i> С. Д. Дылыков — хранитель и продолжатель традиций российского монголоведения	149
<i>Яцковская К. Н.</i> Человек и время	154
<i>Пюрбеев Г. Ц.</i> О Сандже Данциковиче Дылыкове с признательностью	162
<i>Суринов И. А.</i> К 100-летию С. Д. Дылыкова	165
<i>Раднаев В. Э.</i> Из воспоминаний о С. Д. Дылыкове	168
 Приложение	
<i>Златкин И. Я.</i> Шестидесятилетие Базарына Ширендыба	173
Список авторов	176
Резюме	177
Иллюстрации	179

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник воспоминаний не совсем обычный. Он посвящен не одному известному ученому или деятелю, как это обычно принято, а сразу двум — выдающемуся ученому-историку, государственному и общественному деятелю Монголии, иностранному члену РАН, академику Базарыну Ширендыбу и видному российскому монголоведу и общественному деятелю Сандже Данциковичу (Санжи Данцикович) Дылыкову. У некоторых читателей может возникнуть вопрос, почему составители сборника объединили в одной книге воспоминания о столь разных личностях? Это было сделано не случайно. Символично, что оба главных героя этих воспоминаний родились в семьях простых скотоводов в один день — 15 мая 1912 г.: Б. Ширендыб — в Северной Монголии, С. Д. Дылыков — в соседней Бурятии (Россия). Иными словами, они от рождения имели общие этногенетические корни, которые традиционно связывают бурят, халха-монголов и других этнических монголов. Б. Ширендыб и С. Д. Дылыков выросли и сформировались как личности и как ученые в условиях, по существу, одной общественно-политической, социалистической, системы, которая существовала в СССР и МНР до начала 1990-х годов. Они были связаны общим мировоззрением, общим пониманием хода истории и своего места в ней, переплетением их научных и общественных интересов и судеб, личной многолетней дружбой. В их биографиях, как в капле воды, в полной мере отразились драматические судьбы народов наших двух стран — России/Советского Союза и Монголии/МНР в XX в., в том числе революции, победы и поражения, взлеты и падения. Главное, что их связывало, это любовь к своему общему делу — науке о Монголии и монгольских народах. Многолетнее плодотворное сотрудничество и личная дружба между Б. Ширендыбом и С. Д. Дылыковым были и остаются ярким примером и, можно без преувеличения сказать, символом лучших традиций в истории отношений между народами и учеными России и Монголии в XX в.

При этом, естественно, следует также учитывать, что они были гражданами не одного, а двух соседних, дружественных, но отдельных, самостоятельных государств, сильно различавшихся между собой по величине территории, численности населения, уровню социально-экономического развития, роли и месту в системе международных отношений. Б. Ширендыб был гражданином МНР/Монголии, а С. Д. Дылыков — гражданином СССР/России. Каждый из них имел разный социальный статус в своих странах. Б. Ширендыб был одним из первых представителей новой монгольской интеллигенции, которая появилась и сформировалась после победы революции 1921 г. и получила высшее образование в СССР. В условиях дефицита управленцев высшего звена в после-революционной Монголии, обострившегося в результате массовых политических репрессий в конце 1930-х гг., молодой Б. Ширендыб благодаря своим природным способностям, любознательности, трудолюбию, успехам в овладении русским языком довольно быстро выдвинулся в число руководителей МНР и работал на ведущих постах в правительстве, науке и образовании в течение более 40 лет.

В силу сложившихся жизненных обстоятельств С. Д. Дылыков посвятил свою жизнь преимущественно научной и общественной деятельности, а также частично службе в Советской Армии. С. Д. Дылыков в течение 17 лет возглавлял Сектор Монголии ИВ АН СССР и внес большой вклад в развитие российского монголоведения и научного сотрудничества между Академиями наук России и Монголии. Именно Институт востоковедения АН СССР стал тем местом, где Б. Ширендыб стал дипломированным ученым-историком, в разные годы защитил кандидатскую и докторскую диссертации, работал ведущим научным консультантом в трудные для него 1987–1995 гг. В Институте востоковедения деловые и теплые, дружеские отношения между Б. Ширендыбом и С. Д. Дылыковым окрепли и сохранились до конца их жизни.

Жизнь и деятельность каждого из них, безусловно, заслуживает отдельного, самостоятельного исследования, а их научные труды — издания в виде отдельных собраний сочинений. В частности, жизни и деятельности Б. Ширендыба посвящены несколько книг, в

том числе «Сын Хангайских гор» Э. А. Новгородовой (1976), «Базарын Ширэндэв» Н. Хишигт (Улан-Батор, 2003, на монг. яз.), а также сборник статей, воспоминаний и интервью «Академик Базарын Ширэндэв» (Улан-Батор, 1997, на монг. яз.) и др. В настоящее время в Монголии к 100-летию юбилею академика Б. Ширендыба готовится к изданию десяти томное собрание его сочинений.

Жизни и деятельности С. Д. Дылыкова посвящен ряд статей, в том числе его дочери, известного тибетолога В. С. Дылыковой-Парфионович, В. И. Титкова, М. И. Гольмана, В. В. Грайворонского и др. Ждут своего полного издания частично опубликованные мемуары С. Д. Дылыкова.

В настоящий сборник вошли воспоминания дочери Б. Ширендыба Татьяны Ширендыб, дочерей С. Д. Дылыкова — В. С. Дылыковой-Парфионович, З. С. Шабалиной-Дылыковой — и других близких родственников, ныне здравствующих монголоведов Института востоковедения РАН — М. И. Гольмана, С. К. Рощина, В. В. Грайворонского, К. Н. Яцковской, Ш. Г. Надилова, В. Э. Раднаева, сотрудников других академических институтов — Ш. Б. Чимитдоржиева (ИМБит СО РАН), Г. Ц. Пюрбеева (ИЯ РАН), одного из ветеранов Управления внешних связей АН СССР/РАН И. А. Суринова, журналистов-монголоведов К.Б. Болдохонова и Х. Ральдина, а также ушедшей от нас в 2010 г. Г. С. Яскиной.

Авторы воспоминаний в разные годы неоднократно встречались, общались или сотрудничали с Б. Ширендыбом и С. Д. Дылыковым, сохранили в своей памяти наиболее яркие, интересные воспоминания о них как ученых, общественных деятелях и неординарных личностях, а также о той роли, какую Б. Ширендыб и С. Д. Дылыков сыграли в их личных научных судьбах. Не случайно многие авторы сборника написали свои воспоминания как о Б. Ширендыбе, так и о С. Д. Дылыкове.

В сборник, помимо воспоминаний о Б. Ширендыбе и С. Д. Дылыкове, включена также ранее опубликованная статья Б. Ширендыба «Более чем полувековое научное сотрудничество», которая по своему содержанию во многом соответствует мемуарному жанру. По замыслу автора она была начальной в серии ста-

тей-воспоминаний о встречах и сотрудничестве с учеными ведущих монголоведческих центров России (Москва, Санкт-Петербург, Иркутск, Улан-Удэ и др.). В ней Б. Ширендыб, в частности, поделился своими воспоминаниями о встречах и сотрудничестве со многими выдающимися советскими/российскими учеными-москвичами, в том числе академиками В. Л. Комаровым, М. В. Келдышем, И. М. Майским, Е. М. Жуковым, сотрудниками Института востоковедения И. Я. Златкиным, С. Д. Дылыковым и др., об истории создания первого совместного фундаментального труда советских и монгольских историков «История Монгольской Народной Республики», об интересных деталях своей работы с российскими научными консультантами и официальными оппонентами при подготовке им докторской диссертации к защите в Институте востоковедения в 1960 г., о встречах с монголоведами ИВ АН СССР в Москве и Улан-Баторе, о совместных поездках по Монголии и др.

В приложении дана статья И. Я. Златкина «Шестидесятилетие Базарына Ширендыба», опубликованная в 1972 г. В ней известный советский монголовед И. Я. Златкин дал краткую, но емкую, разностороннюю характеристику научной, государственной и общественной деятельности Б. Ширендыба, с которым его также связывали многолетнее плодотворное сотрудничество и личная дружба.

Всех авторов объединяют искренние, теплые воспоминания о Б. Ширендыбе и С. Д. Дылыкове, стремление по возможности объективно и разносторонне оценить их нелегкие жизненные пути, научную и общественную деятельность, выразить чувства признательности и благодарности своим учителям, наставникам и коллегам за помощь и содействие в их научном росте.

В. В. Грайворонский

БОЛЕЕ ЧЕМ ПОЛУВЕКОВОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Монгольские ученые-историки в исследовании многовековой истории своей страны базируются как на национальных первоисточниках, так и на трудах ученых зарубежных стран. Вместо обзора всем известных фактов хотел бы подчеркнуть, что российские монголоеды занимают особое место в этой области востоковедческой науки. Историей Монголии начали заниматься китайские ученые — с древнейших времен, европейские и персидские историки — в XIII–XIV веках, русские ученые — в основном с XVIII по XX век включительно. Российские ученые занимают видное место в исследовании Монголии вообще и в мировом монголоведении в частности. Роль таких российских монголоедов, как Палладий Кафаров, Иакинф Бичурин, В. П. Васильев, Б. Я. Владимирцов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, А. М. Позднеев, Г. Н. Потанин, В. В. Радлов, Доржи Банзаров, П. К. Козлов, Ц. Жамцарано, Г. Д. Санжеев и другие, трудно переоценить. Именно в России в первой половине XIX века были заложены основы монголоведения как отрасли востоковедения.

В 1930 г. в Институте народов Азии в Ленинграде* учились молодые представители новой Монголии, в том числе Д. Нацагдорж, Ц. Дамдинсурэн, Б. Ренчин, Гомбожав-мэргэн и некоторые другие. Можно сказать, что именно с этого времени стали налаживаться связи монгольской интеллигенции с российскими (советскими) монголоедами. Эти связи развивались и в дальнейшем с преобразованием ленинградского Восточного Института в московский Институт востоковедения АН СССР.

Преподаватели и студенты первого Монгольского государственного университета, созданного в 1942 г. при помощи СССР,

* Скорее всего, речь идет о Ленинградском Институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ). — *Прим. отв. ред.*

остро нуждались в научно разработанном учебнике по истории своей страны с древнейших времен до середины XX века. Но в те годы у нас, в Монголии, еще не были подготовлены профессиональные кадры историков с высшим образованием, а начитанные самоучки не осмеливались взяться за это ответственное дело. Это было вполне объяснимо, поскольку личность Чингис-хана и его последователей оценивались в тот период целиком отрицательно с точки зрения господствовавшей идеологии. В этом отношении довольно большую негативную роль сыграли книги В. Яна «Чингисхан», «Батый-хан» и некоторые другие труды, в которых Чингисхан, Бату-хан и прочие деятели Монгольской империи XIII века изображались односторонне, как дикие грабители и разрушители. При этом игнорировалась их положительная роль в создании монгольской государственности. В те годы у меня как преподавателя истории, заведующего кафедрой истории и ректора Монгольского государственного университета возникла идея о написании (совместно с советскими учеными) учебника, обобщающего историю Монголии с древнейших времен до XX века, что имело бы большое значение для научной разработки истории страны и подготовки научных кадров.

Заручившись поддержкой этой идеи со стороны Х. Чойбалсана и Ю. Цеденбалы, я обратился к советским ученым с предложением по этому вопросу. В 1945 г., участвуя в юбилейных торжествах, посвященных 220-летию АН СССР, я имел возможность подробно доложить об этом президенту АН СССР академику В. Л. Комарову во время приема нашей делегации. Комаров хотя и был ботаником, но знал историю Монголии и хорошо понимал необходимость совместного написания такого учебника для преподавателей и студентов Монгольского государственного университета. Оценив создание государственного университета в Монголии как подлинную революцию, Владимир Леонидович от всей души хотел помочь нам в выполнении нашей просьбы.

Президент при нас позвонил своему бывшему личному секретарю И. Н. Устюжанинову и дал ему указание поговорить по поводу просьбы Монгольского государственного университета с директором Института истории АН СССР академиком Б. А. Греко-

вым и доложить ему о принятом решении. Через некоторое время в Улан-Батор прибыл И. Н. Устюжанинов с решением об участии советских историков в совместном написании однотомной истории Монголии. Так началось деловое сотрудничество монгольских и советских историков. Однотомная история Монголии под названием «История МНР» была подготовлена авторским коллективом из двух стран и издана в 1954 г. В составе авторов были: с советской стороны — С. В. Киселев, А. Ю. Якубовский, Л. И. Думан, С. Д. Дылыков, И. Я. Златкин, Г. И. Михайлов, Б. И. Панкратова, П. П. Старицына, И. Н. Устюжанинов, Н. П. Шастина, А. Т. Якимов; с монгольской стороны — Б. Ширендыб, Ш. Нацагдорж, Д. Цэдэв. Первый совместный труд советских и монгольских историков в дальнейшем был дополнен, исправлен и переиздан в 1967 г. и 1983 г. В подготовке второго издания участвовали и новые авторы, в том числе Н. Ишжамц, Ш. Бира, Ш. Сандаг, М. Санждорж, Д. Дугар, Б. Тудэв, Н. Сэр-Оджав и Д. Гонгор — с монгольской стороны; Л. А. Евтухова, Г. Д. Санжеев, С. К. Роцин, Л. М. Гатауллина и Г. С. Матвеева — с советской стороны. Второе издание книги было официально рассмотрено на расширенном заседании Президиума АН СССР, на котором с краткими докладами о содержании совместной коллективной монографии выступили академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е. М. Жуков и Б. Ширендыб. Заложенное этим первым трудом научное сотрудничество советских и монгольских историков в дальнейшем развивалось в самых разных формах (совместные научные исследования, участие в работе международных встреч и конгрессов, личные дружеские встречи и др.).

В моей памяти свежо сохранился приезд молодого советского монголоведа М. И. Гольмана на стажировку в Монгольском государственном университете в 50-х гг. вместе с двумя другими коллегами. У нас сложились с ними очень дружеские тесные связи. С тех пор я также многократно встречался и беседовал с И. Я. Златкиным, С. Д. Дылыковым, С. К. Роциным и Г. И. Слесарчук. 1950–1960-е гг. стали важным периодом становления меня как ученого и моего сотрудничества с московскими монголоведами. В эти же годы я защитил кандидатскую и докторскую диссертации в Инсти-

туте востоковедения АН СССР. Тема моей докторской диссертации «Монголия на рубеже XIX–XX веков» была включена в план научной работы института. Таким образом, я как монгольский докторант, с одной стороны, и как старший научный сотрудник Института востоковедения, с другой стороны, напряженно работал в течение трех лет в архивах и библиотеках Москвы. Ссылки на материалы и книги из этих архивов и библиотек сделаны в моей книге «Монголия на рубеже XIX–XX веков». По специальному разрешению мне уже тогда были доступны закрытые материалы из архива Коминтерна. Моя диссертационная работа по отдельным разделам и главам обсуждалась на заседаниях Сектора Монголии и Ученого совета института. В обсуждениях активное участие принимали И. Я. Златкин, С. Д. Дылыков, П. П. Старицына, С. К. Роцин, М. И. Гольман, А. Т. Якимов, Л. М. Гатаулина, Г. С. Матвеева. Со своей стороны, как монгольский историк и старший научный сотрудник института, я принимал постоянное участие в обсуждении научных проблем, связанных с монголоведением. Работая в 1957–1960-х гг. в тесном сотрудничестве с монголоведами института, в начале июля 1960 г. я защитил докторскую диссертацию на Ученом совете института, где присутствовали также представители некоторых других институтов АН СССР гуманитарного профиля.

Еще до защиты диссертации директор Института востоковедения академик Б. Г. Гафуров в своем приказе отметил успешное досрочное выполнение мною запланированной темы на высоком научном уровне и премировал меня месячным окладом. В годы моей работы в институте у меня сложились дружеские отношения и с другими руководящими работниками института, в том числе с Г. Ф. Кимом, В. М. Солнцевым, О. К. Дрейером и др.

В сборе обширных архивных материалов по моей диссертационной работе большую помощь оказала молодая в то время научный сотрудник Г. С. Матвеева, а я со своей стороны помог ей в подготовке кандидатской диссертации. Официальными оппонентами по моей докторской диссертации были выдающийся советский ученый и дипломат, академик И. М. Майский, член-

корреспондент АН СССР А. А. Губер и доктор исторических наук, профессор А. Ф. Миллер.

Научное сотрудничество и деловые связи с советскими востоковедами и монголоведами завязывались не только в кабинетах и библиотеках, но и в непринужденной дружеской и домашней обстановке. Так, мой научный консультант академик Е. М. Жуков имел привычку читать параграфы и главы моей диссертации в машинописном виде, делая пометки и ставя вопросительные знаки на полях. Исключительно занятый многочисленными научными и научно-организационными делами, Евгений Михайлович обычно назначал мне встречу с ним в выходные дни в своей квартире в высотном доме на Котельнической набережной. Евгений Михайлович обычно беседовал со мной в своей огромной библиотеке, высказывал свои соображения, иногда спрашивал мое мнение по тем или иным проблемам истории не только Монголии, но и некоторых других стран Азии. Он относился ко мне очень уважительно, никогда не навязывал свое мнение, а советовал, как лучше сформулировать то или иное положение. Тем временем, то есть примерно через час, его жена Тамара Николаевна звала нас к столу обедать. За уставленным изысканными блюдами обеденным столом мы свободно продолжали беседу. Такое же отношение ко мне было и со стороны моих официальных оппонентов и друзей из института.

Первый и главный оппонент по моей диссертации академик И. М. Майский обычно назначал мне встречу в своей квартире на улице Горького, где высказывал свои собственные соображения по моей работе. Многочисленные встречи с И. М. Майским были необыкновенно интересными. Он был крупным дипломатом, неоднократно представлявшим свою страну в Лондоне, Токио и в международных организациях в качестве посла и заместителя министра иностранных дел СССР. И. М. Майский очень хорошо знал Монголию начала XX века. Будучи руководителем научной экспедиции Центросоюза в Монголии, организованной в 1918 г., он изъезжал ее вдоль и поперек, с запада на восток, многократно бывал в Урге и встречался с видными князьями и чиновниками правительства Богдо-хана, а также с влиятельными религиозными деятелями

и образованными людьми того времени. Его глубокое знание Монголии нашло яркое отражение в известной книге «Современная Монголия». Он, в частности, рассказывал мне, как молодой хутухта Зайн-гэгэн многократно приезжал к нему, на экспедиционную базу, состоявшую из палаток, и интересовался буквально всем, особенно жизнью в царской России. Иван Михайлович с удовольствием рассказывал о своей встрече с ученым ламой Содномом, который совершил путешествия по Европе, Индии и Китаю и вел с ним беседу на английском языке. В связи с этим вызывает полное недоумение недавно опубликованная книга Д. П. Першина «Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак». Этот корреспондент, живший в Монголии с дореволюционного времени до 1933 г., а затем эмигрировавший сначала в Китай, а потом в США, в своей книге, изданной в 1933 г. с позиций китайских милитаристов, назвал И. М. Майского агентом большевиков. Он дошел до того, что Временное народное правительство, созданное монгольскими революционерами под влиянием бесед с руководителем ДВР Б. Шумяцким, представителями Коминтерна в Иркутске и в Москве, с руководящими деятелями Советского правительства Г. В. Чичериным, С. С. Каменевым и другими официальными представителями, считает делом рук двух второстепенных лиц, выполнявших роль переводчиков. Першин, который не принимал личного участия ни на стороне китайских милитаристов, ни Унгерна, ни в борьбе монгольских революционеров, сведения о тогдашней Монголии почерпнул преимущественно из слухов и собственных домыслов.

Другой мой официальный оппонент — А. А. Губер — был специалистом по истории стран Юго-Восточной Азии, а третий оппонент, профессор А. Ф. Миллер — специалистом по международным отношениям на Балканах и знатоком истории турецкой революции под руководством Кемаля-паши.

Многократно бывая дома у И. Я. Златкина, С. Д. Дылыкова, Г. И. Михайлова, а затем В. М. Солнцева, я имел большие возможности для обсуждения наших общих монголоведческих проблем. Следует также вспомнить мои многократные встречи с академиком С. А. Козиным — переводчиком и исследователем историко-

литературного памятника «Сокровенное сказание монголов» на русском языке. В свое время С. А. Козин был советником правительства Богдо-хана и сделал очень много по организации переписи населения и скота в Монголии в 1918 г. Он также оказал большую помощь в учреждении и налаживании налоговой службы в Монголии с целью получения дополнительных источников дохода для госбюджета. Экспортная пошлина на лесозаготовительные материалы, введенная по его рекомендации в Монголии, до сих пор носит его имя (монг. Гоожин от русск. Козин). Он подробно рассказывал мне о том, как сопровождал монгольские делегации во главе с Чин-ван-Ханддоржем и Сайн-ноён-ханом Намнансурэном в Санкт-Петербург и к царю Николаю II, отдыхавшему в своем Ливадийском дворце в Ялте. Его сообщения — как важные исторические сведения непосредственного участника и свидетеля — использованы мною в некоторых научных трудах. Многие российские монголоеды XX века, в том числе И. Я. Златкин, С. Д. Дылыков, С. К. Роцин, М. И. Гольман, Г. С. Матвеева (Яскина), Г. И. Слесарчук, В. В. Грайворонский и другие, внесли весомый вклад в монголоведение известными научными трудами. И. Я. Златкин занимался историей Монголии XX века и Джунгарского ханства. С. Д. Дылыков, хороший знаток монгольского и китайского языков, уделял большое внимание проблемам истории Монголии XIII–XVII веков, а также переводу и изданию важнейших правовых памятников Монголии. С. К. Роцин уделяет большое внимание истории экономики и политики Монголии. М. И. Гольман известен своими исследованиями о развитии монголоведения на Западе. Г. С. Матвеева (Яскина) давно занимается проблемами развития Монголии в XX веке, в частности экономики, политики и культуры. Г. И. Слесарчук посвящает свою научную деятельность тщательному изучению и публикации архивных документов по истории русско-монгольских и советско-монгольских отношений. В. В. Грайворонский известен своими работами по истории и современному положению монгольского аратства. Литературоведы и филологи — К. Н. Яцковская, М. Н. Орловская и З. В. Шевернина — также широко известны своими трудами. Растущие молодые ученые — А. Д. Цендина,

Е. В. Бойкова, А. С. Железняков, С. Г. Лузянин — несомненно имеют большое будущее. Автор книги «Россия и Монголия (1911–1919 гг.)», китаист Е. А. Белов, также имеет прямое отношение к монголоведению.

В период докторантуры я близко познакомился с видным монголоведом и востоковедом, профессором Юрием Николаевичем Рерихом — сыном всемирно известного русского художника Н. К. Рериха. Мы вели беседу либо на русском, либо на монгольском языке, который он знал в совершенстве. Я с удовольствием читал его труды и слушал его доклады по проблемам монголоведения, тибетологии и буддологии. Многократные личные встречи с современными российскими монголоведами оставили в моей памяти незабываемые впечатления. Наше путешествие вместе с С. К. Рощиным и Г. И. Слесарчук в Гоби в конце февраля 1966 г. было весьма полезным для всех нас с точки зрения познания жизни гобийцев того времени. Я пригласил их совершить совместную поездку в Гоби. Мы ехали на двух легковых машинах «УАЗ». В первой машине ехали я, мой секретарь, Г. И. Слесарчук, во второй машине — С. К. Рощин, молодой бурятский ученый Ванчиков и еще один наш научный сотрудник. Мы совершили длинный переезд через гобийскую полупустыню. Это было интересным, но не легким делом для моих советских коллег, которые, впервые побывав в Гоби, поняли, что монгольская Гоби — не песчаная аравийская пустыня, а — по определению русских ученых — геолога В. А. Обручева и ботаника В. Л. Комарова — преимущественно каменистая полупустыня. Наш путь, начатый в Улан-Баторе ранним утром, завершился в этот день поздно, примерно в 7–8 часов вечера. Пассажиры второй машины сделали небольшую остановку, чтобы подышать свежим вечерним воздухом и размяться. Мы также остановили свою машину. Увидев свет фар второй машины, мы подумали, что она тронулась, и спокойно приехали в сомонный центр, где все мы должны были заночевать. Однако вторая машина не появилась в течение часа. Это, естественно, вызвало у нас беспокойство, и мы послали свою и еще одну сомонную машину на поиски. Машины долго колесили по гобийской степи, светили фарами и подавали звуковые сигналы. Наконец вторая машина на-

шла, но без пассажиров. Теперь уже три машины продолжали поиски и в конце концов нашли пассажиров. Все вместе мы сели ужинать, одновременно выясняя, почему потерялись С. К. Роцин и Ванчиков. Оказалось, что произошел курьез. Задремавшему водителю второй машины показалось, что пассажиры уже сели в машину, и он поехал. Вдруг он почувствовал, что пассажиров в машине нет, и стал их искать. Все осуждали водителя за халатность. Мы спрашивали у Роцина, как он себя чувствовал ночью в Гоби. Он спокойно ответил: «Я подумал, что в феврале в Гоби тепло, не замерзнем, а утром нас найдут». Ванчиков сказал, что он больше всего боялся волков. Мы ему сказали, что в Гоби волки обычно редкие гости.

Сидя за ужином, мы вели разговоры о путешествиях известных русских исследователей географии, флоры, фауны и жизни общества Монголии во второй половине XIX века — Н. М. Пржевальского, В. Л. Комарова, В. А. Обручева и других. Отдохнув ночью в этом поселке, с утра мы продолжили наш маршрут до научно-экспериментальной станции АН МНР, где генетик Цэрэнсодном успешно выводил гибридную породу пуховых коз. В этот день случилось ещё одно интересное приключение. Мы ехали по бескрайней ровной гобийской долине и вдруг увидели вдали очертания большого города на расстоянии примерно 30–40 км от нас. С. К. Роцин спросил у меня: «Ширэндэв-гуай, что это за такой большой город?» Зная чудеса гобийских миражей, я ответил ему: «Это, видимо, какая-нибудь воинская часть». Тогда Роцин сказал: «Я не думаю, что это воинская часть, скорее всего это какой-то аймачный центр». «Подъедем, увидим», — сказал я. По мере приближения большой город становился все меньше и меньше. Роцин отметил: «Часть города уже скрылась за какими-то песчаными холмами, видны только некоторые кварталы». «Скоро увидим, что это за город», — сказал я. До загадочного города оставалось всего 5 км. Вскоре мы убедились, что вместо большого города спокойно шагали всего 7 верблюдов-бактрианов.

На третий день мы прибыли на научно-экспериментальную станцию АН МНР, где подробно ознакомились с ее работой. Директору станции Цэрэнсодному я имел честь вручить знак лауреа-

та Государственной премии с дипломом. Гобийцы-араты всюду тепло принимали наших советских гостей, подробно рассказывали им о своих делах.

Следующая моя поездка с советскими друзьями проходила по средней части Монголии. В эту поездку я пригласил веселого и интересного собеседника — М. И. Гольмана. Мы с ним совершили поездку в Баянхонгорский, Убурхангайский и Архангайский аймаки. Этот регион существенно отличается от окрестностей Трехречья — рек Орхона, Онона и Керулена. Он особенно богат памятниками орхоно-енисейской рунической письменности. Здесь имеются остатки древней столицы Уйгурского ханства VII–VIII вв. — городища Харбалгас, древней столицы Монголии — города Каракорума, основанного Чингис-ханом и разросшегося при Угэдэй-хане, первый в Монголии буддийский монастырь Эрдэни-дзу, заложенный Автай-сайн-ханом в 1586 г., и др. Все это нам хорошо известно из трудов русских ученых В. В. Радлова, Д. А. Клеменца и других. Это горно-степная зона, отличная от Гоби и региона Трехречья. Мы ехали в конце июня и видели, как зеленеет земля. Выполнив план своей официальной командировки, я попутно показывал Гольману особенности рельефа этой зоны. Когда мы выходили из машины для отдыха или для остановки на ночевку, то с наслаждением дышали свежим чистым воздухом, приятными запахами зеленой травы и цветов, слышали и видели, как степные жаворонки пели свои песни и кружили над своими гнездами с птенцами. Во время этой поездки мы два раза ночевали в степи в палатках: первый раз — в Шанх-сомоне, где в 1647 г. был заложен знаменитый монастырь Баруун хурээ (Западный монастырь) первым Ундур-гэгэном Занабазаром, а второй раз — в Центральном аймаке на берегу реки Тола.

Еще одну поездку в Хангайскую зону я совершил также вместе с советскими друзьями. В эту поездку я пригласил с собой М. И. Гольмана и Г. И. Слесарчук, находившихся в то время в Улан-Баторе в научной командировке. Это было в июле. Из Улан-Батора через город Цэцэрлэг мы добрались до озера Тэрхийнцаган-нур. В этой командировке у меня была главная цель — встретиться со своими избирателями в качестве депутата Великого

Народного Хурала. Завершив свои депутатские дела, я решил показать своим московским коллегам летний Хангай. Хангай — это высокогорная лесистая зона Монголии. В этой зоне, особенно в Архангайском аймаке, можно увидеть и высокие горы, покрытые густым лесом на северных склонах, и межгорные долины, и прозрачные горные озера и реки. Мы ездили по красивым горным дорогам, широким долинам, переезжали реки Южный и Северный Тамир, Хануй и Чулут. Земля в эту пору всюду была покрыта густой зеленой травой и красивыми цветами. Для ночевки мы обычно выбирали наиболее красивые места, где можно было почувствовать душу летнего Хангая, увидеть красоту природы, услышать дуэт кукушек, а на берегах озер услышать многоголосый хор водоплавающих птиц. Трогательно было слушать, как лебеди своеобразно затягивали свои песни. Нельзя было не восхищаться тем, как журавли с черным хохолком на голове грациозно танцевали, едва отрывая от земли свои тонкие ноги. Словом, мы почувствовали, как Хангай дышал и пел. Помимо прекрасной природы, этот край известен также крупнейшими монастырями и большими историческими событиями, которые подробно описаны в трудах «Города Северной Монголии» А. М. Позднеева и «Современная Монголия» И. М. Майского.

Здесь также уместно вспомнить, что и мне тоже посчастливилось побывать во многих красивых уголках России. Так, в моей памяти хорошо сохранилось воспоминание о посещении Останкинской башни в Москве в сопровождении В. В. Грайворонского. Поднявшись на башню, мы увидели с ее высоты гигантскую Москву во всей ее красоте. Она широко раскинулась на обширной равнине, покрытой густым (тургеневским в моем понимании) лесом. Прежде всего мне бросились в глаза золотые купола кремлевских соборов, а также высотные дома, построенные после войны. После этого небольшого отступления продолжим нашу тему.

Вспоминая свои встречи и контакты с российскими монголоведами, я обязан хотя бы вкратце отметить свои многолетние связи с известными советскими археологами, в том числе членом-корреспондентом С. Киселевым, академиками А. П. Окладниковым и А. П. Деревянко, докторами наук В. В. Волковым,

Э. А. Новгородовой, этнологом Н. Л. Жуковской и др. Нельзя не вспомнить многочисленные встречи с уважаемым Ш. Г. Надировым. Хотелось бы подчеркнуть мои самые добрые отношения с выдающимися китаеоведами — академиками Н. Т. Федоренко, С. Л. Тихвинским, членом-корреспондентом В. М. Солнцевым и др. Рад особо отметить, что в контактах с учеными и в научном сотрудничестве между академиями наук наших двух стран большую роль играл наш старый добрый друг — бывший начальник одного из управлений Президиума Академии наук СССР И. А. Суринов.

Я также обязан с большим уважением вспомнить одного из крупнейших советских геологов, организатора науки, крупнейшего специалиста по тектонике Центральной Азии академика А. Л. Яншина, крупного зоолога, академика В. Е. Соколова, известного палеонтолога академика А. Г. Вологодина, учеников академика В. Л. Комарова — академика Е. М. Лавренко, доктора наук А. А. Юнатова. Если я кого-либо пропустил, то прошу простить меня. Следующие мои воспоминания будут посвящены встречам с монголооведами Улан-Удэ, Иркутска и Санкт-Петербурга.

В развитии научного сотрудничества между нашими академиями большую роль сыграло подписанное 3 апреля 1967 г. Соглашение о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Академией наук МНР.

В завершение хотел бы особо отметить, что после репрессивных мер, принятых против меня в 1981 г., советская научная общественность не поддержала предложение монгольской стороны об исключении меня из иностранных членов АН СССР, а также как и академий наук ряда других стран. Я признателен руководству Института востоковедения РАН за приглашение работать в качестве старшего научного консультанта в 1982 г. и в качестве ведущего научного консультанта с 1992 по 1997 г. Я с большой благодарностью вспоминаю, как в 1992 г. тогдашний директор ИВ РАН член-корреспондент М. С. Капица по случаю моего 80-летия объявил мне благодарность за работу в качестве консультанта. По этому же случаю президент РАН академик Ю. С. Осипов поздравил меня и пожелал всего наилучшего.

**ВОСПОМИНАНИЯ
О Б. ШИРЕНДЫБЕ**

БАЗАРЫН ШИРЕНДЫБ В ВОСПОМИНАНИЯХ РОДСТВЕННИКОВ

Из воспоминаний Т. Ширендыб

Когда-то я прочитала удивительную фразу: «У каждого ученого должен быть мощный ген беспокойства. Он должен быть одержимым». Наблюдая жизнь своего отца, я не переставала восхищаться тем, как точно следовал он этому постулату.

Мой отец Базарын Ширендыб прожил удивительно яркую, полную жизнь. Уже с юных лет цель его жизни была определена — это видно из всех биографических источников. Он был призван нести свет и любовь людям, родной Монголии. Ему выпало жить в тот период истории страны, когда она переживала социально-экономические и демократические преобразования. Ему выпала честь работать с выдающимися людьми Монголии — политическими деятелями, военачальниками, учёными и представителями творческой интеллигенции. И в каждый период серьёзных преобразований в Монголии он занимал своё место в жизни страны и свято выполнял свой долг, не щадя сил, не сходя с раз и навсегда избранного пути, сколь бы труден он ни был. Его связь с обществом была постоянной: он испытывал интерес к живым, конкретным людям, к их заботам и тревогам. В любом человеке он старался замечать доброе. Искренне радовался чужим удачам, сочувствовал любому горю, порой терпя в жизни своих близких такое, чего бы не позволил себе.

Сам отец, будучи очень образованным человеком, находясь на высокой должности Президента АН МНР, не стеснялся братья за учебники, осваивая новые науки, считая должность ученика самой почётной. Он бесконечно любил жизнь, тонко чувствовал всё прекрасное в ней и щедро делился ощущениями красоты мира в своих художественных произведениях. Видеть красоту жизни — великий дар. А красоту он видел во всём: в природе, людях, музыке, поэзии. Талантливый человек талантлив во всём. В полной мере это можно отнести к отцу: учёный, писатель, поэт, художник! И заме-

чательный отец! Его любовь и забота распространялись на всю нашу многочисленную семью, разбросанную по разным городам и странам. Когда случается в жизни что-либо тяжёлое и горькое, я вспоминаю отца, и мысль о том, что есть такие чистые сердцем, преданные люди, каким был Он, мой отец, помогает справиться с любой неприятностью. Воспоминания об Отце настолько ясные и сильные, словно он продолжает оставаться с нами, Его присутствие мы продолжаем ощущать каждый день, потому что Любовь не исчезает. Светлая Ему Память!

Каким его помним мы

Ни один из его близких не был обделён вниманием, всех он помнил, за всех болел душой. Мы постоянно чувствовали на себе его заботу, особенно в годы тяжёлых утрат и жизненных испытаний. Отец всегда старался ободрить и поддержать любого из нас.

Хранительницей очага была мать. Мы, дети, подчинялись её строгим указаниям и соблюдали установленный ею распорядок в семье. Смыслом её жизни был отец, которого она боготворила, тщательно оберегала его покой, зачастую от посетителей, приходивших к отцу с многочисленными бытовыми просьбами кого-то куда-то устроить, что-то помочь, купить — а он не умел отказывать. Мама следила за здоровьем отца, сама готовила ему еду, тщательно соблюдая диету, и это при том, что за столом обычно собиралось человек десять. На работе отец устал безмерно, пока не имел и дома, ни на минуту не забывая о делах. Мы, дети, любя и почитая мать, душой стремились к отцу, с нетерпением ожидая его возвращения домой с работы. И вот приезжал он, Человек-праздник. И как бы ни устал, неизменными оставались так называемые «вечерние разговоры обо всём» перед сном, в которых принято было принимать участие всей семье. Нет, в них не обсуждались одни скучные дела... Мы, счастливые, уютно засыпали, нам загорались звёзды, открывались новые миры, герои древних сказок входили в наши сны. И это тоже были его уроки.

Воспитывал он тоже по-своему: никогда не начинал с жёстких упреков и наказаний. Сначала пытался утешить, согреть и успоко-

ить и только после этого учил и наставлял. И эти его наставления действовали сильнее громких окриков и жестких замечаний.

Вспоминается наша поездка из Москвы в Болгарию. На машине! Билеты на самолёт для него были уже заказаны, но отец настоял на том, чтобы ехать машиной, с зятем и внуком. Вместо трёх часов полёта почти трое суток утомительного пути! Мы растерялись — в его-то возрасте! Ему уже было далеко за семьдесят. Терпеть неудобства, ночевать в машине, питаться кое-как. Но отец был неумолим. Проезжая Украину, Молдавию, Румынию, словно путешествуя по родной Монголии, ощущая себя в родной стихии, он наслаждался живописными картинами гор, рек, полей и лесов. И спутники его ни разу не пожалели, что поехали вместе. В пути ведущим был он. Сколько нового они узнали, как много прекрасного открылось на уже изъезженной и такой знакомой дороге!

«Народный человек» — так говорили про него в горном болгарском селе, куда он каждый год ездил отдыхать с зятем и внуком в годы опалы. Он часто выступал перед учениками школы, рассказывая о далёкой Монголии. Разговаривал с простыми жителями села — интересовался тем, как они изготавливают свои традиционные молочные продукты — йогурт, брынзу, домашний сыр. Сравнивал способы домашнего изготовления и хранения с тем, как это делали в его родном Архангае. По вечерам гулял по склонам Средней Горы, общался с пастухами, возвращавшими в село отары овец. И везде он был свой, простой, знавший толк в нелёгком сельском труде человек. Ныне на доме директора школы, учителя истории Стайко Цветкова, где регулярно останавливался академик Б. Ширендыб, по инициативе сельской общины установлена мемориальная доска. А имя Б. Ширендыба внесено в список почётных граждан этого маленького болгарского городка.

Из воспоминаний Е. В. Волковой

Мой дед, Базарын Ширендыб, не только стал настоящим отцом моему папе, В. В. Волкову, но и открыл для него совершенно новую страну — Монголию. Папа не просто работал в этой стране много лет, он полюбил ее всей душой. Бывает так, что какое-то место будто создано для тебя или ты для него. Именно таким ме-

стом стала Монголия для моего отца. Закрытие Совместной советско-монгольской историко-культурной экспедиции (ССМИКЭ), которой он руководил, и отсутствие возможности еще раз побывать в Монголии, думаю, сильно подкосили его здоровье. У него выбили почву из-под ног, ему стало неинтересно жить.

Моя мама, Э. А. Новгородова, любила и уважала деда. Он был для нее настоящим учителем, на которого она стремилась быть похожей.

Из воспоминаний С. В. Богомоловой

В жизни сына Базарына Ширендыба, Баира, случились трудные времена: он развелся с женой и оказался в Калуге. Он был дружен с моим сыном, и мы всячески пытались помочь Баиру с жильем и работой.

Как-то мы поехали в Москву за документами. Баир позвонил сестре, но к телефону неожиданно подошел сам академик. Отец и сын давно не видели друг друга, и после этого звонка встреча стала неминуемой — нас пригласили на обед.

Дверь открыл приветливый, обаятельный человек и любезно пригласил нас в комнату.

Академик САМ приготовил какое-то сложное монгольское блюдо. За столом потекла непростая беседа — отец с тревогой расспрашивал сына о его новой жизни.

Эти встречи стали регулярными. Бывая в Москве, отец звонил Баиру, приглашая его в гости. Как-то он задержался в России — работал над русским учебником истории. Будучи сотрудником газеты, я поинтересовалась, какого рода правки делает академик. Он охотно указал на некоторые исторические неточности. На полях учебника была размещена правка. Я очень удивилась: замечания были сделаны тонким, без нажима карандашом и сопровождались вежливой фразой: «Я бы попросил...»

Я посчитала это робостью, неуверенностью. «Как же так? — подумала. — Ведь академик!»

А через годы, вычитывая диплом подруги, почему-то вспомнила Ширендыба и точно так же — карандашом, с робкой фразой — исполнила свои замечания. Подруга получила «отлично!» В

том числе за то, что «все исправления сделаны с большим тактом» (цитата).

Спасибо академику! Мое мимолетное знакомство с методом его работы стало уроком на всю жизнь!

Баир умер в Калуге, в год смерти своего отца. Он похоронен в городе, через который в далеком 1942 году прошел монгольский поезд помощи России. Переводчиком в группе сопровождения был молодой тогда Базарын Ширендыб. На могиле Баира стоит памятник, на нем — знаменитая монгольская фамилия. В уютном русском городе остался легкий печальный след...

Из воспоминаний Е.А. Жегалло

В 1981 году я познакомилась с Ширендыб-гуаем, когда вышла замуж за его сына Виталия Волкова. Он приехал в Москву в командировку. С самого начала меня поразила его кипучая энергия, он не умел «жить плавно», откладывая дела «на завтра», чем очень отличался от многих своих сотрудников по монгольской Академии наук. Круг его интересов был очень широк, причем во всех случаях это был не формальный интерес, а живой, искренний, познавательный. Он был очень эрудированным человеком, но никогда не давил своими знаниями, а с удовольствием делился ими, поэтому с ним было легко разговаривать и задавать любые вопросы. Каждый год мы с мужем ездили в Монголию в экспедиции, он как археолог, я — как палеонтолог. Обычно, приехав в Улан-Батор, мы перед выездом в поле приходили к нему в гости и рассказывали о своих планах на лето, а, возвратившись осенью, делились своими впечатлениями о результатах работы. Ширендыб-гуай был родом из сомона Шинэ-Идэр Хубсугульского аймака. Одним из районов, где я работала, было Прихубсугулье, и я бывала в его родном сомоне, поэтому он очень детально расспрашивал о родных местах. Он радовался, что я разделяю его мнение, что Хубсугульский аймак самый красивый и живописный.

Он очень гордился Монголией, ее историей, природными богатствами. Когда он отдыхал в санатории «Узкое» в Москве, он приводил своих друзей-академиков в Палеонтологический музей и просил показать им его экспозицию. Особенно он любил мезозой-

ский зал, где выставлено много динозавров и других экспонатов из Монголии, и с удовольствием рассказывал о раскопках Советско-Монгольской палеонтологической экспедиции. Как-то его спросили о том, не жалко, что все это выставлено в этом музее, а не в Монголии. На что он ответил, что в Монголии очень богатые местонахождения динозавров, и их на всех хватит, только нужно работать, а то, что они выставлены в Палеонтологическом музее, у него вызывает гордость, ведь это все было найдено в Монголии.

Прожив большую и очень непростую жизнь, Ширендыб-гуай сохранил удивительно доброе отношение к людям, ни разу он не отзывался о ком-то зло, плохо, даже в тяжелые моменты. У него было прекрасное чувство юмора, он был замечательным рассказчиком, поэтому общение с ним доставляло удовольствие.

Женившись на Зинаиде Журавлевой, он стал настоящим отцом ее сыну Виталию, который всегда очень тепло и благодарно говорил о Ширендыбе, о его влиянии на выбор профессии археолога. Виталий любил рассказывать, что Ширендыб воспитывал его по-мужски: брал с собой на многодневную охоту и рыбалку, в 14 лет подарил охотничье ружье, учил старомонгольскому письму.

**Б. ШИРЕНДЫБ:
УЧЕБА НА МОНГОЛРАБФАКЕ
(УЛАН-УДЭ)**

Я познакомился с академиком Б. Ширендыбом в бытность его президентом АН МНР, когда на рубеже 60–70-х гг. минувшего столетия бывал в МНР в научных командировках. Зная о его учебе на Монголрабфаке в Улан-Удэ, обратился к нему с просьбой рассказать об этом периоде его жизни.

Ширендыб-гуай рассказывал: «Учился на Монголрабфаке с 1932 по 1936 г. В конце лета 1932 г. я с группой товарищей отплыл из Сухэ-Батора на маленьком пароходе по Селенге. Рабфаковцев приняли с большой заботой, нас обеспечили общежитием, учебниками, литературой. Преподавали нам лучшие педагоги Улан-Удэ. Педагоги сумели внушить своим ученикам любовь к науке и неутолимую жажду знаний. Среди монголрабфаковцев было немало одаренных юношей и девушек, по окончании рабфака поступивших в специальные средние и высшие учебные заведения и впоследствии ставших известными учеными, деятелями культуры и общественно-политическими деятелями. В числе первых выпускников Улан-Удэнского Монголрабфака был Юмжагийн Цеденбал, Генсек ЦК МНРП и председатель правительства Монголии...»

В июне 1929 г. было подписано Соглашение «Об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР», согласно которому Советское правительство приняло обязательство оказать МНР содействие в подготовке национальных кадров, в частности в обучении монгольских граждан в советских учебных заведениях.

В СССР были созданы специальные средние учебные заведения для монгольских учащихся. Так, в Иркутске были учреждены монгольские двухгодичные курсы при педагогическом факультете университета, в Улан-Удэ — Монголрабфак (Монгольский рабочий факультет), в Кяхтинском педучилище — монгольское отделение, в Москве и Ленинграде — при Коммунистическом универ-

ситете трудящихся Востока (КУТВ) и Институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ) — монгольские сектора.

Монголрабфак был открыт в столице Бурят-Монгольской АССР в январе 1930 г. Для монгольских учащихся правительством Бурят-Монгольской Республики были построены благоустроенное общежитие, учебный корпус с 14 аудиториями и кабинетами естествознания, физики и химии, математики.

С монгольскими учащимися работали опытные педагоги, преимущественно знающие монгольский язык. Для преподавания монгольского языка приглашались специалисты из Улан-Батора. Известны имена некоторых из них — Ш. Лувсанвандан, Д. Чойжилсурэн, Чимид, Доржо-Батор.

75 человек из Монголии и 10 человек из Тувы (Тывы) прибыли в Улан-Удэ в 1930 г. У приехавших на учебу учащихся была неодинаковая подготовка. Поэтому их разделили на три группы: неграмотные, малограмотные, грамотные. Были установлены сроки обучения: для учащихся 1-й группы — 6-летний срок обучения с двухгодичными подготовительными курсами, для учащихся 2-й группы — 5 лет с годичными подготовительными курсами, на основных курсах должны были заниматься 4 года. Таким образом, в течение 4–5–6 лет рабфаковцы получали среднее образование и возможность поступать в специальные средние учебные заведения, а также в вузы.

На подготовительных курсах Монголрабфака основными предметами были русский и монгольский языки, арифметика. На основных курсах, кроме этих предметов, изучали историю, биологию, обществоведение, географию, а также ряд вспомогательных предметов. На старших курсах учащиеся изучали агротехнику, основы животноводства, трудовые ресурсы, геологию.

В первые годы учебы преподавание велось на монгольском языке. В 1936 г. педагогический совет рабфака принял следующее решение: начиная со второго курса, вести преподавание общеобразовательных предметов на русском языке.

По учебному плану предусматривалась производственная практика, которую учащиеся проходили в сельхозартелях, на промышленных предприятиях. В отчете за 1934 г. говорилось: «За

время практики в коммуне “Улаан Готол” Боханского аймака БМАССР из 170 студентов научились управлять трактором 70. За оказанную помощь коммуне, за примерную работу студенты премированы коммуной 2500 рублями».

Монголрабфаковцы принимали участие в деятельности различных кружков (научно-технического, литературного, музыкального, танцевального и др.). Вместе с бурятской молодежью рабфаковцы отмечали советские праздники, а также Сагаалган, Сурхарбаан, посещали музеи и театры, совершали экскурсии по памятным местам Бурят-Монголии.

Летом 1941 г. Улан-Удэнский Монголрабфак, преобразованный годом раньше в педучилище, был переведен в Улан-Батор. В приказе Наркомпроса РСФСР говорилось: «Преподнести правительству МНР оборудование для кабинетов, лабораторий и библиотеку педучилища, как подарок СССР к 20-й годовщине монгольской революции». Так состоялось слияние Улан-Удэнского Монгольского педучилища с Улан-Баторским педагогическим училищем.

Я получил высшее образование в Ленинграде. Окончил монголо-тибетское отделение Восточного факультета ЛГУ по специальности «историк-востоковед». После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации был доцентом Томского государственного университета (1959–1964) и Бурятского пединститута им. Д. Банзарова (1964–1973), читал в вузах лекции по новой и новейшей истории стран зарубежного Востока и по истории Древнего Востока. В своих лекционных курсах по истории Монголии широко использовал монографические труды Б. Ширендыба, посвященные проблемам новой и новейшей истории страны («Народная революция и образование МНР», «Монголия на рубеже XIX–XX вв.», «История Монгольской народной революции», «Древние дипломатические документы»).

С 1973 г. работал заведующим сектором монголоведения и отделом востоковедения Института общественных наук (ныне ИМ-БиТ) Бурятского научного центра. В 1980 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Взаимоотношения Монголии с Россией и

странами Средней Азии в XVII–XVIII вв.» в Институте востоковедения АН СССР.

Академик Б. Ширендыб проявлял интерес к развитию монголоведения в Бурятии, Бурятском научном центре (БНЦ); при встречах выражал одобрение моей научно-педагогической деятельности. Он откликался с отзывами на мои труды, в частности на «Антиманьчжурскую освободительную борьбу монгольского народа» (Улан-Удэ, 1974), «Монгол орон» (1974), «Сотрудничество СССР и МНР в области науки и культуры» (Новосибирск, 1983), на изданные в 1970–1980-е гг. в Москве монографии «Взаимоотношения Монголии и России», «Взаимоотношения Монголии и Средней Азии», «Россия и Монголия».

Заслуги Б. Ширендыба как организатора науки и ученого-исследователя огромны. Его научная деятельность многогранна. Прежде всего он историк, но в своих работах затрагивал социологические, философские проблемы, вопросы культуры и социально-экономического развития Монголии.

Базарын Ширендыб известен как талантливый организатор науки и просвещения в стране и крупный исследователь-историк, писатель, труды которого многократно издавались на родине и за рубежом.

Как первый ректор Монгольского государственного университета и как министр просвещения, заместитель премьер-министра, президент АН Монголии Б. Ширендыб отдавал много сил и энергии делу развития просвещения, науки и культуры в стране. Последовательно выступал за укрепление и расширение связей монгольской Академии наук с академическими институтами СССР/России.

ДОРОГОЙ ШИРЕНДЫБ...

Моя научная судьба неразрывно связана с именами моих монгольских учителей, коллег и друзей, но среди них есть одно, которое мне особенно дорого, — Базарын Ширендыб. Он вошел в мою жизнь в далеком 1957 г., когда я была принята на работу в Сектор Монголии Института востоковедения Академии наук СССР в качестве младшего научного сотрудника и — одновременно — референта Александра Александровича (как он любил себя называть, знакомясь с русскими) Ширендыба. Он был прикомандирован к нашему институту для подготовки докторской диссертации, а в мои обязанности входило помогать ему в сборе материалов в российских архивах и их первичной обработке. А тема его диссертации была масштабной и важна не только для автора, но и для его страны в целом — молодое поколение Монголии, а не только кабинетные ученые, должно было приобщиться к новым истокам своей государственности. К тому же Монголия добивалась членства в ООН и стремилась обратить внимание мировой общественности на тот факт, что она отстаивала свое право на государственный суверенитет еще в 1921 г. Озаглавлена же диссертация была так — «История Монгольской народной революции 1921 года». После защиты в 1960 г. на ее материалах были подготовлены и опубликованы в Москве и Улан-Баторе книги «Монголия на рубеже XIX–XX вв. История социально-экономического развития» и «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Монголию», а также ряд других. В 1960 г. Б. Ширендыб вернулся на родину. Кажется, это было в декабре, а в следующем, 1961 г., (в мае) была создана Академия наук МНР — ведущее научное учреждение страны, и доктор исторических наук, профессор Б. Ширендыб стал ее первым президентом.

Труды академика Б. Ширендыба, его деятельность на посту президента Академии наук МНР получили международное признание: он был избран иностранным членом Академии наук СССР,

а также АН ВНР и АН ЧССР. Помнится, как после избрания его почетным доктором Лидского университета он устроил небольшое торжество, пригласив на него нескольких монголоведов. Он появился перед нами в черной мантии и четырехугольной шелковой шапочке, и искорки юмора проскользнули в его взгляде; все-таки было видно, как он горд за свою страну, получившую в его лице международное признание за достижения в области отечественной науки.

В России у него было много добрых знакомых и друзей, особенно в академической среде. В разговорах с ним часто мелькали имена М. В. Келдыша, И. М. Майского, А. Л. Яншина, Е. М. Жукова, А. П. Окладникова, И. Я. Некрасова, А. П. Деревянко, Э. М. Мурзаева, М. С. Капицы, С. Д. Дылыкова, И. Я. Златкина. Знакомством со многими из них, а это крупнейшие российские авторитеты, ученые с мировым именем — историки, географы, геологи и археологи, отдавшие много сил исследованию различных направлений в монголоведении, я обязана в первую очередь своему учителю и другу Александру Александровичу Ширендыбу. Он и И. Я. Златкин стали официальными консультантами моей кандидатской диссертации, а И. М. Майский — первым оппонентом. Разумеется, я была далеко не единственной из моих молодых коллег-монголоведов, которым академик Ширендыб помогал осваиваться в их профессии. Это были в первую очередь М. И. Гольман, С. К. Роцин, Г. И. Слесарчук, В. В. Грайворонский, которого он весьма отличал за блестящее знание разговорного монгольского языка.

Б. Ширендыб особенно привечал нас во время наших командировок в Монголии: заботился о том, чтобы у нас было удобное жилье, брал в поездки по Монголии и щедро делился своими поистине энциклопедическими знаниями. При его содействии я смогла посещать крупные промышленные предприятия страны, выезжать в отдаленные районы. И он всегда интересовался результатами. А когда мои две книги переводились на монгольский язык, спрашивал, как идут дела и не нужна ли его помощь.

В преддверии драматических событий конца 1980-х гг. Б. Ширендыб обостренно переживал ситуацию в своей стране и в Совет-

ском Союзе, возникновение напряженности в советско-монгольских отношениях.

Как-то раз он неожиданно позвонил мне домой, в Москву. Поводом послужило мое интервью монгольской редакции нашего радиовещания, транслированное в Улан-Батор. На вопрос, с кем из моих монгольских друзей я хотела бы встретиться, первым я назвала его имя. Он был растроган и примерно сказал так: «Я слушал передачу. И понял, что бы ни случилось, разрыв с Россией невозможен. Никогда». В тот момент я не сразу поняла пафос этого короткого высказывания, и только позднее выяснилось, как много за ним стояло: и возникшая открытая публичная критика политики СССР в отношении Монголии, и бестактное заявление по радио Гарри Каспарова в адрес Монголии, и митинг протеста по этому поводу в Улан-Баторе перед входом в советское посольство. Б. Ширендыб был настоящим другом СССР и до конца оставался верен его правопреемнице — новой России.

Когда мы впервые познакомились, за плечами у Ширендыба уже был большой опыт работы ученого и крупного политического и государственного деятеля Монголии, а у меня — только что оконченный Московский институт востоковедения и скромная переводческая практика в Центральной комсомольской школе плюс контурное представление о стране, которую я собиралась глубоко и серьезно изучать. И тогда еще, очевидно, я не представляла, какой удачей было мое знакомство и непосредственная работа с Ширендыб-гуаем. На какие-то доверительные отношения рассчитывать не приходилось, просто это была моя работа и я старалась делать ее хорошо, хотя до того довольно смутно представляла специфику работы в архиве. Перед первым знакомством с ним я, конечно, побаивалась, слишком уж велик был разрыв между нашими социальными и научными статусами, который так и остался практически навсегда, сохранившись как чувство безграничного уважения и любви. А тогда я приготовилась к встрече с важным и мудрым и, конечно, пожилым человеком, который с первого взгляда распознает в недавней студентке человека с уровнем знания страны, никогда в ней не бывавшего и, тем не менее, весьма дерзко мечтающего о кандидатской степени.

В действительности все оказалось не так. Меня представили импозантному и довольно молодому человеку, отмеченному тонкой восточной красотой, в отличном европейском костюме и модно повязанном галстуке. Он свободно говорил по-русски и явно не собирался устраивать мне переэкзаменовку по страноведению. Напротив, в обращении он оказался прост и деликатен, уважителен, расспросил о семье, образовании, творческих планах, а на другой день началась наша работа в архивах. Нами было охвачено несколько таких учреждений, но больше всего полезных материалов, как мне помнится, обнаружилось в Центральном государственном военно-историческом архиве, расположенном в Лефортове, старинном московском районе. Первое посещение его состоялось летом. Стоял прекрасный солнечный день, за окнами зеленела листва, и все это так контрастировало с суровыми описаниями боевых событий, имевших место в Монголии в первые два десятилетия XX века. Они буквально стеной вставали из разного рода военных приказов, постановлений военных советов и т. д. Ширендыб-гуай сам тщательно просматривал описи, выбирал показавшиеся ему нужными дела, а я их заказывала и от руки старательно копировала документы в толстые тетради с хорошей бумагой в клеточку, не забывая его настоятельное пожелание обязательно указывать на источник. Постепенно я втянулась в такую работу, а потом она увлекла меня по-настоящему, открывая историю Монголии и России первой четверти XX века с новой стороны. «Ты спрашивай, если тебе что-то непонятно», — сказал он однажды, заметив, что я то и дело возвращаюсь к началу какого-то документа. Ширендыб-гуай учил меня по много раз перепроверять отдельные факты, сравнивая их по разным источникам, и такая выработанная в конце концов скрупулезность очень пригодилась мне впоследствии, когда я стала работать над своей диссертацией. Меня интересовала не только история, но и экономика Монголии, и Ширендыб-гуай как-то сказал: нашей стране надо эффективнее развивать хозяйство, научиться пользоваться тем, что дала ей природа, развивать промышленность и животноводство, налаживать перерабатывающие отрасли, работающие на животноводческом сырье. Как актуально это звучит сейчас, когда значительная часть

продукции монгольского животноводства за бесценок уходит в Китай в сыром виде, и сколько на этом теряет монгольский бюджет... Ширендыб-гуай посоветовал мне подумать над конкретными предложениями в этом направлении и сам частенько подсказывал разные варианты. Это были проекты по устройству ферм высокопродуктивного молочного скота, местных небольших заводов, производящих костную муку, и т. п. Особенно мне нравилась его идея по изготовлению галантереи из костяных пуговиц, пряжек и других мелочей. «Все должно идти в дело», — приговаривал он.

К своей диссертации он относился очень трепетно. Я часто приходила к нему домой, в двухкомнатную квартиру в центре Москвы на улице Чайковского, где тогда жила его семья — жена Зинаида Алексеевна и двое детей, школьники — сын Баир и дочь Таня, которая впоследствии защитила в нашем институте кандидатскую диссертацию по финансовым проблемам Монголии.

Я приходила, пила чай, и мы принимались за работу. Машинописки приносила очередную партию отпечатанной рукописи, и мы начинали считать с оригиналом и раскладывать ее на несколько экземпляров. Интереснее всего при этом были комментарии самого автора. Ширендыб добивался полной ясности изложения и настаивал на том, чтобы я отмечала непонятные для меня места. Так, мне невольно приходилось выступать в роли первого критика докторской диссертации будущего первого президента Академии наук МНР Базарына Ширендыба. А еще иногда, очень редко в минуты отдыха, он читал свои стихи по-монгольски, долго, громко и задумчиво, слегка прикрыв глаза, погружаясь во что-то свое, глубоко личное. Впоследствии, через много лет, я поинтересовалась, почему он не издал свои стихи, и он ответил, что они были плоховаты, но вот либретто для одной монгольской оперы все-таки написал. «Понимаешь, Галечка, — говаривал он, — у нас настоящие поэты — это Нацагдорж и Дамдинсүрэн, а я так, дилетант». Тяга к литературному творчеству у него, как у подлинного монгольского интеллигента, конечно, была велика. Но из-за своей вечной занятости он не мог позволить себе всерьез отвлекаться, и только уже на склоне лет написал большое эссе «По волнам памяти». К тому времени я уже имела опыт перевода монгольской про-

зы, и он сказал, что хотел бы, чтобы я это сделала и для него, но сначала он должен расширить книгу и кое-что уточнить. «Я подожду», — сказала я. Но дождаться так и не привелось. И все-таки переводить кое-что из его научных работ мне приходилось, в основном это были короткие заметки, касающиеся редких археологических находок. Обычно он обходился без переводчика и привлекал меня потому, что просто не имел времени. Научные планы его были велики, хотя о них я знаю не так много, но то, что он собирался написать историю монгольской столицы Урги, известно не мне одной. В кабинете его монгольской квартиры, над большим письменным столом, стоявшим слева от входа, висела большая, слабо подсвеченная штрихами красного карандаша, довольно потрепанная карта монгольской столицы. Такой, какой она была в начале XX века. А еще открытые полки в кабинете, до отказа набитые пухлыми папками. Одни из них были перевязаны тонкими почтовыми бечевками, другие едва удерживали стандартные белые тесемки. Ширендыб объяснил мне, что это все материалы по истории Монголии, собранные им за долгие годы, и предложил посмотреть. Запомнились старые фотографии с ломкими уголками, изображавшие стайки юрт в степи, роту унгерновских солдат у погасшего кострища. Судьба его архива до сих пор не ясна. Надеюсь, что настанет время и в Центральной библиотеке откроется фонд Ширендыба. Но тогда мне больше нравилось рассматривать фотографии его многочисленных семейных альбомов, узнавая по юным лицам его сверстников людей, ставших министрами, послами и другими видными государственными деятелями. Я видела эти альбомы много раз и всегда обнаруживала в них что-то новое. Сожалею, что не догадалась записывать комментарии Ширендыба, но в памяти кое-что осталось, ибо рассказы его были обстоятельными.

Ширендыб-гуай оказал большое влияние на мое понимание монгольских реалий, на выработку собственной точки зрения на многие острые вопросы социально-экономического развития Монголии. Ему, похоже, нравилось, что меня привлекают теоретические проблемы, связанные с азиатским способом производства, и дискуссия, которую он много лет вел с другим известным акаде-

миком — Ш. Нацагдоржем, его неизменным оппонентом. Спор велся вокруг вопроса о том, что является первичным в основе животноводства — собственность на скот или на землю. Первую позицию отстаивал Нацагдорж, крупный историк. Ширендыб-гуай, напротив, утверждал, что земля в дихотомии «скот — земля» — фактор первостепенный. Прислушиваясь однажды к этой дискуссии, я вдруг услышала вопрос Ширендыба, а что думает по этому поводу молодое поколение. Мне казалось, что кочевое животноводство составляет единство первого со вторым. Я не была готова с ходу научно обосновать свое представление, и тогда Ширендыб-гуай стал объяснять мне еще раз свою точку зрения. Но быстро обнаружив мое замешательство, прибегнул к образному методу. Я должна была понять, что скот — не бабочки и порхать над землей не умеет. Значит, в чем сначала нуждается кочевое животноводство? В земле! Нацагдорж улыбнулся — ведь без скота будет только одна земля. Я стала колебаться и, пожалуй, колеблюсь по сей день, втайне рассчитывая на свою правоту. Хотя мне так хотелось, чтобы научная дискуссия завершилась в пользу моего учителя. А вообще он был склонен обучать меня, например, науке писать статью, часто прибегая к образным понятиям. По его словам, с самого начала следует четко сформулировать задачу исследования. Это у него называлось «надеть шапочку». С тех пор, начиная что-то писать, мысленно повторяю эти слова — «надеть шапочку».

Из монгольского окружения Ширендыба мне запомнились академики Ш. Бира, Б. Ринчен, писатель Д. Цэвэгмэд, поэт Д. Цэдэв. Он был близко знаком с Ю. Цеденбалом, дружил со многими бывшими монгольскими послами. Очень тепло он отзывался о С. Удвал, красивейшей и умной монголке, писательнице и общественной деятельнице, много лет занимавшей пост председателя Комитета монгольских женщин. Мне когда-то пришлось часто сопровождать ее в поездках по Советскому Союзу и даже перевести ее повесть «Они были первыми». Она, в свою очередь, высоко ценила меня как ученого и человека.

Тесно общаться с Базарыном Ширендыбом мне пришлось в драматическое для наших обеих стран время — начиная с марта 1989 г. по вторую половину августа 1990 г. Это была единственная

за всю мою жизнь годовая научная командировка. До того мне не везло: руководство не соглашалось отпускать меня более чем на месяц, а то и на две недели. Зато на этот раз повезло вдвойне. Я своими глазами наблюдала за развитием революционных событий в Монголии и жила этот год так же, как и большинство населения ее столицы, то есть голодно, холодно, с частыми и продолжительными перебоями с электричеством. Уехать раньше срока наотрез отказалась. Мои монгольские друзья меня понимали как исследователя и помогали выживать. Я не могу не назвать дорогие мне имена: Д. Цэдэв, С. Наран, А. Буянтогс, Д. Гарма, Л. Хайсандай, П. Лувсандорж, М. Санждорж, Ч. Дашдава и многие другие. И конечно, Ширендыб-гуай. По его требованию (надо укреплять здоровье!) мы часто ходили вдвоем на утренние прогулки. В назначенный день он заходил за мной в любую погоду, и мы отправлялись в сквер, что окаймляет центральную площадь города. Однажды мы встретили неподалеку оттуда Ж. Батмунха, который буквально на днях вместе с возглавляемым им Политбюро ЦК МНРП добровольно ушел в отставку. Он держался спокойно, сказал только, что у него дома отопительные батареи ледяные. Как и мой непосредственный начальник в Монголии, академик П. Лувсандорж, посоветовал мне вернуться в Москву. Я сохраняю к нему глубокое уважение, время разобраться в ошибках монгольского руководства, видимо, придет еще не скоро. Но сказанное Батмунхому в ответ на вопрос, почему не был отдан приказ стрелять по бастующим — «потому что это были наши дети» — говорит само за себя. Мы с Ширендыбом медленно курсировали по заснеженной аллейке и разговаривали — конечно же, о трудностях в наших странах, о карточках, по которым в Улан-Баторе нельзя купить хлеб, о давках за ним в очередях, в которых, случается, гибнут слабейшие — старики и дети. Ширендыб говорил глухо, в тот год Белой лошади зимой и в начале весны стояли особенно суровые холода, и он, как многие монголы, носил на лице марлевую повязку, закрывающую нос и рот. По его словам, демократия, в лоно которой устремилась Монголия, еще не гарантирует выход из экономического кризиса, государству надо навести в стране порядок. Нам обоим не давал покоя вопрос о том, как будут развиваться

отношения между нашими странами, как будет дальше развиваться Монголия, отказавшаяся от некапиталистического пути развития и взявшая курс на создание современной рыночной экономики. «Помогут ли ей Япония и страны Запада в должной мере?» — спрашивала я. «Наверное», — отвечал он. Но так можно попасть в большую зависимость от них, полагала я. «А вот чтобы этого не произошло, — продолжал Ширендыб-гуай, — у власти должны стоять не просто патриоты, но грамотные политики, способные вывести страну из тупика. Что-то в Монголии появилось слишком много партий, опасно это, стране сейчас дороже всего единство цели. Наши страны рано или поздно снова развернутся друг к другу, это веление истории». Скорее бы, думала я, считая, что Россия не так уж и оставила Монголию на произвол судьбы, как утверждали в пылу полемики некоторые монгольские политики и даже российские аналитики. В разгар кризиса продолжали работать совместные предприятия, Монголия поставила вопрос о списании задолженности по советским кредитам, и переговорный процесс, хоть и со скрипом, продолжался. И наконец, в 1993 г. стороны заключили новый Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве. Ширендыб оказался прав в своем прогнозе. Мне так хотелось, чтобы воплотилась в жизнь идея о создании музея Б. Ширендыба и установлении ему в городе памятника.

Конечно, жизнь моего учителя и старшего друга была нелегкой, он пережил и благоволение властей, и их охлаждение, периоды становления новой государственности и ее крутой поворот, преждевременную смерть жены, проблемы с детьми. Но пережил с достоинством, не кланяясь и не заискивая перед властью, не ропща на судьбу — он сделал для своей страны все, что мог. Таким я запомнила и буду помнить Вас, дорогой мой Ширендыб, всегда.

ЕГО ДЕВИЗ: БЫТЬ ПЕРВЫМ.
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АКАДЕМИКА ШИРЕНДЫБА

У каждой нации есть свои сыны — ее гордость. У монголов — это Базарын Ширендыб-гуай. Он из плеяды тех, кто своими деяниями внес весомый вклад в духовное возрождение родного народа в XX веке и его восхождение в ряды цивилизованного человеческого сообщества.

Академик Ширендыб — крупный исследователь истории Монголии и сам частица этой истории. Он родился в многодетной семье сельского писаря и в семь лет пошел в начальную школу при местном буддийском монастыре в сомоне Шинэ Идэр, что в Архангае (центр Монголии). Любознательный, одаренный, прилежный мальчик стал лучшим учеником монастырской школы. И с той поры прилагательное «первый» сопутствовало всю его долгую жизнь. Преуспевающий третьеклассник совершил побег из школы, недовольный догматикой учебной программы и возмущенный самоуправством учителя-ламы в отношении ребят, прошагал 30 километров пешком до своего аила. В условиях царившего в монастырской школе тотального послушания это был поступок, характеризующий его решимость и волевые качества. По совету мудрого учителя Чойсто Ширендыб добился перевода во вновь открывшуюся светскую школу в аймачном центре Цэцэрлэг, затем продолжил учебу в Улан-Баторе. В 1932–1936 гг. он — учащийся Монголрабфака в столице Бурятии Улан-Удэ, где штудировал русский язык и прошел полный курс среднего школьного образования. В 1936 г. он стал первым монгольским студентом Иркутского пединститута и блестяще окончил историко-литературный факультет, обрел первые навыки научно-исследовательской работы, литературного творчества.

По возвращении в Улан-Батор служебная карьера Ширендыба складывалась стремительно по восходящей. Он преподает в педучилище, в Высшей партийной школе и одновременно возглавляет лекторскую группу при ЦК МНРП. Высокообразованный молодой

специалист был приглашен в качестве референта Х. Чойбалсана по некоторым вопросам всеобщей истории, текущей политики ВКП(б), занимался переводами, делал для него обзоры новинок советской литературы. Работа Ширендыба в течение ряда лет референтом премьер-министра Чойбалсана, под непосредственным руководством первого лица в государстве, явилась для него весьма полезной практической школой. Учитывая тот факт, что Ширендыб в течение десяти лет находился на учебе в Советском Союзе, т. е. вне Монголии, Чойбалсан особое внимание уделял тому, чтобы он быстрее «вошел в колею современной жизни монгольского общества». В этих целях премьер с первых дней работы Ширендыба референтом организовывал ему длительные служебные командировки фактически во все регионы Монголии, брал с собой в поездки по стране. Посещая сельские глубинки, Ширендыб воочию наблюдал, изучал, сравнивал изменения в жизни аратов, происшедшие после 1920 г., когда он 18-летним юношей начал трудовую деятельность председателем сельхозартели в сомоне Чулуут.

Как отмечают его биографы, Ширендыба всегда отличала удивительная восприимчивость к новому, способность всюду и у всех учиться. Благодаря этим качествам, наряду с природной одаренностью и огромным трудолюбием, Ширендыб успешно справлялся с возложенными на него обязанностями, которые щедро преподносила ему судьба. В 32 года он был избран секретарем ЦК МНРП, затем несколько лет работал вице-премьером и первым вице-премьером. Но его не привлекала карьера чиновника — ему была ближе по душе научная работа.

В 1942 г. он стал ректором первого Монгольского государственного университета, созданного при помощи Советского Союза. Сам факт рождения «в грозные сороковые» первой высшей школы Монголии весьма примечателен. В то время, когда немецкие фашисты на Западе и японцы на Востоке в оккупированных ими странах варварски разрушали университеты, библиотеки, памятники культуры, когда советский народ вел смертельную схватку против гитлеровских агрессоров, СССР и Монголия объединили усилия для решения важнейшей задачи, стоявшей перед монголь-

ским обществом — подготовки национальных кадров высшей квалификации. В университет в качестве преподавателей были приглашены ведущие отечественные просветители, а также профессора и доценты из Москвы и Ленинграда. Самозабвенно работая с опытными педагогами, учеными, молодыми энтузиастами, сам ректор осваивал мудрую школу управленца, рос как преподаватель и исследователь. В университете проявился яркий организаторский талант Ширендыба. Под его руководством МонГУ за 11 лет превратился в кузницу национальных кадров высшей квалификации, здесь сформировалась элита творческой и научной интеллигенции. Будучи ректором, Ширендыб по совместительству в 1951–1953 гг. работал министром просвещения и многое сделал для формирования и становления системы педагогического образования в стране (были созданы пединститут в Улан-Баторе и педучилища в Цэцэрлэге и Чойбалсане).

Первый президент Академии наук

Наряду с административно-преподавательской работой Ширендыб расширял свои познания в общественных науках, углубленно изучал историю Монголии, ставшей предметом его многолетних научных исследований. В 1954 г. Ширендыб защитил кандидатскую, а в 1960 г. — докторскую диссертацию в Институте востоковедения АН СССР в Москве по теме «История Монгольской народной революции 1921 года». Он первым из монгольских историков был удостоен степени доктора наук. По возвращении в Улан-Батор Б. Ширендыб возглавил Комитет наук и высшего образования МНР. С энтузиазмом он включился и в работу по созданию на его базе Академии наук. К решению этой важнейшей задачи правительство привлекло Ширендыба еще с середины 40-х гг. В это время он во главе делегации монгольских ученых дважды совершил рабочие визиты в СССР, по приглашению Академии наук СССР, имел обстоятельные беседы с ее руководителями по вопросам организации национальной Академии. Изучал опыт научных центров и других стран. По совету вице-президента АН СССР И. П. Бардина Б. Ширендыб сосредоточился на создании трех главных условий для организации академии: формирование поло-

жительного отношения общественности, подготовка кадров, создание лабораторной базы. Естественно, народная власть проявляла огромную заботу о первой в истории Монголии Академии наук. На учредительной сессии 24 мая 1961 г. ее действительными членами были избраны видные ученые, а Б. Ширендыб — первым президентом. Эту высокую миссию он, что называется, верой и правдой выполнял 21 год.

1960–1980-е гг. — период развернутого строительства социалистического общества в Монголии. Становление и интенсивное развитие отечественной науки и Академии наук органично вписались в общегосударственный процесс. Высокими темпами велась подготовка научных кадров и наращивался материально-технический потенциал. Многочисленный коллектив ученых, ведомый президентом, настойчиво работал над осуществлением главной цели: превращения науки в производительную силу общества. В эти годы раскрылся многогранный талант Ширендыба как крупного ученого и организатора. За короткий период времени небольшой Комитет наук, где велись исследования по нескольким гуманитарным дисциплинам, вырос в многоотраслевую Академию с разветвленной сетью институтов, лабораторий, занявшую достойное место в ряду ведущих исследовательских центров зарубежных стран.

В стремительном восхождении молодой Академии наук МНР есть объективные и субъективные причины. Первые обусловлены ходом исторического развития Монголии, к числу вторых, несомненно, относится личность ее президента. Призвав Ширендыба возглавить вновь созданную Академию, руководство страны сделало правильный выбор, проявило дальновидность. Энциклопедически образованный, коммуникабельный, энергичный Ширендыб вписался в среду ведущих ученых, руководителей ведущих научных центров зарубежных стран. Особо тесные деловые связи Ширендыб поддерживал с президентами Академии наук СССР/России, а с академиком М. В. Келдышем они были большими друзьями. Примечательно, что оба родились в один год и в один день — 15 мая 1912 г. В своем поздравлении Ширендыбу в связи с 60-летием Мстислав Всеволодович писал: «Советские уче-

ные знают Вас как большого друга Советского Союза, выдающегося ученого, общественного и государственного деятеля, высоко ценят Ваш большой вклад в развитие науки и высшего образования Монголии». Близкие личные отношения Ширендыба с руководителями научных центров, с выдающимися иностранными учеными, несомненно, позитивно влияли на то, как молодая Академия наук МНР активно развивала сотрудничество с зарубежными центрами по широкому спектру общественных и естественных наук. А их начало было положено по итогам переговоров о монголо-советском научном сотрудничестве, которые вел в Москве по поручению правительства Ширендыб в 1946 г. Тогда были сформированы палеонтологическая, археологическая и экономическая экспедиции по изучению Монголии, результаты которых увенчались выдающимися открытиями. Позже масштабные исследования флоры, фауны, недр Монголии были осуществлены совместными советско-монгольскими комплексными экспедициями — биологической, геологической, палеонтологической, историко-культурной и др. Благодаря им сегодня монгольская наука по ряду направлений (палеонтология, народная медицина, геология и др.) занимает в мировом научном рейтинге высокое место. Примером того, как развитая геологическая наука начала служить производительной силой, является бурный рост горнодобывающей отрасли Монголии. Вовлечение в хозяйственный оборот разведанных на ее территории крупных и крупнейших месторождений угля, меди, урана, золота и других минералов открывает перед страной замечательные перспективы социально-экономического развития. Улан-Батор стал центром притяжения всех монголоведов.

Наряду с большой организаторской и управленческой деятельностью Ширендыб постоянно занимался научными исследованиями. Его труды по новой и новейшей истории Монголии — учебное пособие для тех, кто интересуется прошлым и настоящим этой древней страны. Его фундаментальная монография «История монгольской революции» удостоена Государственной премии, получила высокую оценку ученых Советского Союза, США, Европы и Азии, издана во многих странах.

Круг его научных интересов был широк. Наряду с историей это — философия, социология, культурология, историография, религиоведение.

В 1981 г. полный сил и творческих планов Ширендыб-гуай вынужден был оставить пост президента Академии наук. Требовательный к себе и к другим, принципиальный, он бескомпромиссно боролся с косностью, открыто, нелицеприятно подвергал критике за недостатки в работе любого, включая первого руководителя государства Ю. Цеденбала — своего товарища по учебе в Улан-Удэ и Иркутске. Но не только это послужило поводом для несправедливого отстранения Ширендыба и от других высоких выборных постов: члена ЦК МНРП, депутата Великого Народного Хурала, которые он занимал многие годы. Он стал жертвой попыток некоторых чиновников в высших эшелонах власти переподчинить себе Академию, передать некоторые ее институты другим ведомствам, что привело бы к ограничению ее деятельности. Согласиться с этим, стерпеть это в отношении своего детища Ширендыб не смог.

В тот трудный период Ширендыба пригласил Институт востоковедения Академии наук СССР, где он проработал 8 лет (1987–1995) в качестве ведущего консультанта. Вернувшись в Улан-Батор, он трудился в национальной Академии консультантом по вопросам планирования науки, подготовки кадров, оценки эффективности исследований. Завершив вместе с коллегами работу над пятитомной «Историей Монголии», он приступил к написанию книги о сотрудничестве ученых Монголии и России, активнейшим участником которого многие годы был сам. Продолжал литературную, общественную деятельность.

За четверть века работы в Монголии корреспондентом ТАСС, ИТАР-ТАСС, российских газет (с перерывами с 1969 по 1997 г.) мне доводилось многократно встречаться и беседовать с ним.

Легкая, энергичная походка. Гордо сидящая на плечах голова с шапкой аккуратно причесанных седеющих волос. Мудрый, изучающе внимательный взгляд. Добрая, с лукавинкой улыбка. Он был привлекателен внешне и духовно богат внутренне.

По сложившейся в советские времена практике, нам, работающим за рубежом журналистам, изучая восприятие обществен-

ностью страны пребывания многочисленных инициатив, решений правительства СССР, ЦК КПСС по актуальным вопросам международной и внутренней политики, приходилось часто и притом оперативно брать интервью у интеллектуалов — ученых, политиков, писателей, общественных деятелей. Наше общение с Ширендыб-гуаем периодически происходило и в этой связи. Несмотря на огромную занятость, он всегда был в курсе самых свежих и важных событий, имел о них собственные суждения и оценки. Он всегда был отзывчив, проявлял готовность быть полезным, оказать помощь и помогал.

Еще одна сфера деятельности Ширендыба — международная дипломатия. Будучи десять лет председателем Монгольского комитета защиты мира, он избирался членом Президиума Всемирного Совета мира, активно участвовал в работе ряда Всемирных ассамблей. В своих ярких выступлениях он достойно выражал волю, стремления монгольского народа за укрепление мира, обрел друзей Монголии среди крупных деятелей борцов за мир.

Блестящий оратор, Ширендыб был способен привлечь внимание любой аудитории. Доводилось слышать его выступления и на научных форумах, и на общественных собраниях, и на встречах с читателями, с молодежью. Говорил он аргументированно и потому убедительно, нестандартно по форме, вкрапливая в свою речь жемчужины из народного фольклора.

В нем органично сочетались качества патриота и последовательного интернационалиста. Он искренне, с признательностью рассказывал о своих учителях и педагогах на Монголрабфаке и в пединституте, о советских коллегах и друзьях, с которыми многие годы плодотворно сотрудничал.

Общение с ученым-энциклопедистом было всегда интересно еще и потому, что он — свидетель и участник узловых событий своего времени. Одну из бесед я приведу подробно.

От первого дня войны до дня победного — вместе

В канун 55-й годовщины Великой Победы советского народа над гитлеровским фашизмом Ширендыб-гуай любезно согласился

поделиться воспоминаниями о посещении Западного фронта Красной Армии в 1943 г.

«Нападение на СССР было угрозой и для Монголии, — сказал Ширендыб, — именно так восприняли в нашей стране агрессию гитлеровской Германии на Советский Союз».

От себя заметим: С первого и до победного дня войны монгольский народ жил под девизом «Все в помощь советскому народу! Все для победы Красной Армии!». Программа эта выражалась в двуединой цели. Первая — увеличить выпуск продукции на отечественных предприятиях и тем самым уменьшить ее поставки из СССР, облегчить тяжкую нагрузку его экономики, поставленной на военные рельсы. Вторая — оказать максимальную помощь борющемуся с врагом советскому народу. Добровольцев, желавших пойти на фронт, убеждали, что тыл в военное время — это тоже фронт. Радио и газеты круглые сутки сообщали сводки Совинформбюро. В кинотеатрах демонстрировались фильмы о битве с фашизмом. На сценах театров шли спектакли на героико-патриотическую тематику, о монголо-советском содружестве. Будучи секретарем ЦК МНРП по пропаганде и агитации, Ширендыб находился на авансцене этого всенародного движения. На фабриках кипела работа: выпускали валенки, шили полушубки, другую теплую одежду. Повсеместно заготавливали мясо, масло. Табунщики готовили для Красной Армии лучших коней. Для увеличения мясных ресурсов снаряжались специальные охотничьи бригады по отстрелу диких степных коз-дзеренов. Люди вносили в фонд помощи свои денежные сбережения, золото и другие драгоценности.

Одним словом, в годину суровых испытаний монгольские братья были вместе с советским народом, образно говоря, наши сердца бились в унисон.

А в 1945 г. на восточном театре военных действий армии наших двух дружественных государств разгромили японский милитаризм и поставили последнюю точку во Второй мировой войне — самой крупной и самой жестокой в истории человечества.

...Наша делегация из 45 человек прибыла в Москву в ноябре 1943 года, — продолжил воспоминания Ширендыб. — В нее вошли представители рабочего класса, аратов-скотоводов, интелли-

генции и ряд руководителей — премьер-министр, маршал Х. Чойбалсан, председатель Президиума Малого Хурала Г. Бумацэндэ, второй секретарь ЦК МНРП Ч. Сурэнжав. Эшелон с подарками был распределен по четырем фронтам, каждый состоял из десятков вагонов продовольствия и теплой одежды. Разделившись на 4 группы, мы отправилась к местам дислокации войск. Меня как переводчика определили быть рядом с Чойбалсаном. Наш путь лежал в подмосковный город Малоярославец. На всем пути мы не увидели ни одного уцелевшего поселка или предприятия. Все порушено. Подобно скелетам стояли остовы отдельных зданий. По обеим сторонам дороги — погосты, погосты, погосты. На одних — шести с пятиконечными звездами, на других — с фашистской свастикой. Попадались незахороненные трупы. В общем, зрелище жуткое. Штаб размещался в лесу, в двухэтажном здании, которое было замаскировано так тщательно, что его не заметишь ни с воздуха, ни с земли. Нас тепло встретили командующий фронтом И. С. Конев, начальник штаба В. Д. Соколовский, представитель Верховной ставки Н. А. Булганин, другие генералы. Они подробно ознакомили Чойбалсана с ситуацией на фронте, с масштабами и результатами боев за Москву. Их живые рассказы дополнили увиденное нами по пути, дали представление о массовом героизме советских солдат и офицеров.

Состоялась торжественная церемония передачи 53 танков, построенных на средства нашего народа и вошедших в состав гвардейской бригады генерала И. И. Гусаковского. Особо отличившимся воинам маршал Чойбалсан вручил ордена и медали. Мы побывали в окопах, передали солдатам подарки и письма наших соотечественников. Это были волнующие моменты нашего братства. Они незабываемы.

Историческая справка: За период войны из Монголии были доставлены на советский фронт сотни вагонов продовольствия, теплой одежды. В дар Советской Армии передано 35 тысяч отборных лошадей, пополнивших кавалерийские части, а также отлично зарекомендовавших себя как тягловая сила в механизированных частях. Примечательно, что табунщики старались отобрать для фронта коней белой масти, выражая тем самым чистоту и искрен-

ность своих светлых помыслов. Были примеры, когда араты передавали для фронта целые стада. Так, скотовод Бадам передала 200 голов. Ее нарекли именем «Фронтовичка Бадам». В общей сложности за годы войны Монголия поставила Советскому Союзу полмиллиона голов скота. На добровольные взносы монгольских трудящихся были приобретены и сформированы боевые машины для авиаэскадрильи и танкового полка, воины которых прошли свой ратный путь до Берлина.

Как монголы разговорили Сталина

Выполнив поручения соотечественников, мы с действующих фронтов возвратились в Москву, — продолжил свой рассказ Ширендыб. — Хозяева позаботились показать нам достопримечательности столицы. Тем более, что почти все находились здесь впервые. Но, как молвится, в гостях хорошо, а дома лучше. Шли дни, а команды о возвращении не поступало: ожидали запланированной встречи со Сталиным. Наконец долгожданный день настал. Для делегации был устроен прием в Георгиевском зале Кремля. Вначале состоялось вручение советским руководителям и военачальникам монгольских орденов. В их числе находился Г. К. Жуков — почитаемый монголами со времен победы над японцами на Халхин-Голе. Верховный главнокомандующий специально вызвал его на встречу с монгольской делегацией из Сталинграда. Затем состоялся банкет. Царила атмосфера торжественности. Тон задал Сталин. Его приподнятое настроение было вызвано успешными операциями советских войск в Сталинградской битве, ставшей началом перелома в войне. Почувствовав предрасположенность самого хозяина, гости, державшиеся поначалу несколько скованно, почувствовали себя свободнее, непринужденно. А затем разговорились, да так, что выступили с приветствиями аж 15 человек — каждый третий член делегации. Конечно, были и домашние заготовки, и импровизация. Удивленный красноречием гостей, Сталин полушутя спросил у Чойбалсана: «Это вы их так научили говорить?».

Сталин произнес речь. Пояснил, почему не мог принять делегацию раньше и заставил ждать. В общей сложности наша делегация находилась в Советском Союзе полтора месяца.

«О причине задержки нашей встречи теперь, думаю, догадываетесь», — сказал Сталин, имея в виду свою сверхзанятость проведением Сталинградской операции, и продолжил: «Друзья познаются в беде. В 1921 году монголам было худо и мы протянули руку помощи. В 41-м нам стало плохо и они заплатили той же монетой. Спасибо им за верную дружбу! Говорить много я не умею, но сегодня, кажется, научился у монгольских друзей». В заключение он провозгласил здравицы во славу Советской Армии, за победу, за советско-монгольскую дружбу.

Тосты Сталина за здоровье Ширендыба

О симпатиях Сталина к Ширендыб-гуаю я слышал и хотелось узнать об этом из уст самого Ширендыба.

«Банкет в Кремле продолжался 5 часов! В этой поездке я был в двух качествах: как ректор университета — посланцем интеллигенции вместе с писателем Ц. Дамдинсуреном, артистом Ц. Цэгмидом и как переводчик при Чойбалсане. Вторая обязанность занимала все сто процентов времени. В этот вечер, как обычно, речи и тосты переводил синхронно. В четырех карманах моего пиджака лежало по блокноту. К концу приема голова моя казалась распухшей. Я расслабился, что-то закусываю. Встал Сталин и негромко произнес всего несколько слов, которые я не расслышал, так как находился поодаль от стола президиума. Стоявший рядом А. А. Жданов, кивнув в сторону Сталина, говорит мне: “Товарищ Сталин поднял тост за переводчика, за вас. Быстрее пройдите к нему ближе”. Спросив у меня, что пью и не получив внятного ответа, Жданов тут же налил в бокал “киндзмараули”, и я направился к Сталину. Разволновался, руки дрожат, пока дошел до него, вино расплескалось. Я замешкался. Стоявший рядом со Сталиным Берия, увидев мой полупустой бокал, упрекнул: “Не хочешь выпить за товарища Сталина!”

Хочу!

Он наполняет бокал, и я залпом его опрокидываю. Почувствовал что-то жгуче крепкое. В напитках я не разбирался. Не пил вообще. Не то что водку, даже пиво. Голова закружилась. Потолок закачался, пол уходит из-под ног. Но на ногах устоял.

В 1946 году состоялась беседа Сталина и Чойбалсана. Мне довелось снова быть в качестве переводчика. Основной темой стали итоги Крымской встречи глав СССР, США, Великобритании. После беседы дали званый обед, в конце которого Сталин пригласил присутствующих поднять бокал “за нашего молодого старого знакомого”, имея в виду меня. В третий раз такой чести был удостоен во время официального приема по случаю подписания первого Договора о дружбе и сотрудничестве между Монголией и Советским Союзом, в том же 1946 году. Накануне были проведены переговоры на высшем уровне. На банкете Сталин один из тостов адресовал мне: “За профессора русского языка товарища Ширендыба”. Об этом на следующий день написали московские газеты».

...Академик Ширендыб обладал феноменальной памятью. Во время той памятной с ним беседы ему было 88 лет. Имена и даты событий называл точно, детали встреч и бесед давно минувших дней воспроизводил до мелочей. О его безупречном русском языке говорить не приходится. Попросил Ширендыб-гуая раскрыть секреты этих качеств.

«Тренировать память меня научила буддийская школа, где я учился с 7 до 10 лет, — сказал он. Требования там были жесткие. Каждое утро начиналось со сдачи заученной накануне молитвы объемом в целую страницу. Притом на незнакомом тибетском языке. Если учащийся приходил не подготовленным, к следующему уроку не допускался, при повторном случае грозило исключение из школы. В месяц это 30 страниц. В Улан-Удэ на Монголрабфаке я три года усиленно осваивал русский язык. Затем Иркутский пединститут, где обучался по советской программе. Зато потом с языком никаких проблем не возникало. Нас обучали замечательные педагоги. Поэт сказал “душа обязана трудиться и день и ночь”. Точно так же, а может быть, еще больше призван работать мозг. Его детренировка грозит человеку угасанием. После той памятной беседы, оказавшейся последней, Ширендыб-гуай, заду-

мавшись, произнес: «Есть события и факты, озвучивать которые еще не пришло время. Но оно придет, и я тогда это сделаю».

К сожалению, сбыться этому было не суждено.

В академике Ширендыбе гармонично сочетались алгебра и гармония, философия и лирика. Воспевание красот родного Ханга, призыв к бережному отношению к природе — одна из главных тем его стихов, публицистики. Ширендыб утверждал, что лишь человек, чувствующий и понимающий природу, — настоящий человек. Проблема разумного природопользования была поднята им в докладе на сессии монгольского парламента, принявшего специальное постановление. Созданные им художественные и документальные книги получили признание читателей. По его пьесам и сценариям поставлены кинофильмы и спектакли. Широкий читательский резонанс вызвала его последняя книга-эссе «По волнам жизни-океана» — размышления о времени и о себе. Она издана в Монголии и США.

Нет, он не был обделен ни вниманием, ни славой. За вклад в развитие образования, науки и культуры Базарын Ширендыб удостоен высокого звания Героя труда Монголии — первым среди ученых и гуманитариев. Он был уважаемым ученым в широком научном сообществе. Избран почетным членом РАН, академий наук ряда других государств. За литературное творчество университет английского города Лидса присвоил ему звание почетного профессора.

Монгольская общественность в 2002 г. готовилась широко отметить 90-летие академика Б. Ширендыба. Уже была сформирована и обнародована юбилейная комиссия. Но судьба распорядилась иначе. Юбилейная комиссия трансформировалась в похоронную.

Сцена театра оперы и балета, где свыше двух десятков лет идет балетный спектакль «Чудо-мастер Уран-Хас» по либретто Б. Ширендыба о мечте монголов взлететь в космос — стала сценой прощания народа с высокочтимым сыном.

СЛОВО О Б. ШИРЕНДЫБЕ

О Базарыне Ширендыбе — человеке ярком, талантливым, знаменитом — можно много писать и как о крупном политике и общественном деятеле, и как о выдающемся ученом и организаторе науки, и как об известном писателе и поэте. Но для нас, российских монголоведов моего поколения, Ширендыб-гуай прежде всего верный, надежный и заботливый друг, мудрый наставник, кладезь знаний о Монголии.

Б. Ширендыб был тесно связан с Институтом востоковедения. Здесь он защитил в 1954 г. кандидатскую диссертацию, в 1960 г. — стал доктором исторических наук, позже, во время поездок в Москву, неизменно посещал институт, а еще позже, уже будучи пенсионером, являлся — по совместительству — научным консультантом института.

Более близко я познакомился с Ширендыб-гуаем осенью 1957 г., когда он поступил в докторантуру института. Его личность, естественно, вызвала у нас живой интерес — он только что приехал из Улан-Батора, где долгие годы был одним из руководителей страны, первым вице-премьером, членом Политбюро ЦК МНРП. И как приятно было увидеть умного, жизнерадостного, обаятельного человека, доброжелательного, внимательного, энергичного. Контакты установились немедленно. Общаться, работать с ним для нас было удовольствием. Работал он много, с увлечением, ничего не откладывая. Основное время проводил в архивах, где тщательно отбирал необходимые материалы (хорошей помощницей ему в этом стала Г. С. Матвеева). Затем обобщал их, писал диссертацию, причем в ускоренном темпе. И все ж мы регулярно видели его — он постоянно интересовался жизнью института, активно участвовал в работе Сектора Монголии, присутствовал на всех важных заседаниях, выступал на обсуждении работ и на различных дискуссиях. Что запомнилось — держался он очень скромно, тактично, говорил, что приехал учиться у советских коллег. Но слушать его всегда было интересно и поучительно — вы-

ступления Ширендыб-гуая отличались глубиной, компетентностью — он ведь прошел большую школу жизни, да и теоретически был подготовлен отменно.

В 1961 г. осуществилась давняя мечта Б. Ширендыба — была образована Академия наук МНР. Он очень много сделал для осуществления этой идеи. Был первым ректором Монгольского государственного университета, который стал кузницей высококвалифицированных кадров для всех отраслей экономики и культуры. Работал референтом премьер-министра Х. Чойбалсана по вопросам культуры. В течение ряда лет руководил министерством просвещения. И когда за границу направлялись культурные и научные делегации, их обычно возглавлял Б. Ширендыб. Так было, например, в июле 1945 г., когда он представлял Монголию на праздновании 220-летия АН СССР. В 1946 г. он вел переговоры о монгольско-советском научном сотрудничестве, в ходе которых затрагивались перспективы создания в МНР Академии наук. Именно он возглавил комиссию по подготовке, совместно с советскими учеными, однотомной «Истории МНР» (вышла в 1954 г.).

Его неумная тяга к научным знаниям, к новому всем бросалась в глаза и не могла не вызывать уважения. Приведу такой эпизод встречи советских и монгольских руководителей в феврале 1946 г. На приеме в Кремле в честь монгольской делегации во главе с Х. Чойбалсаном В. М. Молотов, предлагая тосты за каждого члена делегации, сказал: «А теперь за успехи Ширендыба». И. В. Сталин поддержал: «Это же наш старый знакомый» (Ширендыб был переводчиком на встречах Сталина и Чойбалсана в 1943 и 1945 гг.) И добавил: «Монголии нужны свои ученые. Без них руководить нельзя. Поти во всех странах есть академии наук. Вам тоже в соответствующее время надо создать свою Академию...».

Как видим, в Москве, еще в 1946 г., при возникновении вопроса о создании Академии наук Монголии обращались именно к Б. Ширендыбу. А в самой Монголии, как мне представляется, роль Б. Ширендыба в рождении национальной академии для всех была очевидной.

И вот в 1961 г. Б. Ширендыб стал основателем и первым президентом Академии наук МНР. Отныне вся его энергия, все по-

мысли, все думы были направлены на воспитание научных кадров, на расширение круга исследований в сфере естественных и общественных наук, на укрепление материальной базы институтов. За два десятилетия его президентства Академия наук превратилась в головной научный центр страны, заняла достойное место среди научных учреждений мира и по количеству, и по качеству исследований в различных сферах знания. Личные заслуги Б. Ширендыба в развитии монгольской науки невозможно переоценить.

В мае 1972 г. мне довелось присутствовать на его чествовании в связи с 60-летием со дня рождения. Большой зал Академии был забит до отказа. Здесь были и ученые, и практики, и убежденные седины старцы, и юные студенты. В президиуме — представители высшего руководства страны. Прозвучали десятки теплых выступлений, сотни адресов, телеграмм, приветствий от организаций и отдельных лиц из Монголии и многих стран мира. Это было широкое признание достижений монгольской науки и заслуг ее главного организатора — Б. Ширендыба.

Важно отметить, что много времени и сил он уделял укреплению сотрудничества с учеными других стран, особенно Советского Союза. У него, как иностранного члена АН СССР/РАН и научных учреждений ряда других стран, были тесные контакты со многими крупнейшими учеными мира, которых он радушно принимал в Монголии. Но что характерно — столь же гостеприимен и приветлив он был и с совсем молодыми учеными, приезжавшими в Монголию по соглашениям о научном сотрудничестве. Примеров тому множество. Особенно запомнилась нам, группе научных сотрудников, поездка в 1965–1966 гг. Среди нас не было академиков и даже докторов наук, но президент АН МНР считал своим долгом принять нас в своем огромном, памятном всем нам кабинете в старом здании Академии. За непременною чашечкой кофе состоялся обстоятельный разговор о том, как мы устроились, о наших планах, о том, какая требуется помощь. И в заключение совершенно неожиданное для нас: «А давайте-ка, друзья, съездим все вместе в Гоби, вы ведь там не были, вам будет интересно». Это была незабываемая поездка, мы посетили заповедные места Гоби, встречались с ее жителями, знакомились с их бытом и трудом. А глав-

ное — пояснения давал лично Ширендыб-гуай, от которого мы узнали так много нового, неведомого.

И конечно же, было много встреч и бесед в Москве. Согласовывались планы научного сотрудничества, совместных мероприятий, обсуждалось их выполнение. Б. Ширендыб придавал важное значение активному участию советских ученых в подготовке и проведении международных конгрессов монголоведов. Он был горячим сторонником реализации наиболее высоких форм сотрудничества — совместных научных экспедиций, конференций, коллективных трудов. Он оказывал необходимую поддержку работе экспедиций, в частности историко-культурной. Именно он был инициатором подготовки второго (1966) и третьего (1983) издания однотомной «Истории МНР», «Истории советско-монгольских отношений» (1981) и других крупных совместных работ.

Вспоминается день, когда мы отмечали 80-летие Б. Ширендыба — в Институте языкознания, под председательством В. М. Солнцева. Было много искренних поздравлений, адресов, приветствий. Слово о Б. Ширендыбе поручили произнести мне. Я с удовольствием рассказывал о славном жизненном пути юбиляра. Ширендыб-гуай внимательно, с милой, чуть ироничной улыбкой слушал. Я, было, остановился, спрашиваю: «Все ли точно излагаю, Ширендыб-гуай?» Отвечает: «Точно, точно, только поменьше хвалите». Он выступил и сам, благодарил за поздравления, говорил о том, что и в это трудное для наших стран время (шел 1992 г.) очень важно сохранить все позитивное, что было в нашем сотрудничестве, и постараться в дальнейшем его приумножить.

В 90-е гг. Б. Ширендыб часто, обычно весной, приезжал на отдых в Москву, в санаторий Академии наук «Узкое». Он любил это тихое красивое место на окраине Москвы, со старинным дворянским особняком, любил бродить по тропинкам парка среди вековых деревьев, любовался водной гладью прудов. А нам нравилось навещать его и долго-долго беседовать. Он расспрашивал о наших делах, много рассказывал о прошлом, о 20-30-40-х гг., о деятелях того времени. Мне это было крайне интересно и важно — хотелось написать работу о том периоде.

Последняя встреча состоялась в мае 1999 г. в гостинице «Россия», где остановились два президента монгольской Академии наук: первый — Б. Ширендыб и действующий — Б. Чадраа. Мы, группа сотрудников Сектора Монголии, от души приветствовали их. Ширендыб-гуай выглядел усталым, озабоченным, и в то же время его не покидала бодрость, увлеченность, живой интерес ко всему происходящему. Я рад был подарить нашим гостям только что вышедшую книгу «Политическая история Монголии (1921–1940 гг.)». Ширендыб-гуай тут же стал листать ее, приговаривая: «Вот и хорошо, что издали эту книгу... В Улан-Баторе внимательно прочитаю». Прощались мы у подъезда гостиницы возле машины, направляющейся в Шереметьево. Перед глазами так и стоит худая высокая фигура погрузневшего Ширендыб-гуая в стареньком демисезонном пальто...

В сентябре 1999 г. пришло письмо Б. Ширендыба от 30 августа, в котором он поздравлял меня с выходом новой книги и сообщал, что он направил на нее отзыв в дирекцию Института востоковедения (копия отзыва прилагалась к письму). В нем была дана высокая оценка работ российских монголоведов за последние годы. Что касается моей книги, то отмечалось, что автор «впервые из всех монголоведов современности взялся за написание политической истории Монголии 1921–1940 годов, самого сложного периода...» и на основе широкого использования архивных материалов «дает объективную оценку проблем политической истории Монголии». Книга характеризовалась в целом как «новый ценный труд, внесший большой вклад в исследование истории Монголии XX века».

Чуть позже в институт поступило письмо вице-президента Академии наук Монголии Б. Энхтувшина от 31 августа 1999 г. с благодарностью за издание этой книги, была отмечена ее «новизна и научная значимость».

Не скрою, меня очень обрадовали и ободрили высокие оценки моего скромного труда, данные крупнейшими монгольскими историками.

Надо сказать, что академик Б. Ширендыб и ранее нередко выражал недоумение, почему мы, в частности М. И. Гольман и я, не

стали докторами наук. Теперь, после выхода наших новых работ, эта тема поднималась уже вполне реально. Ширендыб-гуай говорил о разных вариантах, возникло и такое соображение — почему бы не попробовать защититься в Улан-Баторе? Это же естественно — мы защищаемся у вас, но и вы можете защититься в Улан-Баторе.

Первым на этот призыв откликнулся М. И. Гольман. В июне 2000 г. состоялась его защита в Академии наук Монголии, в присутствии академика Б. Ширендыба. А я все запаздывал. В июле получил последнее письмо от Ширендыб-гуая (от 2 июля). Он писал: «Дорогой Сергей Константинович! Шлю тебе сердечный привет и пожелания доброго здоровья. М. И. Гольман успешно защитил докторскую, как мы и предполагали. Этот пример надо повторить тебе, чего я очень желаю. Ты можешь приехать сюда поездом где-нибудь в конце сентября или в октябре. От тебя требуется лишь доклад о последней книге». Удивительный человек! Сам тяжелобольной, он помнил о моих проблемах со здоровьем и думал, как мне лучше добраться до Улан-Батора.

Я приехал в Улан-Батор только в августе 2001 г., когда Ширендыб-гуая, к великому сожалению, уже не было в живых. Его последователи и ученики сделали все необходимое, чтобы моя защита состоялась. Как жаль, что его не было в зале в тот незабываемый для меня день. Это моя вина, я слишком долго собирался.

Я бесконечно благодарен моему научному консультанту академику Б. Ширендыбу, всем монгольским коллегам за доброе отношение, внимание, поддержку. И пусть живут традиции тесного плодотворного сотрудничества российских и монгольских ученых, о чем неустанно заботился Б. Ширендыб.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ С АКАДЕМИКОМ Б. ШИРЕНДЫБОМ

За долгие годы работы сначала в качестве переводчика монгольского языка в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, затем научного сотрудника Института востоковедения РАН, сотрудника Посольства СССР в МНР и Посольства России в Монголии во время многочисленных поездок по стране мне посчастливилось встречаться и беседовать со многими известными монгольскими государственными, партийными и общественными деятелями, представителями науки, культуры и искусства, простыми сельскими тружениками, арамами-животноводами. Абсолютное большинство из них оставили в моей памяти самые добрые и светлые воспоминания.

Среди них особое место принадлежит академику Б. Ширендыбу. Отдавая дань глубокого уважения памяти этого выдающегося сына монгольского народа, который сыграл также важную роль в становлении меня как монголоведа, я хочу поделиться некоторыми своими воспоминаниями о встречах с ним.

Мы, советские/российские монголоеды, знали и ценили Базарына Ширендыба как одного из первых видных представителей новой монгольской интеллигенции, возникшей и сформировавшейся после революции 1921 г., как известного государственного, партийного и общественного деятеля, первого ректора первого Монгольского государственного университета, первого президента Академии наук МНР, Героя труда Монголии, лауреата Государственной премии, академика, иностранного члена АН СССР/РАН, доктора исторических наук, профессора, писателя, переводчика, верного друга России и многих российских ученых.

Насколько я помню, впервые имя Б. Ширендыба услышал в середине 1950-х гг., когда в 1954 г. поступил на монгольское отделение Восточного факультета МГИМО МИД СССР, начал изучать монгольский язык и историю МНР. Уже в то время Б. Ширендыб был известен как первый ректор Монгольского государственного

университета (МонГУ), министр просвещения, первый заместитель премьер-министра по вопросам культуры и просвещения МНР. Его имя часто встречалось на страницах монгольской газеты «Унэн», которую мы читали и переводили на уроках современного монгольского языка.

Известно, что вскоре после окончания Иркутского педагогического института летом 1941 г., после начала Великой Отечественной войны, Б. Ширендыб был назначен референтом премьер-министра МНР маршала Х. Чойбалсана. В своих устных и письменных воспоминаниях об этом времени он с гордостью рассказывал о том, что в качестве референта-переводчика он неоднократно принимал участие во встречах Х. Чойбалсана с И. В. Сталиным. По его рассказам, во время одной из таких встреч Сталин назвал Б. Ширендыба «профессором русского языка», а за ужином поднял тост за его здоровье. Несомненно, в то время столь высокая оценка уровня знаний русского языка молодого референта-переводчика из уст всемогущего руководителя СССР имела исключительно важное значение для дальнейшей судьбы самого Ширендыба. Она, естественно, воодушевила молодого Ширендыба, а также в немалой степени способствовала росту его авторитета и продвижения по служебной лестнице.

Благодаря своим незаурядным способностям, трудолюбию, любознательности, целеустремленности, глубоким знаниям, организаторскому таланту, Б. Ширендыб уже к середине 1950-х гг. выдвинулся в число известных государственных и партийных деятелей и входил в состав руководства МНР. Он был известен не только в Монголии, но и в Советском Союзе, других социалистических и капиталистических странах.

Мое личное знакомство с ним, насколько я помню, состоялось летом 1961 г. В июле 1961 г. в Улан-Баторе была организована первая крупная по тем временам выставка достижений народного хозяйства и культуры СССР, посвященная 40-й годовщине победы Народной революции 1921 г. в Монголии. На этой выставке я работал старшим переводчиком. Выставку посещали многие руководители страны, представители монгольской науки и образования, в том числе делегация молодой, только что созданной Академии на-

ук МНР во главе с ее первым президентом академиком Б. Ширендыбом. Особый интерес у посетителей выставки, в том числе и научной общественности, вызывали стенды, посвященные успехам СССР в освоении космоса, полету Ю. Гагарина.

Вспоминается и другой важный эпизод в истории двустороннего научного сотрудничества. В конце марта — начале апреля 1967 г. делегация АН МНР во главе с президентом Б. Ширендыбом по приглашению президента АН СССР академика М. В. Келдыша прибыла в Москву для проведения переговоров и подписания Соглашения о научном сотрудничестве между двумя академиями. В то время я уже работал в Институте стран Азии АН СССР (ныне ИВ РАН) и по решению руководства института мне было поручено работать с делегацией монгольских ученых в качестве переводчика-сопровождающего. С первой же встречи с руководителем делегации академиком Б. Ширендыбом и другими ее членами у меня установились полное взаимопонимание, хорошие деловые и личные отношения, которые сохранялись в дальнейшем на протяжении многих лет.

Моя работа в качестве переводчика в значительной степени облегчалась тем, что Б. Ширендыб и другие члены делегации, известные монгольские ученые (геолог, академик Б. Лувсанданзан и др.), в большинстве своем были выпускниками советских вузов и свободно владели русским языком. Поэтому все официальные переговоры между делегациями АН СССР и АН МНР велись на русском языке. Я хорошо помню, что с самого начала и до конца пребывания делегации в Москве, на официальных переговорах и во время неформальных встреч, царила характерная для тех лет атмосфера полного взаимопонимания, взаимного уважения, искренней дружбы и желания поставить традиционное научное сотрудничество на более прочную, правовую, плановую и долгосрочную основу, поднять его на новый качественный уровень. Последующие события показали, что поставленная цель в основном была достигнута.

Соглашение о научном сотрудничестве между АН СССР и АН МНР, подписанное 3 апреля 1967 г. президентом АН СССР академиком М. В. Келдышем и президентом АН МНР академиком

Б. Ширендыбом, открыло новый этап в истории научного сотрудничества между академиями наших стран. Оно действовало на протяжении почти 30 лет, вплоть до 17 мая 1995 г., когда было подписано новое Соглашение о научном сотрудничестве между РАН и АНМ.

Следующие, особо памятные и важные для меня, встречи с Ширендыб-гуаем состоялись летом 1968 г. в Улан-Баторе. В то время я, молодой, еще недостаточно опытный, младший научный сотрудник Института народов Азии АН СССР, приехал в свою первую научную командировку в Монголию. К тому времени у меня достаточно определенно проявился научный интерес к изучению проблем кочевничества вообще и монгольского нomaдизма в частности, и особенно перехода кочевников к оседлому образу жизни в условиях МНР. Однако в то время я слабо представлял себе, как наиболее полно и эффективно использовать время своей первой научной командировки для изучения указанных проблем. И именно в этот момент неоценимую помощь мне оказал академик Б. Ширендыб.

Вскоре после моего приезда в Монголию он дважды принял меня, у нас состоялись очень интересные, обстоятельные и содержательные беседы по проблемам нomaдизма вообще и его особенностям в условиях Монголии, о плане моей будущей научной работы и организации командировки. Первый раз он принял меня 16 июля 1968 г. в своем просторном рабочем кабинете, находившемся на втором этаже известного здания с колоннами, в котором тогда одновременно размещались президиум АН МНР и Государственная публичная библиотека им. Х. Чойбалсана. Сейчас в этом здании размещается Государственная публичная библиотека. В то время на площадке перед центральным входом в здание стоял памятник Сталину работы известного советского скульптора Н. В. Томского.

Б. Ширендыб поинтересовался моими научными планами, целями и задачами командировки, сразу поддержал идею изучения кочевого образа жизни монгольских аратов и перехода их к оседлости, подчеркнул сложный, комплексный характер этой проблемы, положительно отозвался о первых моих публикациях по исто-

риографии оседания кочевников в Советском Союзе и Монголии, которые я предварительно передал ему для ознакомления. В ходе беседы он высказал ряд ценных советов и предложений по структуре и содержанию будущей диссертации с разбивкой на отдельные главы и даже параграфы.

На меня произвело большое впечатление такое живое, заинтересованное, искреннее и доброжелательное отношение президента Академии наук МНР к работе молодого, начинающего советского монголоведа, его умение быстро, на лету схватывать научную и практическую актуальность и значимость предложенной темы, его готовность тут же, несмотря на острый дефицит собственного рабочего времени, оказать конкретную помощь в определении основных направлений, задач и содержания исследования, организации работы во время пребывания в Монголии. При этом Ширендыб-гуай особо подчеркнул важность проведения личных полевых исследований непосредственно в сельской местности, в худоне, среди аратов-кочевников, изучения особенностей их кочевания и оседания на разных этапах истории, в различных природно-климатических зонах и в разные времена года, вокруг городов и крупных населенных пунктов. Он рекомендовал по возможности сравнить эти процессы с аналогичными процессами в советской Средней Азии, изучить влияние кооперирования единоличных аратских хозяйств на изменения в характере и масштабах их кочевания, показать роль урбанизации, земледелия и т.д. Иными словами, Б. Ширендыб нарисовал передо мной широкую программу исследований, рассчитанную на многие годы и на усилия не одного, а многих ученых.

В качестве положительного примера внимательного отношения и тщательного изучения жизни и быта монгольских кочевников он, в частности, назвал известного американского синоведа и монголоведа О. Латтимора, который для изучения интересовавших его вопросов непосредственно общался с монгольскими аратами, ходил с караванами верблюдов во Внутренней Монголии.

По моей просьбе Б. Ширендыб назвал несколько мест, которые, по его мнению, следовало бы посетить и обследовать, в том числе Ара-Хангайский (ныне аймак Архангай), Баянхонгорский

(ныне аймак Баянхонгор) и Средне-Гобийский (ныне аймак Дундговь) аймаки, поселки вдоль УБЖД и др. Он также назвал имена нескольких известных монгольских ученых, которые в то время занимались изучением проблем, связанных с кочеванием и оседанием монгольских аратов, в том числе географов Д. Бадамжава, Б. Гунгаадаша, историков Х. Пэрлээ, С. Пурэвжава, философа Д. Дашжамца, ботаника Ц. Даваажамца и других. Эти советы Ширендыб-гуая оказались очень полезными для моей последующей работы как в Улан-Баторе, так и в полевых условиях, в худоне. Поэтому с тех пор я всегда считал и продолжаю считать Б. Ширендыба одним из своих научных наставников и консультантов.

Следует подчеркнуть, что такое внимательное, заинтересованное и доброжелательное отношение Б. Ширендыб постоянно проявлял ко всем советским/российским ученым и коллегам, независимо от их возраста, должности и научных заслуг. Эту прекрасную черту его характера до сих пор помнят и ценят многие советские/российские ученые, в том числе монголоведы, востоковеды, геологи, геофизики, биологи, палеонтологи и др.

В то же время следует также учитывать, что к Институту востоковедения (ИНА) СССР/РАН и его сотрудникам Б. Ширендыб относился с особым чувством, поскольку именно в этом институте он стал ученым, в разные годы защитил сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, стал признанным, высококвалифицированным, дипломированным специалистом. Более того, в начале 1980-х гг., когда в результате внутривластных интриг в руководстве МНР он был подвергнут необоснованным нападкам и гонениям и был смещен с поста президента АН МНР, именно в Институте востоковедения АН СССР он получил не только моральную поддержку, но и возможность в течение нескольких лет работать научным консультантом.

С тех пор на протяжении ряда лет в разных, в том числе и неблагоприятных для него, обстоятельствах мне посчастливилось многократно встречаться с Б. Ширендыбом и в Москве, и в Улан-Баторе, беседовать на самые разные политические и научные темы, в том числе не только номадизма и перехода кочевников на оседлость, но и истории Монголии и монголо-советских (россий-

ских) отношений, культа личности Сталина и Чойбалсана, международного положения Монголии, состояния и перспектив развития российского монголоведения, внутривластного и социально-экономического положения наших стран и др.

С особым чувством глубокого удовлетворения и благодарности я вспоминаю наши встречи и интересные беседы в 1996–2000 гг., когда я работал в Посольстве России в Улан-Баторе.

Как очевидец я могу засвидетельствовать, что до конца своих дней он сохранял живой, искренний интерес к жизни во всех ее проявлениях, к международным событиям, к внешней и внутренней политике Монголии и соседних стран, к ходу реформ в Монголии и России, положению российской науки, новым работам российских монголоведов и востоковедов. По мере своих сил и возможностей Б. Ширендыб продолжал оказывать содействие в развитии научного сотрудничества между нашими странами, между АН Монголии и РАН, в том числе в подготовке кадров российских монголоведов высшей квалификации. Так, в начале 2000-х гг. по его инициативе и при активной поддержке известные российские монголоеды М. И. Гольман и С. К. Рощин успешно защитили докторские диссертации в Улан-Баторе.

Несмотря на то, что сын простого арата Базара за годы народной власти сумел сделать блестящую карьеру, войти в политическую, партийную и научную элиту своей страны, жизненный путь Б. Ширендыба отнюдь не был прямым и безоблачным и усыпан только цветами.

Б. Ширендыб был сыном своего времени, он рос, воспитывался и работал в условиях, когда в СССР и МНР на протяжении многих десятилетий предпринимались настойчивые попытки на практике реализовать «ленинский план построения социалистического общества», в условиях формирования и укрепления сначала культа личности Сталина в СССР, затем культа личности Сталина и Чойбалсана в Монголии, в условиях последующего их разоблачения, осуждения и частичной ликвидации последствий массовых, необоснованных политических репрессий в 1937–1939 гг., борьбы с «заблуждениями интеллигенции» и «антипартийными группировками» в МНР в 1950–1960-х гг., постепенного усиления авторитарных методов

руководства Ю. Цеденбала и их последствий, начала перестройки в СССР и МНР, демократических преобразований в стране с начала 1990-х гг. Как и большинство советских и монгольских политических и государственных деятелей того времени, он сочетал в себе черты своей противоречивой эпохи.

На протяжении своей жизни он в полной мере испытал как стремительные взлеты в своей политической и научной карьере, так и тяжелые поражения и разочарования от крушения идеалов, в которые верил. У него были как многочисленные сторонники и поклонники, так и недоброжелатели. Не случайно свои воспоминания он образно назвал «По волнам памяти» («Далайн давалгаагар»), в которых он описал все подъемы и падения в своей жизни. Несомненно, одним из наиболее тяжелых и по существу несправедливых ударов для него послужило известное постановление Политбюро ЦК МНРП «Об улучшении научно-исследовательских работ», принятое в декабре 1980 г., и последовавшая за ним кампания «проработки». Он тяжело переживал это время, но не падал духом. Я помню, с какой благодарностью он говорил об Академии наук СССР, которая в то трудное для него время не оставила его в беде, сохранила за ним почетное звание иностранного члена и предоставила возможность в течение нескольких лет работать в Институте востоковедения АН СССР в качестве научного консультанта.

Вспоминаю беседу с Б. Ширендыбом, которая состоялась летом 1991 г. в Москве. Насколько я помню, это был первый его приезд в Москву после революционных событий в Монголии в 1990 г. В ходе нашей беседы был затронут широкий круг вопросов, в том числе о внутривнутриполитическом и социально-экономическом положении в Монголии и России, о новых, наиболее перспективных формах сотрудничества российских и монгольских историков в новых условиях, о роли Коминтерна и Э. Ринчино в истории МНР, о позиции Сталина и руководства СССР по вопросу о присоединении МНР к СССР, о роли Ю. Цеденбала в истории Монголии и др.

Как известно, в начале 1990-х гг. и в последующие годы в Монголии остро дебатировался вопрос о характере советско-монгольских отношений и политике СССР в отношении МНР. Он продолжает оставаться одним из дискуссионных вплоть до настоящего време-

ни. Поэтому мне представляется чрезвычайно важным по возможности точно изложить точку зрения Б. Ширендыба по вопросу о том, имели ли Сталин и другие руководители СССР намерение присоединить МНР к Советскому Союзу после Второй мировой войны. Основываясь на глубоком знании истории и исторических документов того периода, на личном опыте и беседах со многими участниками событий, Б. Ширендыб убежденно и твердо говорил, что у Сталина и руководителей СССР не было намерений присоединять Монголию к Советскому Союзу. При этом в качестве одного из главных аргументов он сослался на такой исторический факт. В начале 1953 г. Политбюро ЦК МНРП, руководствуясь прежде всего тогдашними представлениями о национальных интересах МНР и стремлением ускорить темпы ее социально-экономического развития, учитывая особый характер дружественных, братских отношений между СССР и МНР, после продолжительной внутренней дискуссии приняло решение — обратиться к руководству СССР с просьбой о добровольном присоединении МНР к СССР. Однако уже на начальной, предварительной стадии обсуждения этого вопроса советское руководство (Сталин тогда еще был жив) не поддержало эту инициативу, прежде всего по внешнеполитическим соображениям. По словам Б. Ширендыба, Сталин хорошо понимал, что присоединение Монголии к СССР в то время могло бы вызвать большой международный скандал. США, Великобритания и другие страны, прежде всего Китай, обвинили бы СССР в том, что раньше он добивался независимости Монголии только ради того, чтобы присоединить ее к себе.

В качестве другого важного аргумента, подтверждавшего отсутствие у Сталина намерения присоединить МНР к Советскому Союзу, Б. Ширендыб ссылался на воспоминания В. М. Молотова. В частности, В. М. Молотов рассказывал, что однажды, уже после окончания Второй мировой войны и признания независимости МНР Китайской Республикой, Сталин, стоя у политической карты мира и проводя указкой вдоль границ Советского Союза, вслух оценивал его международное и геополитическое положение. В частности, дойдя до границы с МНР, он сказал «Там все в порядке»: То есть, по мнению Б. Ширендыба, Сталин тем самым дал понять, что все ос-

новые спорные вопросы, связанные с этой страной, на тот момент уже были урегулированы и, соответственно, Советский Союз не имел намерений изменять статус независимой МНР.

В начале 1990-х гг. на волне революционных преобразований, развития гласности и плюрализма, острой критики пороков прошлой однопартийной, административно-командной системы, политики МНРП и ее многолетнего руководителя Ю. Цеденбала в Монголии временно оживились антисоветские и антироссийские настроения и высказывания. В этих условиях Б. Ширендыб был обеспокоен тем, что в случае дальнейшего роста этих настроений мог быть нанесен большой ущерб традиционным дружественным отношениям между Монголией и Россией. Будучи истинным патриотом своей страны и вместе с тем верным поборником дружбы и сотрудничества Монголии с Россией, он искал и находил убедительные аргументы для обоснования тезиса о том, что Советский Союз никогда не имел агрессивных, захватнических планов в отношении МНР. На наш взгляд, данный пример, наглядно свидетельствует о том, что даже в трудные для российско-монгольских отношений годы Б. Ширендыб последовательно отстаивал историческую правду и дружбу между народами Монголии и России.

В 1996–2000 гг. наши встречи с Ширендыб-гуаем происходили либо в его небольшой, уютной квартире, наполовину заполненной книгами и похожей на музей, либо в нашей квартире. В ходе бесед затрагивались самые разные, как правило, актуальные политические, экономические, научные, исторические темы. Каждая такая встреча оставляла у меня чувство глубокого удовлетворения от общения с этим удивительным человеком, который, несмотря на преклонный возраст, сохранил ясный, трезвый и пытливый ум, прекрасную память, живой интерес к жизни, коренным преобразованиям внутри своей страны, в России и за рубежом. Б. Ширендыб был живым воплощением, непосредственным участником и очевидцем многих важнейших событий в Монголии, крупнейшим знатоком истории Монголии XX века, истинным патриотом своей страны, верным другом России и интернационалистом.

Память об этом выдающемся ученом и прекрасном человеке навсегда останется в моем сердце.

ЕГО ЩЕДРОСТЬ НА ВНИМАНИЕ К НАМ БЫЛА БЕЗГРАНИЧНА

В своих воспоминаниях «Более чем полувековое научное сотрудничество» Б. Ширендэб писал, что «нельзя не вспомнить многочисленные встречи» со мной. Действительно, их было много. Большая часть из них проходила в Улан-Баторе в годы, когда он был президентом Академии наук МНР, а я — сотрудником советского посольства и позже — аппарата ЦК КПСС. При каждой встрече шла теплая и доверительная беседа; затрагивались разные вопросы, но в основном они касались советско-монгольского сотрудничества в области науки и культуры, отношений между советскими и монгольскими деятелями.

Из этих бесед складывалось впечатление, что круг видных представителей науки, культуры и политики в различных странах мира, особенно в Советском Союзе, с которыми Ширендэб-гуай был хорошо знаком или постоянно поддерживал дружеские связи, был необъятно широк. Он знал их по имени и отчеству, характер их деятельности и — что особенно ценилось им — их доброе отношение к Монголии, к монголам.

Ширендэб очень любил свою страну. При каждой встрече в Улан-Баторе непременно спрашивал меня, удалось ли поехать по стране, где был и с кем встречался. Далеко не всегда удавалось выехать за пределы монгольской столицы. Академик с сожалением замечал, что и он «прочно привязан к столу... А как хотелось бы поехать по неоглядным просторам Монголии», — улыбался он. И начинал вдруг делиться воспоминаниями о поездках по Гоби или чудесным местам северной, а то и западной частей страны. Рассказывал он с увлечением, образно и поэтично. В нем «сидел» не только большой ученый-историк, но и интересный художник.

Возможно, именно его любовь к Монголии и сформировала одну из ярких и отличительных черт его натуры: он с глубоким уважением относился к тем ученым-иностранцам, которые изуча-

ли Монголию и посвятили этому делу свою жизнь. Во всяком случае, к российским монголоведам он питал особые чувства уважения, искренней дружбы. Вот об этой его замечательной черте, не распространяясь до описания своих воспоминаний о других многочисленных сторонах деятельности этой богато одаренной личности, постараюсь коротко рассказать, основываясь на хорошо известных мне фактах.

Он с почтением называл имена российских ученых, которые в XVIII и XIX вв. своими оригинальными трудами закладывали основы новой отрасли востоковедения — монголоведения. А монголоведов XX в. он воспринимал как близких ему личностей, со многими из которых он поддерживал дружеские отношения. Интересы научной деятельности особенно сблизили его с монголоведами Института востоковедения АН СССР/РАН как с уже ушедшими, так и ныне здравствующими. Он знал, какие темы разрабатывают ведущие ученые-монголоведы, знакомился с их опубликованными трудами; держал в поле своего внимания и молодых специалистов по Монголии. В свое время, будучи президентом монгольской Академии наук, он с готовностью оказывал советским/российским монголоведам всю возможную помощь в изучении страны, имеющих в Улан-Баторе архивных и других материалов. А в 1960-е гг. организовывал поездки наших монголоведов по аймакам Монголии, в которых сам принимал активное участие.

Академик испытывал большую радость и глубокое удовлетворение, когда появлялись интересные труды наших монголоведов, получивших высокую оценку научной общественности. Считал вполне логичным и естественным достойное их вознаграждение.

В один из приездов в Москву Ширендыб, по своему обыкновению, посетил Отдел Кореи и Монголии Института востоковедения. После дружеской беседы с сотрудниками Отдела, уже прощаясь со всеми, он вдруг спросил у М. И. Гольмана:

— Марк Исаакович, когда докторская?

Несколько смутившись, быть может, неожиданностью прозвучавшего вопроса, Гольман выдавил из себя:

— Поздно. Поезд ушел...

Ширендыб пристально посмотрел на Гольмана, и по его лицу, как мне показалось, пробежала какая-то мысль. Но он ничего не сказал, тепло попрощался и вышел. Очень скоро после этого внешне ничем не примечательного «диалога» неожиданно последовали интересные события. В Улан-Баторе в Институте истории Академии наук Монголии состоялась защита М. И. Гольманом докторской диссертации по его великолепной монографии «Монголоведение на Западе». Официальными оппонентами диссертанта выступили академик Б. Ширендыб, доктора наук Н. Ишжамц, Ц. Батбаяр. Защита была блестящей, и М. И. Гольман заслуженно получил ученую степень доктора исторических наук «из рук» монгольских историков. По этому поводу директор Института востоковедения Р. Б. Рыбаков скажет: «Диплом Гольмана дорог вдвойне: диссертацию он защищал не где-нибудь, а в Монголии, перед монгольскими учеными, которым тема его особенно близка».

Примерно через год перед учеными Института истории Академии наук Монголии предстал С. К. Роцин. Защита проходила по его фундаментальной работе «Политическая история Монголии (1921–1940 гг.)». Официальными оппонентами диссертанта были академик Б. Лхамсурэн, доктора исторических наук С. Дамдинсурэн и М. И. Гольман. Ученый совет дал высокую оценку труда С. К. Роцина и единогласно присвоил ему ученую степень доктора исторических наук. Оба этих очень важных события не только в жизни российского монголоведения, но и в истории российско-монгольского научного сотрудничества были инициированы и состоялись при прямом заботливом — и скажем прямо, и это не будет преувеличением — отеческом участии академика Ширендыба.

Но не должно складываться впечатление, что он из уважения или любви к российским монголоведам допускал в оценке их исследований снисходительность и либерализм. Об этом не может быть и речи: он был предельно объективен и требователен. Вспоминая свою защиту докторской диссертации, С. К. Роцин рассказывал, что монгольские ученые предъявили к его работе высокие требования, и «обсуждение на Ученом совете проходило непросто». Думается, сказывалось несомненное влияние Ширендыб-

гуая: поддерживать лишь достойные работы, которые вносят весомый вклад в науку.

И в этом контексте он в своих уже упоминавшихся воспоминаниях с большим удовлетворением писал, что наш крупный востоковед Г. С. Матвеева (Яскина) «давно (и добавим от себя: в высшей степени плодотворно. — Ш. Н.) занимается проблемами развития Монголии в XX веке, в частности, экономики, политики и культуры». В. В. Грайворонский «известен своими работами по истории и современному положению монгольского аратства»; Г. И. Слесарчук «посвящает свою научную деятельность тщательному изучению и публикациям архивных документов по истории русско-монгольских и советско-монгольских отношений». Предсказывал «большое будущее» Е. В. Бойковой, А. Д. Цендиной, А. С. Железнякову и С. Г. Лузянину, которое уже сбылось или блестяще сбывается их превосходными научными трудами. Все они, по оценке Ширендыба, внесли и вносят «весомый вклад в монголоведение».

Влияние Б. Ширендыба на научную общественность, а также на определенные круги официальных лиц госаппарата своей страны было сильным; в значительной мере оно сохраняется и после кончины академика. Благотворные проявления этого влияния нельзя не видеть и не ощущать. Приведу лишь два примечательных примера.

В жизни и научной деятельности монголоведов Института востоковедения АН СССР/РАН в качестве заведующего Отделом Кореи и Монголии играл, а ныне как ведущий научный сотрудник продолжает играть большую роль Ю. В. Ванин — крупный ученый, специалист по Корее, широко известный в научном мире и среди политиков. В Улан-Баторе хорошо знают об этой его роли и высоко ее оценивают. И вот несколько лет тому назад Институт международных исследований Академии наук Монголии вручил ему диплом почетного доктора. Этот прекрасный жест монгольских друзей вызвал в коллективе большое удовлетворение.

Институт истории Академии наук Монголии, где хорошо известны труды Г. С. Слесарчук, высоко оценил ее вклад в монголоведение и также вручил ей диплом почетного доктора.

В этих примерах, так же как и в получении Г. С. Яскиной за свои литературные труды премии Союза писателей Монголии, а также ордена Полярная Звезда — за многогранную деятельность в сфере российско-монгольского сотрудничества, в награждении М. И. Гольмана за плодотворную научную и общественную деятельность таким же орденом, мы видим проявления несомненного влияния Ширендыб-гуая.

Ширендыб, испытавший на себе и хорошего и плохого в своей жизни, знал, как важно оказать моральную поддержку дружелюбно настроенному человеку, подбодрить его, если он в этом нуждается. Моя книга «Цеденбал. 1984 год», в которой объективно освещаются некоторые стороны деятельности политиков Монголии верхнего эшелона, а роль некоторых из них в жизни МНРП и страны показана далеко не в радужных тонах, вызвала у определенного круга лиц — в основном из ближайшего окружения Цеденбала — довольно острое неприятие. А на страницах русскоязычной газеты «Новости Монголии» большая «рецензия» была напечатана подряд в двенадцати номерах в период с 8 ноября 1997 г. по 7 февраля 1998 г. В этой многословной, но малосодержательной «рецензии» ее автор позволил себе и оскорбительные для меня двусмысленности. Угрозы расправиться со мной доводились до меня и по телефону. Ширендыб-гуай, ознакомившись с книгой и, думается, предвидя возможную неоднозначную реакцию на нее (ему-то хорошо были известны нравы людей в некоторых кругах), написал мне теплое письмо. В нем он писал: «Вы написали ценную и необходимую книгу... Неоспоримые факты и Ваш объективный анализ помогут нам в понимании личности Цеденбала и людей, связанных с периодом его властвования. Отклики на этот Ваш труд самые положительные. Я сделаю так, чтобы Ваша книга вышла у нас на монгольском языке».

Личность Цеденбала и людей из ближайшего его окружения он знал, конечно, лучше, чем я: тут он попросту решил поддержать меня, внушить мне уверенность. Разумеется, я так и понял содержание его письма и был чрезвычайно ему благодарен.

К тому же следует заметить, что о значительной части партийных и государственных деятелей страны из окружения Цеден-

бала 1970-х и начала 1980-х гг. он был весьма невысокого мнения. Из его уст мне приходилось слышать довольно негативные суждения на этот счет. А в беседе с известным журналистом Л. Шинкаревым он весьма откровенно и резко заявил: «О разложении правящей верхушки». Это, полагал он, тяжело сказывалось на положении в стране, особенно сельского населения. Во всех сферах жизни народа накапливались сложнейшие проблемы. Он понимал, что без радикальных перемен в сложившейся политической системе трудно делать серьезные шаги к улучшению жизни в стране. События конца 1980-х — начала 1990-х гг. он воспринял в надежде на начало новой жизни. Но дальнейший ход этих событий вызывал у него серьезную озабоченность. Тревога за судьбу Монголии, ее будущее никогда не покидала его. Каждый ее шаг к светлосту, счастливому будущему вызывал у него безмерную радость, восторг.

Не забуду один такой момент. 23 марта 1981 г. все мы, советские и монгольские представители, сидели в Центре управления полетов перед большим экраном, ожидая с волнением той заветной минуты, когда космический корабль с Джанибековым и Гуррагчаа взмлет в космос. И вдруг донеслось: «Корабль стартовал!» Раздались бурные овации. Ширендыб быстро поднялся, взглянул на экран и, широко улыбаясь, воскликнул: «Монголия в космосе!»

Это было прекрасное, незабываемое мгновение.

ВОСТОКОВЕД-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ Б. ШИРЕНДЫБ

В 2012 г. ученым сообществом и работниками культуры Монголии, России и многих других стран отмечается 100-летний юбилей выдающегося монгольского государственного и общественного деятеля, ученого-востоковеда, инициатора создания, организатора и многолетнего президента первой в истории Монголии Академии наук Базарына Ширендыва.

Широкой известностью академик Б. Ширендыв обязан своим выдающимся природным личностным качествам, блистательно раскрывшимся на всех поприщах, на которые его выдвигала Судьба.

Сын кочевника-скотовода и, одновременно, писаря и знатока народного творчества, обучавшего аратских детей началам грамотности, в восьмилетнем возрасте он стал по традиции учеником в монастыре. После Народной революции 1921 г. новая власть заметила старательного выходца из трудовых низов. Б. Ширендыв продолжил учебу в созданных после революции светских учебных заведениях и уже в 18-летнем возрасте был назначен руководителем сельхозобъединения. После успешного окончания Монгол-рабфака, созданного в Улан-Удэ для подготовки монгольских национальных кадров, Б. Ширендыв с отличием оканчивает историко-филологический факультет Иркутского педагогического института. Инициативный молодой специалист, свободно владеющий русским языком, дисциплинированно выполняет разнообразные поручения руководства страны, работает референтом премьер-министра Монголии маршала Х. Чойбалсана, редактором журнала, ведет преподавательскую работу. Это выдвинуло Б. Ширендыва в число видных представителей новой монгольской интеллигенции. Он активно участвовал в напряженной работе по организации первого монгольского высшего учебного заведения — Монгольского государственного университета (МонГУ, ныне — Монгольский государственный национальный университет); в 1942 г. Б. Ширендыв был назначен его первым ректором. В дальнейшем, в зависи-

мости от внутривнутриполитических событий, Б. Ширендыб занимал высокие правительственные должности. Работал руководителем Комитета наук МНР, министром просвещения, заместителем Председателя Совета министров. Большой опыт ответственной государственной работы позволил Б. Ширендыбу с 1949 по 1959 г. возглавлять монгольский Комитет защиты мира, участвовать в международных мероприятиях. К этому же времени относятся издания его стихов, рассказов и пьес, либретто поставленных в Улан-Баторе балетов, снятые по его сценариям кинофильмы «Исход» и «Вторая встреча», показанные позднее и на советских экранах.

Для всех, кто знал и следил за энергичной деятельностью Б. Ширендыба, совершенно очевидно, что его успешная деятельность на благо Монголии во многом объяснялась постоянно укрепляющимися дружескими связями и сотрудничеством с Советским Союзом. Для самого Б. Ширендыба послевоенный период стал временем осознания им приоритета служения интересам развития монгольской науки как основы строительства государства и общества.

После защиты в Москве в 1954 г. кандидатской диссертации на ее основе Б. Ширендыб опубликовал свое исследование под обобщающим названием «Народная революция и образование МНР». С 1957 по 1960 г. Б. Ширендыб работал в Москве над докторской диссертацией, которую блестяще защитил в Институте востоковедения АН СССР. Б. Ширендыб стал видным специалистом в области новой и новейшей истории Монголии, автором глубоких фундаментальных трудов — «Монголия на рубеже XIX–XX вв.» и «История Монгольской народной революции».

Он провел большую разъяснительную работу в кругах национальной интеллигенции и после тщательной подготовки внес в правительство предложение об организации в Монголии Академии наук. Постановление правительства о создании академии последовало в 1961 г. Первым президентом Академии наук МНР стал Б. Ширендыб. Его целеустремленная, преодолевающая организационные (иногда бюрократические) препятствия, заинтересованная в достижении научных результатов деятельность привела к тому, что в относительно короткий срок Академия наук МНР во-

шла в ряд уважаемых научных учреждений и за пределами Монголии. Плодотворные международные связи академии стали активно развиваться. Был взят курс на плановую подготовку национальных научных кадров как в СССР, так и в странах, входивших в социалистическое содружество. Эффективность этого курса была подтверждена временем. Взаимовыгодное сотрудничество закреплялось и юридически: академия подписывала соглашения и планы совместных научных исследований и подготовки кадров с учреждениями дружественных стран.

Как ученый Б. Ширендыб был очень плодovit. Он — автор многих монографий, научных и научно-популярных книг и статей. Число его печатных трудов всех жанров приближается к тремстам. Его основные фундаментальные исследования по истории Монголии неоднократно переводились и издавались в России, Китае, Англии, Германии, США, Японии. Научные центры Германии, Чехословакии, Венгрии, Польши избрали его почетным членом. Б. Ширендыба своим иностранным членом избрала и Академия наук СССР (ныне РАН). Он избран также почетным доктором Лидского университета (Великобритания). Его зарубежные связи, обусловленные общими научными интересами, были обширными. Среди западных коллег тесным сотрудничеством с Б. Ширендыбом выделялся английский востоковед профессор Оуэн Латимор.

Мое знакомство с академиком Базарыном Ширендыбом состоялось в 1969 г. В то время я работал заместителем начальника Управления научного сотрудничества с социалистическими странами АН СССР.

Официальные делегации на переговорах и подписании межакадемических двусторонних планов сотрудничества с АН СССР всегда возглавлял сам Б. Ширендыб. Эти планы предусматривали контакты и совместные работы практически по всему спектру современных отраслей фундаментальной науки. Проекты планов тщательно готовились. Каждая тема планируемого взаимодействия прорабатывалась с ведущими российскими учеными соответствующего профиля. За весь процесс подготовки переговоров несли ответственность иностранные службы академий (включая протокольные вопросы).

Ведущие отечественные ученые с большой заинтересованностью беседовали с Б. Ширендыбом. Это было заметно на официальных переговорах, в дружеских застольях, при встречах и проходах. Запомнился обед в московском Доме ученых, где монгольскую делегацию во главе с Б. Ширендыбом после подписания двустороннего документа принимали президент АН СССР М. В. Келдыш, вице-президенты М. Д. Миллионщиков, А. П. Виноградов, Б. Н. Петров. С каждым из этих выдающихся ученых Б. Ширендыб обсуждал вопросы фундаментального научного и практического значения, обстоятельно, но немногословно отвечал на вопросы по темам, касающимся разных эпох истории Монголии. Однако при непринужденном обсуждении отдельных эпизодов завоевательных походов Чингис-хана в ответ на настойчивый вопрос А. П. Виноградова о том, когда же будет написана история этого выдающегося деятеля средневековой Монголии, он ограничился красноречивой выразительной улыбкой. Б. Ширендыб хранил в памяти даже краткосрочные события, связанные с его встречами с выдающимися деятелями современности. Приведу три примера.

В «узком кругу» Б. Ширендыб любил рассказывать об официальном визите в Москву (в 40-е гг.) делегации Монголии во главе с маршалом Х. Чойбалсаном. Тогда он исполнял обязанности переводчика. На заключительном приеме в посольстве Монголии присутствовал И. В. Сталин. Подняв наполненный бокал, он предложил тост за «профессора русского языка» Ширендыба.

На празднование десятилетия образования АН МНР (начало 70-х гг.) в Улан-Батор прибыла делегация во главе с членом Президиума АН СССР академиком П. Н. Поспеловым. Главу делегации и автора этих строк поселили в большом трехкомнатном номере центральной гостиницы, где вскоре состоялась беседа с Б. Ширендыбом. Обсуждались актуальные вопросы сотрудничества, а затем Ширендыб, улыбаясь, вспомнил, как в 1950-е гг., находясь проездом в Москве, он встречался с П. Н. Поспеловым. В оживленной беседе собеседники удовлетворенно отметили, что в то время они правильно оценивали политическое положение в Азии.

В 1970-е гг. в беседе со мной Б. Ширендыб с юмором рассказывал, что, находясь по приглашению АН СССР на лечении в академическом санатории «Узкое», во время прогулки по парку он встретил академика К. И. Скрябина — основателя гельминтологии. После взаимных приветствий Константин Иванович спросил: «Вы, наверное, из Средней Азии?» А узнав, что собеседник приехал из Монголии, воскликнул: «О, Монголия — замечательная страна, в ней столько гельминтов!»

В контактах и сотрудничестве между двумя академиями использовались все доступные организационные формы. Потенциалы и возможности партнеров были, конечно, несоизмеримы. Однако для советских участников межакадемического взаимодействия главным принципом было равноправие. В нашем лексиконе отсутствовало слово «помощь» или его аналоги, мы в разнообразных формах только «сотрудничали».

В послевоенное время две академии организовали пять совместных экспедиций: геологическую, геофизическую, палеонтологическую, биологическую, историко-культурную. Работая на территории Монголии много лет, в их состав иногда включали и ученых из третьих стран. Экспедиции (эта тема для отдельного исследования) стали кузницей монгольских научных, педагогических и практических кадров. После многолетней совместной работы с советскими учеными монгольские специалисты успешно защищали кандидатские и докторские диссертации, выдвигались на ответственные административные посты, становились преподавателями вузов, избирались членами национальной академии наук. Со стороны АН СССР/РАН научными руководителями экспедиций и отдельных полевых отрядов были ведущие ученые, академики А. П. Окладников, А. Л. Яншин, И. П. Герасимов, Н. А. Логачев, В. И. Коваленко, В. Е. Соколов, Л. П. Татаринев, А. П. Деревянко, члены-корреспонденты А. Г. Вологдин, В. М. Солнцев и ряд других.

Важнейшее значение для эффективного взаимодействия двух академий имеет совместная Комиссия по сотрудничеству в области общественных наук АН СССР/РАН и АН МНР/АНМ, созданная в 1970-е гг. Комиссия координирует работу совместных экспеди-

ций, следит за выполнением двустороннего проблемно-тематического плана сотрудничества, вносит на рассмотрение руководства академий научно-организационные вопросы. Авторитетной подсистемой «Большой комиссии» является Комиссия по сотрудничеству РАН и АНМ в области общественных наук с аналогичными функциями. Эффективность рекомендаций обеих комиссий всегда высоко ценилась президиумами академий, они утверждались без всяких изменений. В разные годы сопредседателями комиссий работали вице-президенты А. П. Виноградов, А. В. Сидоренко и А. Л. Яншин («Большая комиссия»), академик А. П. Окладников (Комиссия обществоведов). В настоящее время сопредседателями двух комиссий с российской стороны являются вице-президент РАН академик Н. П. Лаверов и член Президиума РАН академик А. П. Деревянко.

Молодая Академия наук постоянно пользовалась вниманием и поддержкой высших руководителей Монголии. Автору этих строк довелось участвовать во встречах лидера Монголии Ю. Цеденбала с вице-президентами академиками М. Д. Миллионщиковым и В. А. Коптюгом, находившимися в Улан-Баторе (в разное время) во главе делегаций АН СССР. Участвовали в этих встречах руководители многих монгольских ведомств. С большим интересом было обсуждено высказанное М. Д. Миллионщиковым мнение, одобряющее курс руководства АН МНР во главе с Б. Ширендыбом на подготовку за рубежом специалистов по новым областям науки и техники для дальнейшей научной и педагогической работы на родине. В беседе с В. А. Коптюгом основное внимание было уделено формам подготовки в АН СССР научных кадров для Монголии. Обращаясь к советским ученым, руководители страны были единодушны в просьбе повышать требовательность к монгольским стажерам, особенно при подготовке кандидатских диссертаций. В этой встрече участвовал преемник Б. Ширендыба на посту президента Академии наук Ч. Цэрэн.

Первый президент первой в истории Монголии Академии наук непрерывно и глубоко интересовался возможностями совершенствования организационных форм работы академического и вузовского сообществ. Изучал и иностранный опыт в этой области. От-

четливо представлял роль материальной базы, обеспеченности оборудованием (особенно лабораторий естественнонаучного профиля). Мне довелось при общении с Б. Ширендыбом получить личные впечатления в этой сфере еще при первой нашей встрече в 1969 г. Б. Ширендыб четко обрисовал организационные и материальные трудности, испытываемые в Монголии совместными экспедициями АН СССР и АН МНР. Несомненное взаимопонимание установилось уже к концу этой некроткой беседы. После консультаций с учеными и доклада руководству АН СССР стали предприниматься практические меры. Задача заключалась в том, чтобы на окраине Улан-Батора построить экспедиционную базу: общежитие гостиничного типа (включая минимальное по площади административное помещение), лабораторное помещение для первичной обработки полевых материалов (затем материалы планировалось перевозить для исследования в советские и монгольские академические институты), гараж и складские помещения. Во всех инстанциях обеих стран академии получали поддержку. Тем не менее, по множеству непредсказуемых причин принятие окончательного решения задерживалось. Неожиданно «раунд» борьбы за общее дело науки двух стран завершилось переездом Президиума АН МНР в построенный в центре города Дворец науки и культуры, а экспедиции, как и раньше, остались в различных приспособленных помещениях. Попытка получить под базу советский военный городок (после вывода советских войск из страны) тоже началась согласием «всех», но в конце оказалось, что кто-то более влиятельный, чем академия, соблазненный близостью городка к столице страны, получил на него все права раньше академии. Но это случилось, когда Б. Ширендыб уже не был президентом академии.

Но вернемся к деятельности Б. Ширендыба как ученого-администратора. По приглашению президента АН СССР М. В. Келдыша Б. Ширендыб посетил Дальний Восток. Председатель молодого научного центра член-корреспондент АН СССР А. П. Капица с радушием знакомил Б. Ширендыба с научными учреждениями Владивостока и Находки. Особое внимание было уделено исследованиям математиков, биологов, геологов и историков.

Монгольского гостя принимали руководители края, в его честь был дан обед на одном из военных кораблей Тихоокеанского флота с соблюдением воинских почестей.

В те же 1970-е гг. по просьбе Б. Ширендыба была организована поездка делегации ведущих ученых Монголии (во главе с ним) в советские среднеазиатские республики — Таджикистан, Узбекистан, Киргизию, а также в Казахстан. Во всех столицах Б. Ширендыб был принят руководителями республик. В соответствии с пожеланиями делегации и рекомендациями хозяев монгольские гости посещали научные учреждения, памятники истории и архитектуры.

По поручению руководства Президиума АН СССР я участвовал в поездках монгольских гостей на Дальний Восток и в Среднюю Азию.

Незабываемы встречи и беседы с президентом АН Таджикской ССР, крупным историком и общественным деятелем, членом-корреспондентом АН СССР М. С. Асимовым. После развала СССР он погиб от рук бандитов во время разразившейся в республике гражданской войны. В музеях и научных учреждениях Б. Ширендыб подробно и глубоко интересовался отдельными экспонатами, системой эксплуатации установок и приборов, результативностью исследований. Придавая большое значение полноценному функционированию астрономической обсерватории АН МНР под Улан-Батором, он детально ознакомился с организацией работы обсерватории под Душанбе. На прощальном ужине присутствовали многие представители таджикской культуры, в том числе многолетний соратник Б. Ширендыба по движению в защиту мира поэт Мирзо Турсун-заде.

В узбекском Самарканде, не скрывая восхищения, монгольские ученые любовались средневековыми памятниками Регистан, Гур Эмир и многими другими, расспрашивали специалистов о методике реставрации культурного наследия. Особое внимание уделялось обмену мнениями с историками академии.

Теплое гостеприимство делегации было оказано в Киргизии президентом академии, видным историком, членом-корреспондентом АН СССР К. К. Каракеевым. Была организована поездка на

озеро Иссык-Куль. В беседах подчеркивалось гармоничное сотрудничество с учеными всех республик Советского Союза, роль российских деятелей науки и культуры в создании в 1920-х гг. киргизской письменности, а в послевоенный период — национальной Академии наук. Оживленными были встречи с историками, где быстро выявились сферы взаимных научных интересов. В конце визита делегации глава Киргизской ССР Т. У. Усубалиев устроил большой прием с участием видных представителей интеллигенции.

В Алма-Ате делегация имела много встреч с коллегами, ознакомилась с культурными и историческими достопримечательностями. Подробно знакомил гостей с достижениями и проблемами республики президент АН Казахской ССР А. М. Кунаев.

Сотрудничество Б. Ширендыба с советскими учеными было многосторонним и плодотворным. Первое место здесь занимали востоковеды, очень ценившие его энциклопедичность. Академик Б. Ширендыб — как президент академии на официальных мероприятиях, а также в товарищеских беседах — всегда с большой признательностью говорил об исключительной роли российских дореволюционных ученых в изучении Монголии XIX века. Не скрывал, что имеет замечания к труду И. М. Майского (в 1920-е годы еще не академика) «Современная Монголия», но подчеркивал, что главное в изданной большой книге то, что она открыла послереволюционную Монголию многонациональному советскому читателю. Говорил о большом вкладе в становление советского востоковедения академиков С. Ф. Ольденбурга и Е. М. Жукова. С чувством восхищения отзывался о выдающейся дипломатической и научной деятельности академика С. Л. Тихвинского, награжденного двумя монгольскими орденами.

Научные контакты Б. Ширендыба с советскими востоковедами в послевоенный период были постоянными. Это прежде всего коллектив Института востоковедения АН СССР, многие годы возглавлявшийся выдающимся ученым и государственным деятелем Б. Г. Гафуровым. Систематические научные консультации были плодотворны для творческой научной работы и Б. Ширендыба, и ученых института, среди которых были И. Я. Златкин, Г. Д. Сан-

жеев, С. Д. Дылыков, Г. С. Яскина, К. Н. Яцковская, М. И. Гольман, С. К. Роцин, В. В. Грайворонский и ряд других.

Высок был авторитет Б. Ширендыба как среди монгольских, так и советских высокопоставленных дипломатов. Здесь следует назвать работавших в послевоенное время периодически и в Москве, и советском посольстве в Улан-Баторе Ш. Г. Надирова, А. Н. Катеринича, М. П. Макареева, В. В. Стрельцова, которые оказывали ученым двух стран весьма ценную помощь.

Нельзя не сказать о тщательном подборе Б. Ширендыбом своих помощников, выдвижении на высокие посты перспективных ученых. В кадровой работе президент академии редко ошибался. Здесь необходимо отметить многолетнего обаятельного руководителя иностранной службы АН МНР Гэлэгийна Цэгмида. Весьма способный воспитанник послереволюционной монгольской школы, окончивший затем биологический факультет МГУ, Г. Цэгмид внес заметный вклад в организацию и успешное осуществление международных связей Академии наук своей страны.

Яркая, щедро одаренная природой личность академика Базарына Ширендыба, многогранная его деятельность на благо Монголии заслуживают всесторонней популяризации. Его славный путь ученого, государственного и общественного деятеля является примером для новых поколений монгольского народа и его друзей.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ ИЗ МОНГОЛИИ

В один из дней учебы в Московском институте востоковедения во второй половине 40-х гг. прошлого века рядом с аудиторией монгольского отделения появилось объявление о том, что после лекций состоится встреча с ректором Монгольского государственного университета Б. Ширендыбом. Декан нашего Дальневосточного факультета профессор Г. Д. Санжеев, кажется, не пропускал случая, чтобы познакомить будущих монголоведов с носителями языка, гостями из Монголии, и вообще с людьми, побывавшими в этой стране. На этот раз нас ждала встреча с первым гостем из Монголии. Естественно, он увлек нас рассказом о недавно открывшемся университете, о том, что в нем всего лишь несколько факультетов, на которых готовят главным образом будущих учителей для средней школы. И еще мы узнали, что среди преподавателей были специалисты, приехавшие из СССР. Б. Ширендыб хорошо говорил по-русски. Не зная, что он учился в Советском Союзе на Монголрабфаке в Улан-Удэ и получил высшее образование в Иркутске, мы восхитились чистотой его безупречной русской речи. Слушая монгола, общавшегося с нами по-русски, признаться, мы не очень понимали, какие трудности поджидали первых монгольских студентов в своем университете, столкнувшихся с необходимостью в первую очередь выучить русский язык. Этот молодой монгол с копной черных волос просто заворожил нас своим свободным рассказом. Б. Ширендыб произвел на нас неотразимое впечатление. В свою очередь, мы ловили на себе внимательный взгляд гостя. Его глаза будто спрашивали: ну, какими вы станете монголоведами?

Современник и очевидец образования и становления Монгольского государственного университета, наш преподаватель по географии Монголии Э. М. Мурзаев на своих лекциях помог нам со всей очевидностью понять всю важность задач, которые решались этим высшим учебным заведением, представить себе вели-

кую ношу и ответственность, принятые на себя первым ректором. Кто бы тогда мог предположить, что с нами беседовал и будущий президент Академии наук МНР.

Нашему курсу не довелось поехать на практику в Монголию. Нельзя было похвастаться и распределением по специальности, которое нас ожидало, точнее, вовсе не ожидало. Я, например, совершенно случайно узнала, что на Московском радио в редакции вещания на Монголию есть несколько вакансий. По окончании госэкзаменов я получила в ней должность редактора. Конечно же, после той первой встречи с ректором МонГУ Б. Ширендыбом за 10 лет работы на радио случилось много новых знакомств с монголами.

В следующий раз судьба свела меня с Ширендыб-гуаем в Улан-Баторе. В составе делегации Общества советско-монгольской дружбы, приехавшей в ноябре 1964 г. на мероприятия, посвященные закрытию месячника дружбы, я впервые оказалась в огромном кабинете президента Академии наук МНР Б. Ширендыба. В составе делегации, возглавляемой первым секретарем Иркутского обкома партии С. Н. Щетининым, были старые знакомые президента — бывший советник при правительстве МНР Н. В. Цапкин и ответственный секретарь Центрального правления ОСМД В. А. Сергеев. В таких случаях предполагается так называемая протокольная встреча. Но Ширендыб-гуай очень скоро повел беседу о многолетнем плодотворном сотрудничестве ученых наших стран. Вспомнив об экспедициях, успешно работавших в Монголии в 20–40-е гг., делился мыслями об организации широкого фронта совместных полевых работ археологов двух стран. Большой поборник научного содружества, он инициативно относился к разработке общих планов на будущее.

Не прошло и года, как в составе группы научных сотрудников Института востоковедения АН СССР мне довелось приехать в Монголию на стажировку. По своему плану занятий я посещала академический Институт языка и литературы. В то время он располагался в здании филологического факультета МонГУ. В просторной аудитории с широкими окнами, за которыми открывалась прекрасная перспектива великолепной Богдо-Улы, за большими

письменными столами работали старейшины монгольской филологии Ц. Дамдинсурэн, Эджэн Хороо, Я. Цэвэл, Б. Содном, Ч. Алтангэрэл. Никогда не забыть их исключительное внимание ко мне, молодому монголоведу, их открытую готовность поделиться своими знаниями. В то же самое время доводилось постигать некоторые особенности жизни монгольской столицы. Например, в те годы в худон официально был «сослан» традиционный праздник Цагаан сар. Новый год встречался коллективно по организациям. Совершенно неожиданно перед началом общего вечера нас пригласили к президенту Академии наук. В знакомом уже кабинете после живого и сердечного обмена новогодними поздравлениями под одобрительные улыбки Ширендыб-гуая появился Эджэн Хороо. Каждой гостье он преподнес, вернее, надел подарок — шелковый хантааз. Мне достался хантааз из плотного темно-синего шелка с серебристым мелким узором. Монголки называют такую ткань одтэй торгон. Он был оторочен парчой кораллового цвета. Я любила его всю жизнь. И всегда помнила об этом новогоднем подарке от Б. Ширендыба.

При общении с Б. Ширендыбом в разные годы неизменно открывалось его мышление историка, понимание важности развития новых, неизвестных дотоле в стране отраслей науки, действенность авторитета президента Академии в получении государственной поддержки. Все эти качества способствовали осуществлению самых смелых планов и развитию многих потенциальных возможностей.

В 2009 г. исполнилось 40 лет создания Советско-монгольской историко-культурной экспедиции (СМИКЭ) — подлинного детища Б. Ширендыба. Он был озабочен археологическими доказательствами самостоятельного культурного развития народов и племен, живших в разные периоды на территории МНР. С радостью встречал новейшие данные советских и монгольских археологов, находивших орудия производства эпохи палеолита и неолита, бронзы и железа в результате совместных полевых исследований. Один за другим выходили исследования ученых о найденных ими богатствах — петроглифах — наскальных изображениях оленей, колесниц, всадников и диких животных, а также о других па-

мятниках древней цивилизации. Участники совместной экспедиции, сначала под руководством академика А. П. Окладникова, затем сменившего его академика А. П. Деревянко, сделали немало исторических открытий подлинно мирового масштаба.

Б. Ширендыба в его многогранной деятельности не в последнюю очередь занимали проблемы развития монголоведения, расширения связей с зарубежными учеными, которых интересовали разные аспекты монгольской цивилизации, истории, этнографии и филологии. В 1959 г. в Улан-Баторе состоялся I Международный конгресс монголоведов. В нем участвовали только филологи. Организации конгресса предшествовали консультации с авторитетными учеными, в частности с недавно вернувшимся на родину Ю. Н. Рерихом.

Следующий Международный конгресс монголоведов состоялся в 1970 г. В его работе уже участвовали ученые из многих стран мира. Среди них были такие корифеи монголоведческой науки, как О. Латтимор, П. Аалто, Д. Крюгер, В. Хайссиг. Запомнился прощальный прием Б. Ширендыба для участников конгресса. Он давал его в гостинице «Улан-Батор», где жили иностранные ученые. Все сидели за накрытыми столами по периметру большого зала ресторана. Ширендыб-гуай — со стороны, где располагались монгольские ученые, — как патриарх, с удовлетворением обводил взором гостей. Каждого он знал в лицо, для каждого у него были личные пожелания во имя процветания мирового монголоведения.

Год за годом развивалось сотрудничество между советскими и монгольскими учеными. На территории Монголии работали разные совместные экспедиции. К 1980 г. назрела особая необходимость координации научной деятельности гуманитарных институтов наших стран. С инициативой усилить научное сотрудничество монгольских и советских историков академик Б. Ширендыб выступил во время беседы в Москве с вице-президентом АН СССР академиком П. Н. Федосеевым. Так было положено начало создания Комиссии по сотрудничеству АН СССР и АН МНР в области общественных наук. Одно из важных пожеланий, высказанных президентом монгольской академии, содержало приглашение советским ученым принять участие в раскопках Каракорума. Оно

было связано с предоставлением исследованию древнемонгольской столицы финансовой поддержки ЮНЕСКО. Предлагалось также издание совместного сборника по наиболее узловым проблемам древней, средневековой, новой и новейшей истории МНР.

Вскоре между Академиями наук СССР и МНР начались консультации по уточнению состава советской и монгольской частей Комиссии, а также по координации деятельности Комиссии с целью повышения эффективности научного сотрудничества в области общественных наук. Предметно обсуждались изменения и дополнения к проблемно-тематическому плану научного сотрудничества на 1981–1985 гг. К проекту каждого документа Б. Ширендыб вносил свои конкретные письменные предложения.

За десятилетия, минувшие с тех пор, при осуществлении планов научного сотрудничества на очередное пятилетие усилиями советских и монгольских ученых были изданы многие фундаментальные труды. Назову только два из них. Это важный для любого монголоведа «Большой академический монгольско-русский словарь». Многолетнюю работу лексикографов двух стран возглавляли академики А. Лувсандэндэв и В. М. Солнцев. В 2003 г. в Москве вышла из печати монография «Буддизм и литература». Эта тема, предложенная в свое время учеными Монголии и входившая в план двустороннего сотрудничества, нашла широкий отклик у специалистов.

В начале 1990-х гг. мне довелось несколько раз общаться с Ширендыб-гуаем. Он оставался в составе монгольской части Комиссии, принимал деятельное участие в очередном заседании, проходившем в Улан-Баторе. Будучи на пенсии, он продолжал активно работать, не теряя интереса к историческим переменам в наших странах. Осенью 1990 г., будучи в командировке в Монголии, я снова жила в квартале, отведенном в 60-е гг. под жилье иностранным специалистам. Моя дорога в библиотеку шла, как принято у местных жителей, большей частью через дворы ближайших домов. В одном из таких домов жил Ширендыб-гуай. Теплая погода тогда стояла долго. Пожилые люди выходили во двор наслаждаться очередным погожим днем. Не один раз случалось встретить там по-прежнему общительного Ширендыб-гуая. Он приглашал к

беседе, и мы сидели с ним рядом на скамейке возле его дома. Мудрый человек, тот первый для меня истинный монгол, теперь, казалось, с удовлетворением мог мысленно обозревать во многом созданную им «империю» монгольской науки, радоваться нашему успешному сотрудничеству.

В дни работы VII Международного конгресса монголоведов в 1997 г. Ширендыб-гуай по традиции монгольского гостеприимства радушно принимал у себя дома российских монголоведов. Для меня это была последняя встреча, последний случай незабываемого общения, длившегося полвека.

ПАМЯТИ Б. ШИРЕНДЫБА ПОСВЯЩАЕТСЯ

Сажусь писать о Ширендыб-гуае, и сердце сжимается от нахлынувших чувств и воспоминаний. Горько и больно сознавать, что я больше никогда его не увижу, не услышу мудрых советов и наставлений, не почувствую обаяния его личности, не смогу вновь восхититься богатством его знаний и огромного жизненного опыта.

Душа скорбит и вместе с тем благодарит судьбу за счастье многолетнего общения с этим замечательным человеком, великим ученым и организатором науки, крупным государственным, политическим и общественным деятелем, неутомимым борцом за мир, большим другом России, российских ученых и меня лично, любящим мужем и отцом.

В памяти, к сожалению дырявой, проплывают разные эпизоды и картины полувековой истории моего знакомства и отношений с незабвенным Ширендыб-гуаем. И перед глазами он встает как живой, с тонкой улыбкой на устах, проникновенным вдумчивым взглядом, энергичный, очень подвижный... И вспоминаются прекрасные черты его удивительного характера: аналитический ум, феноменальная память, добросердечие и всегда благожелательное отношение к людям, чувство юмора.

Впервые я увидел Ширендыб-гуая в далеком 1950 г. в Улан-Баторе, куда мы, группа пятикурсников Московского института востоковедения, прибыли для прохождения преддипломной языковой практики.

Мы были первыми советскими студентами, посланными в Монголию после целого года проволочек и оформления бумаг в Наркомпросе и других «компетентных» инстанциях». Тем не менее, бюрократическая машина дала сбой, и нас никто не встретил, мы как снег на голову свалились на посольских чиновников. Вот они и направили, точнее, «отфутболили» нас сразу к Ширендыб-гуаю — тогда первому ректору первого высшего учебного заведе-

ния страны — Монгольского государственного университета, таким образом избавив себя от хлопот по организации нашей практики и быта.

Был разгар лета, университет выглядел полупустым, но ректор работал.

Помню, как мы, робея, переступили порог его кабинета. Из-за письменного стола навстречу нам поднялся красивый, стройный, безукоризненно одетый мужчина, поздоровался с каждым из нас за руку, свободно по-русски осведомился, кто есть кто в нашей группе и где бы мы хотели, в каком учреждении проходить практику. Тотчас через секретаря были вызваны кадровик и хозяйственники, и все вопросы нашего обустройства с жильем, с питанием и, конечно, с занятиями языком были оперативно решены. Более того, Ширендыб-гуай тут же предложил нам ближе к осени принять участие в приеме вступительных экзаменов по русскому языку у монгольских абитуриентов, поступавших в МонГУ.

Затем мы пили душистый «суутэй цай», ели вкусные борцоки и с большим вниманием слушали рассказ ректора о структуре университета и его задачах.

На этой встрече Ширендыб-гуай произвел на всех нас глубокое впечатление своей интеллигентностью, деловитостью и демократической, простой манерой поведения.

Впоследствии я не раз убеждался, что деловая хватка, талант организатора, демократичность были органично присущи его характеру и образу жизни. Как и отеческая забота о молодежи, что мы сразу же ощутили на себе.

К сожалению, волею обстоятельств лично мне пришлось скоро уехать домой. Но до отъезда довелось-таки несколько раз, правда на расстоянии, видеть Б. Ширендыба, выходящим из машины и легко избегавшим в университет по входной лестнице. И неизменно с газетой в руке! И неизменно в белой рубашке с галстуком и красивом костюме! Именно таким он мне и запомнился тогда, видно еще и потому, что в те времена по-европейски одетые люди на улицах Улан-Батора выглядели весьма впечатляюще!

Отмечу, что и потом, когда бы я ни видел Ширендыб-гуая, он всегда был одет модно и с большим вкусом, всегда тщательно вы-

брит и хорошо причесан, выглядел очень элегантным, даже когда болел и ходил, опираясь на трость.

Конечно, наше знакомство в 1950 г. было шапочным. Но тем не менее, Ширендыб-гуай не забыл его и даже считал возможным упомянуть о нем в одной из своих последних статей о научном сотрудничестве с российскими коллегами, опубликованной посмертно.

Как известно, 1957–1960 гг. Ширендыб-гуай провел в стенах нашего института, будучи докторантом ИВ АН СССР и одновременно старшим научным сотрудником Сектора Монголии. А должность старшего, затем ведущего научного консультанта ИВ АН СССР/РАН, помнится, сохранялась за ним в течение 1982–1997 гг.

Поглощенный подготовкой докторской диссертации, в сборе архивных материалов для которой помогала ему моя коллега, Г. С. Яскина, он вместе с тем принимал самое активное участие в научной жизни сектора, не пропускал ни одного важного заседания, всегда выступал очень содержательно, генерировал оригинальные идеи и предложения. Представляется, что именно в этот период у него сложились особые, доверительные отношения с монголистами института, завязалась крепкая дружба с учеными старшего поколения, особенно с С. Д. Дылыковым и И. Я. Златкиным, которые впоследствии по его инициативе стали иностранными профессорами АН МНР.

Тесные связи он поддерживал тогда с академиком-секретарем Отделения истории АН СССР Е. М. Жуковым, до квартиры которого на Котельнической набережной я его несколько раз проводил.

К нам, относительно молодым, только начинающим свою научную карьеру, сотрудникам сектора, т. е. ко мне, С. К. Рощину, Г. С. Яскиной (тогда Матвеевой), Г. И. Слесарчук, В. В. Грайворонскому Ширендыб-гуай относился ровно, с большой симпатией, но соблюдая дистанцию. Мы же были рады и горды тем, что с нами бок о бок трудится такой маститый исследователь, труды которого мы изучали и до 1957 г., но теперь могли общаться и учиться у самого автора.

И мы все были свидетелями блестящей защиты им докторской диссертации и благодарными участниками — наряду с учеными-аксакалами и высоким начальством — праздничного, с размахом, банкета по этому поводу в главном столичном ресторане «Метрополь», устроенном Ширендыб-гуаем со свойственной ему щедростью.

В 1960 г. по поручению Управления внешних сношений Президиума АН СССР я сопровождал представительную делегацию монгольских ученых во главе с Б. Ширендыбом в поездке в тогда еще Ленинград. В ее состав входили такие известные ученые, как Ц. Дамдинсурэн, Х. Пэрлээ, Ш. Нацагдорж, Н. Сэр-Оджав и др. В преддверии создания АН МНР они должны были ознакомиться с опытом постановки академической работы. В этой поездке меня впервые поразили две вещи: с одной стороны, я увидел, как мудро, с каким тактом и вместе с тем требовательностью дарга (Ширендыб-гуай) руководил этой непростой группой ярких индивидуальностей, с другой — с каким пиететом, уважением они относились к нему, каким высоким авторитетом он пользовался. В дальнейшем я в этом убеждался неоднократно, причем не только в Монголии.

Научные труды и вся деятельность Б. Ширендыба на посту первого президента созданной во многом благодаря его стараниям АН МНР принесли ему мировую известность, славу, почет и уважение, что я мог наблюдать, присутствуя на встречах Б. Ширендыба, в частности с президентом АН СССР М. В. Келдышем, академиками А. Л. Яншиным, С. П. Тихвинским, А. П. Окладниковым, А. П. Деревянко, членом-корреспондентом РАН М. С. Капицей, американским востоковедом О. Латтимором и др. Насколько я помню, Ширендыб-гуай никогда не кичился своими достижениями и званиями, а ведь он был избран иностранным членом АН СССР/РАН, почетным членом академий наук Венгрии и Болгарии, почетным доктором Лидского университета (Великобритания), был кавалером многих отечественных иностранных орденов...

1966 г. — год моей первой длительной — 6 месяцев — научной командировки в МНР, куда я приехал после 16-летнего перерыва, я считаю началом установления крепких дружественных

связей с Ширендыб-гуаем, продолжавшихся до конца его жизни. Никогда не забуду, как сразу после приезда меня, простого младшего научного сотрудника без степени, глава академической науки в стране, депутат Великого Народного Хурала МНР, человек, время которого было расписано по минутам, принял в своем служебном кабинете на третьем этаже здания Государственной библиотеки, где тогда размещался Президиум академии, и достаточно долго, посреди рабочего дня, за чашечкой кофе расспрашивал, над чем я работаю, какие у меня планы, как я устроен и чем он может быть мне полезен. Я получил карт-бланш на обращение за помощью в случае необходимости и, окрыленный, покинул кабинет, двери которого для меня с тех пор и для монголистов ИВ АН СССР/РАН и других отечественных ученых всегда были открыты.

Буквально через неделю Ширендыб-гуай пригласил всю группу монголистов, находившихся в научной командировке в Улан-Баторе, — бурятских ученых Б. Д. Цыбикова, Г. Ванчикова, а также Г. И. Слесарчук и аз грешного — на воскресный пикник в чудесном месте, в лесу, примерно в 20–25 км от города. Хозяева, Ширендыб-гуай и его супруга Зинаида Алексеевна, позаботились обо всем, и пир горой шел весь день. Но у меня на 15 часов местного времени был заказан первый телефонный разговор с Москвой. Его, конечно, можно было перенести, но Ширендыб-гуай, понимая, что мои домашние его ждут и будут беспокоиться, если он не состоится, распорядился свозить меня на его «Волге» на Главпочтамт и обратно, с тем чтобы я мог продолжить участие во всеобщем веселье со спокойной душой. Таков он был всегда, чуткий и внимательный.

В одну из своих командировок, а после 1966 г. я часто приезжал в Монголию, причем иногда надолго, до 9 месяцев, я простудился и заболел, лежал с высокой температурой в однокомнатной квартире, где жил один. Так Ширендыб-гуай не только навещал меня, но и звонил каждый день и сам прислал знакомого врача...

Все это частные случаи, но они незабываемы и говорят о многом.

Мне посчастливилось много ездить по стране, побывать во всех 18 аймаках МНР. Но первым, кто по-настоящему открыл мне

Монголию, ее потрясающую природу, кто зародил неизбывное чувство любви к ней, к художнику, к арадам, был, конечно же, Ширендыб-гуай.

Он брал меня в свои поездки по средней полосе, по Баянхонгорскому, Убурхангайскому и Арахангайскому аймакам, по летнему Хангаю, куда ездил к своим избирателям, в Баянгол, где жили его родственники, в Дархан, Шамар, да и в Улан-Баторе при первой возможности старался вывезти за город, на природу, на прогулки по заснеженной долине Сельбы, не раз приглашал на свою дачу в Диваажин, где развел целый сад, которым очень гордился.

Благодаря ему я впервые увидел Эрдэни-Дзу, побывал на месте, где стояла столица Монгольской империи Каракорум, восхитился целой каменной галереей — наскальными рисунками на прибрежных скалах р. Чулуут, познакомился с жизнью и бытом арадов и т.д.

Вообще, все эти поездки были необычайно познавательными, насыщенными незабываемыми впечатлениями. И не только потому, что мы проезжали замечательные места, богатые памятниками старины и другими достопримечательностями. А главным образом потому, что влюбленный в свою страну Ширендыб-гуай прекрасно знал природные и исторические особенности каждой местности и умел интересно, захватываяще о них рассказывать.

Особенно запомнились ночевки в степи, на берегах Орхона и Толы: первозданная тишина, огромное звездное небо, чистейший воздух, отблеск костра у палатки и сваренные на нем свежайшая баранина и чай с дымком придавали рассказам Б. Ширендыба романтический колорит.

А рассказать ему было о чем: ученый мирового уровня он объехал почти весь мир, общался со многими главами государств, крупнейшими учеными, писателями, политиками. Да и его личная жизнь была насыщена массой интереснейших событий, о которых он частично поведал миру в своей автобиографической книге «По воле волн», переведенной и изданной также в США, а частично — рассказывал в своих беседах с друзьями.

Во время наших путешествий случались и неожиданные происшествия. Так, однажды наш «козлик», вездеход «Газ-69», застрял посредине достаточно бурной речки. И пока симпатичный, улыбчивый молодой парень Нямдаваа, постоянный шофер Ширендыба, к которому он — я свидетель — относился по-отечески, сидя на капоте, пытался завести заглохший мотор, вода все прибывала и стала заливать кабину, подымаясь выше и выше. Пришлось Ширендыб-гуаю, моей коллеге Г. И. Слесарчук и мне забраться на верх сидений и, поджав ноги, ждать, пока нас затопит. А дарга улыбался и шутил: «В такой позе, мол, и репутацию подмочить можно!» Все, конечно, обошлось, подмочили лишь обувь и одежду.

Ширендыб-гуай был многогранной личностью: ученый, поэт, прозаик, автор либретто балетов и опер, киносценариев. Его работоспособность и широта интересов были поразительны.

Мне довелось участвовать в редактировании русского текста сборника его избранных произведений, приезжать в этих целях к нему в подмосковный санаторий «Узкое», где он любил отдыхать и работать. И я воочию наблюдал, с какой тщательностью, как скрупулезно и ответственно он готовил к публикации произведения, выходившие из-под его пера.

Ибо главным делом жизни Б. Ширендыба, его страстью были творчество и наука о Монголии. Его труды — а их немало — 30 написанных и 12 опубликованных монографий, книг, брошюр, разделов в коллективных работах, свыше 200 статей — это золотой фонд мирового монголоведения.

Недаром подготовка всех научных кадров, в том числе монголоведов, была одной из приоритетных его забот за 20 лет всесторонней деятельности на посту президента АН МНР, деятельности, которая требует отдельного освещения.

Вот и в личных отношениях со мной и со всеми монголоведами — сотрудниками ИВ АН СССР/РАН — он прежде всего интересовался нашими научными успехами и задумками, консультировал нас, предлагал темы для разработки. И постоянно будировал вопрос о нашем научном росте. Защитой своих докторских диссертаций я и мой друг Сергей Константинович Рошчин целиком и

полностью обязаны инициативе и содействию нашего наставника и «бакши» Ширендыб-гуая. Уже будучи больным, он тем не менее выступил моим официальным научным консультантом, написал благожелательный отзыв, пришел, опираясь на трость, на защиту, участвовал в банкете. Я вечно буду признателен и благодарен ему за это. И конечно, за все его доброе отношение, за все, что мне дали годы нашего знакомства и общения.

Уход из жизни этого сына Хангайских гор — огромная потеря для Монголии, для мирового монголоведения, для всех нас, кто его знал, ценил и любил.

Б. Ширендыб-гуай был бесспорно выдающейся фигурой истории Монголии XX в. И думается, что лучшим памятником ему от нашего времени, которое он, врожденный демократ, принял всем сердцем, было бы открытие в Улан-Баторе или в Академии наук Монголии музея Б. Ширендыба и издание полного собрания его сочинений.

**ВОСПОМИНАНИЯ
О С. Д. ДЫЛЫКОВЕ**

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ОТЦЕ

Становление моего отца как востоковеда старой российской школы связано с именем выдающегося академика Бориса Яковлевича Владимирцова. Благодаря близкому родству с настоятелем буддийского храма Калачакры в Петербурге Агваном Доржиевым, еще подростком проживая в Бурятии, он был замечен и отмечен академиком за уникальные способности к языкам. Его отец, Данчик Дылыков, как и Агван Доржиев, обладал наследственной склонностью к самообразованию. Так, он в одиночку отправился прямо в Тибет через Монголию для учебы, а его племянник, мой дед, не покидая деревни, самостоятельно выучил старомонгольский язык и, став первым учителем монгольского языка, открыл школу для детей нескольких деревень.

Молодой республике в то время требовались новые кадры с высшим техническим образованием для обучения в Москве. Борис Яковлевич отговорил 17-летнего юношу от поступления в Горный институт и настоятельно рекомендовал поступать на китайское отделение Дальневосточного государственного университета во Владивостоке.

Отец последовал его совету и, успешно сдав все экзамены, углубился в изучение китайского языка и истории Китая. Он никогда не сожалел о сделанном выборе и через всю жизнь пронес глубокое, непреходящее уважение к прославленному востоковеду.

В 1932 г. с третьего курса ему пришлось уехать в Ленинград, учеба прервалась из-за ареста отца, обвиненного по 58-й статье, и ДВГУ он впоследствии окончил экстерном.

Отец женился рано, в 20 лет, в мае 1932 г., так как, потеряв близких, он остался совсем один. В молодой семье родилось четверо детей. Чтобы прокормить большую семью, он стал подрабатывать в качестве экскурсовода в Исаакиевском соборе.

Когда летом 1950 г. мы вернулись в Ленинград, отец сразу же повел нас на Невский проспект, Дворцовую площадь, показал Эрмитаж и Казанский собор. В Исаакиевском соборе он достал хра-

нящуюся в условном и известном одному ему месте указку и стал рассказывать об истории собора. Мгновенно собралась толпа желающих послушать столь опытного экскурсовода, и мы всей гурьбой следовали за отцом, который, закончив свой рассказ, положил указку в условное место и вывел нас на Дворцовую набережную.

Заработки в 1930-е гг. были маленькие, и дополнительный приработок помогал сводить концы с концами. Научные занятия отца продолжились в аспирантуре в Институте востоковедения в Монгольском кабинете под руководством члена-корреспондента АН СССР Н. Н. Поппе. Мама со смехом вспоминала, что когда она приходила в Монгольский кабинет, то, не застав на рабочем месте отца, спрашивала у профессора Николая Николаевича Поппе, где же ее муж, на что Поппе с улыбкой указывал на большой шкаф, за которым, сидя на стуле и свесив голову на грудь, крепко спал мой отец. Это была единственная возможность отоспаться после бессонных ночей из-за маленьких детей, которую предоставлял понимающий его руководитель.

Находясь в окружении блестящей когорты выдающихся востоковедов того времени, отец окончил аспирантуру, выполнив перевод с маньчжурского языка «Юань ши» («История династии Юань»). Защита диссертации не состоялась, поскольку академик В. М. Алексеев настаивал на выполнении этого перевода только с китайского языка.

Помимо подготовки диссертации, отец участвовал в составлении четырехтомного Большого монгольско-русского словаря общим объемом в 220 а.л., ответственным редактором и исполнителем которого являлся Н. Н. Поппе (50 а.л.), отцовская часть составляла 40 а.л.

В 1971 г. по просьбе тогдашнего президента Академии наук МНР академика Б. Ширендыба Институт востоковедения АН СССР передал рукопись словаря, составлявшую 5500 машинописных страниц, в Институт языка и литературы АН МНР для дополнения ее монгольскими учеными новой лексикой и издания этого словаря на основе кириллицы, как совместный труд советских и монгольских ученых.

Отец не дожил и не увидел четырехтомного издания этого словаря, законченного сотрудниками Института языкознания РАН совместно с монгольскими лингвистами Института языка и литературы АНМ и опубликованного в начале 2000-х гг.

На военные и послевоенные годы ушли десять лет, и еще будучи на военной службе, во время командировки в Москву, отец защитил кандидатскую диссертацию о демократическом движении в Автономном районе Внутренняя Монголия (Китай). Вернувшись в Читу после успешной защиты в приподнятом настроении, отец намеревался и дальше продолжить военную службу, но поступивший на него донос от сослуживца — бурята Бумбеева, сообщавшего о его родстве с «врагом народа» Агваном Доржиевым, нарушил все его планы. Он был уволен с военной службы и, взяв семью с тремя детьми, отправился на поезде в Москву, чтобы начать новую жизнь.

Свою научную деятельность он продолжил в Институте востоковедения АН СССР (с 1950 г. и до конца 1990 г.), связанную в основном с изданием памятников юридического и правового знания монголов. Так, он возвращается к начатой еще до войны рукописи проф. Ц. Жамцарано «Халха-джирум» — известному памятнику монгольского феодального права XVIII в., в котором сохранились сведения о древних традициях кочевого общества монголов, восходящих к не дошедшим до нас законам Ясы Чингис-хана. Публикация этого памятника относится к 1961 г.

Затем последовало издание в 1981 г. Монголо-ойратского уложения 1640 г. под названием «Их цааз», или «Великое уложение». Третий памятник, относящийся также к позднему средневековью (1696 г.), «Цааджин Бичиг» («Монгольское уложение»), представлял собой свод законодательных актов Цинской (Маньчжурской) империи, которые были приняты при маньчжурских императорах Абахее, Шуньчжи и Канси специально для монголов. Перевод этого свода законов с чахарского языка на русский вышел в свет в 1998 г. и стал для отца последним научным изданием.

Уже в Москве, проведая, что знаменитый монголовед, академик И. М. Майский проживает в самом центре, на ул. Горького, в доме, где находился магазин «Подарки», отец через своих знако-

мых коллег раздобыл его телефон, позвонил, представился и попросил о личной встрече, если это, конечно, возможно. Академик Майский ответил согласием, и знакомство состоялось. Отец пребывал на седьмом небе от счастья, когда познакомился с «самим Майским». Его великолепное знание монгольской цивилизации поражало всех окружающих, и отец на себе испытал глубину обаяния личности выдающегося академика.

К сожалению, эти встречи были прерваны безвременным уходом академика И. М. Майского, и отец проводил его в последний путь, сочтя за честь просьбу членов семьи нести гроб с телом покойного и сказать прощальное слово.

Как самую дорогую реликвию отец бережно хранил монографию Майского «Современная Монголия».

Начало 50-х гг. ознаменовалось большим наплывом в наш дом гостей из Бурятии и Монголии. Первых в основном представляли бурятские артисты — студенты, оперные певцы и учащиеся балетных училищ, которые приходили просто поесть и заночевать, поскольку стипендии для проживания в столице всегда не хватало. Ко второй группе относились молодые монголы, приехавшие в Советский Союз для поступления в аспирантуру и являвшие собой будущий костяк научных кадров монгольской Академии наук.

Мне было 15 лет, когда я познакомилась с одним из руководителей правительства Монголии, товарищем Б. Ширендыбом (так всегда с почтением обращался к нему мой отец, и вслед за ним я также называла высокого гостя «товарищ Ширендыб»).

Стояло очень теплое солнечное лето, и всем гостям, заполнившим наш дом, стало жарко. Они сняли свои нарядные светлые пиджаки, украшенные разными регалиями, и побросали их в большой платяной шкаф, заполнив его наполовину. Среди приглашенных был и молодой А. У. Модогоев, будущий несменяемый глава Республики Бурятия. Увидев меня, он дал передохнуть от танцев своей жене и, неожиданно возникнув передо мной, радостно пригласил: «Потанцуем?» «Потанцуем», — ответила я, и мы стали отплясывать быстрый фокстрот. «Ты совсем не похожа на бурятку, — заметил Модогоев. — Слушай, давай породнимся, у меня двое сыновей, выбирай любого!» Пока я раздумывала над

этим предложением, танец прервал подошедший к нам Б. Ширендыб, сказав мне, что уходит и просит найти его пиджак.

Из вороха брошенных в шкафу пиджаков я выбирала самые дорогие и нарядные, но высокий гость отверг всю предложенную мной одежду, и когда я с изумлением достала с самого дна гардероба дешевый холщевый летний пиджак без всяких регалий, Ширендыб рассмеялся и, радостно воскликнув: «Это мой пиджак!», быстро натянул его и, попрощавшись, первым из гостей покинул дом. На протяжении долгих лет нашего знакомства академик Б. Ширендыб оставался таким же скромным, улыбчивым, деликатным и простым в общении человеком. Часто бывая в Москве по делам, он всегда звонил и, услышав в трубке мой голос, говорил: «Здравствуй, Вилена, а папа дома?»

У Ширендыба была примечательная внешность, которая запоминалась сразу. В дальнейшем, занимаясь буддийской философией и религией, я узнала, что поразившие меня в нем длинные мочки ушей являются одним из 80 отличительных признаков Будд, Бодхисаттв и выдающихся личностей, свидетельствующих о достижении ими учености и святости.

За подготовку квалифицированных специалистов по истории Монголии (среди них был и ушедший от нас академик Ш. Нацагдорж, директор Института истории АН МНР) отцу присвоили почетное звание профессора Академии наук МНР.

С вернувшимся на родину Юрием Николаевичем Рерихом у папы завязались близкие и теплые отношения, так же как и с прибывшим в Москву новым послом Цейлона профессором Малала-секера. Представилась реальная возможность наконец-то решить проблему с ленинградским буддийским храмом, помещение которого занял Музей зоологии. Долго не раздумывая, Юрий Николаевич поехал в Ленинград с тем, чтобы ознакомиться со всем на месте и решить вопрос о передаче храма ленинградскому Отделению Института востоковедения АН СССР в качестве рабочего места для сотрудников Отделения и хранилища обширной коллекции тибетских ксилографов.

Рериху понравился храм как удивительно спокойное место для работы, где ему отводилась роль главного руководителя, да к тому же в Ленинграде у него были близкие родственники.

Позитивное решение Ю. Н. Рериха о судьбе буддийского храма не было реализовано из-за его безвременной и трагической во всех отношениях кончины.

Прошло несколько лет, отец поступил в докторантуру и закончил диссертацию, собрав и обобщив материалы по Автономному району Внутренняя Монголия. И снова начались неприятности. С его диссертацией ознакомился работавший в ЦК, бывший сослуживец отца по Дальнему Востоку, китаист В. Сидихменов, который, решив зарубить работу на корню, доложил главному идеологу страны М. А. Суслову, что сотрудник Института востоковедения АН СССР С. Д. Дылыков своей диссертацией нарушает дружбу между СССР и КНР и наносит непоправимый ущерб миролюбивой политике двух стран. Услышав это, Суслов вскипел и приказал немедленно уволить с работы моего отца.

В тот злополучный день мы с мамой в кинотеатре «Ленинград» смотрели очередную серию трилогии «Хождение по мукам», которая называлась «Хмурое утро». И утро, и день выдались действительно хмурыми, и от просмотра этой печальной картины у нас с мамой разыгралась сильная мигрень. У выхода из кинотеатра нас поджидал отец, сообщивший, что Суслов распорядился уволить его за очернительство курса партии, осуществляемого руководством КНР в отношении нацменьшинств.

В полном молчании мы пришли домой. Это известие сразило маму напоминанием голодной смерти в блокадном Ленинграде. Про себя я решила, что брошу учебу в Институте восточных языков и буду зарабатывать на хлеб маме.

Все последующие дни отец где-то пропадал, а потом сказал нам, что все-таки надежда есть, но все зависит от отзыва другого специалиста на его диссертацию. Им оказался блестящий синолог академик Сергей Леонидович Тихвинский. Он представил положительный отзыв на диссертацию, перечеркнув все злостные обвинения Сидихменова, и спас моего отца от неминуемого увольнения.

В памяти моих родителей Сергей Леонидович Тихвинский всегда представлял необычайно светлым, добрым и благородным человеком.

В конце 50-х — начале 60-х гг. советское правительство приступило к действительной реализации уже принятых решений о возрождении буддизма в России и изучении тибетской медицины на базе Института общественных наук в Бурятской Республике. На отбор и подготовку будущих специалистов выделялись большие суммы из госбюджета. В этой программе активное участие принимал и мой отец, который разыскивал членов буддийской общины и готовил соответствующие справки в ЦК партии. Его предложения и рекомендации были одобрены, и в Монголию для учебы в буддийский монастырь Гандан стали направлять юношей, окончивших среднюю школу в Бурятии. Затем молодые кадры буддистов должны были завершать свое образование в монастырях Непала и Индии (в Дхарамсале).

Мой отец же познакомился с двумя оставшимися в живых монахами, которые в молодости достигли высоких степеней духовного развития. Это были Еши-Доржи Шарапов (тиб. «Ваджра совершенной мудрости») из Читы и Жамбал-Доржи Гомбоев (тиб. «Ваджра Манджушри») из Агинского национального округа.

В мае 1955 г. в Москву прибыли принц Нородом Сианук, глава государства Камбоджа и его премьер-министр, господин Ким Тит. В небольшом зале гостиницы «Москва» состоялась встреча высоких гостей с ламами Шараповым и Гомбоевым, на которой присутствовал и мой отец.

В результате на Соборе буддистов России в Иволгинском дацане под Улан-Удэ, прошедшем в 1956 г., Еши-Доржи Шарапов был избран хамбо-ламой, а Жамбал-Доржи Гомбоев — дид хамбо-ламой, или его заместителем.

С ноября 1956 г. началось активное и деятельное знакомство представителей бурятского духовенства с зарубежным буддийским миром. По приглашению президента Индии Раджендры Прасада и премьер-министра Индии Джавахарлала Неру они приняли участие в праздновании 2500-летия Будды, проведенном в знаменитых святых местах Индии и Непала.

В Непале делегацию буддистов из России принял король Непала Махендра и премьер-министр Танка Прасад Ачарья. В Дели состоялась их первая встреча с XIV Далай-ламой Тибета и Панчен-эрдни.

Так началась успешная и плодотворная деятельность буддистов России, и я неожиданно для себя оказалась в водовороте этих событий в связи со срочной обработкой всех поступавших материалов и переводом с английского различной корреспонденции.

Однажды, просматривая журнал, специально изданный к очередной юбилейной буддийской дате, я обнаружила статью известного британского синолога и тибетолога профессора Джона Блофельда, озаглавленную «Молчащие фигуры». В своей статье профессор Блофельд подробно рассказал об имеющихся у многих представителей штаб-квартиры Всемирного Братства Буддистов в Бангкоке подозрениях и сомнениях, относящихся к главам буддийской церкви в России — Шарапову и Гомбоеву.

Вопросы были поставлены прямо в лоб: «Почему они всегда молчат, а говорит только Дылыков?!», «Они настоящие или подставные фигуры?» И решили проверить их знания тибетского языка и тибетского буддизма при очередной встрече буддистов с Далай-ламой Тибета и сопровождающей его свитой. Тибетцы забросали Шарапова и Гомбоева записками на тибетском языке, и к изумлению всех недоверчивых присутствующих Шарапов и Гомбоев стали писать записки по-тибетски, отвечая на содержащиеся в них каверзные вопросы. Они оба достойно выдержали экзамен, доказав свою подлинность как настоящих монахов.

Помимо переводов текстов законодательных актов Монголии отец уделял особое внимание истории бурятского народа. В 1964 г. выходит в свет его статья «Из истории селенгинских бурят» с приложением рукописного текста на старомонгольском языке, переписанном им собственноручно. У него были способности к рисованию, художественной резьбе по дереву и к каллиграфии, поэтому все опубликованные им памятники сопровождаются монгольским текстом, написанным его каллиграфическим почерком.

Из-за установления маньчжурского правления ухудшились условия жизни монгольских кочевников, и на рубеже XVII–

XVIII вв. они перекочевали из Северной Монголии (Халхи) на территорию России и смешались с населением Селенгинска. В результате возник крупный Тураев род, или Подгородный, получивший название «Селенгинские буряты».

Автором этой рукописной истории о селенгинских бурятах конца XVIII в. является Долсам Доржи Гинпилон — правнук основателя Подгородного рода ламы Андахая.

Сколько я себя помню, в доме всегда звучало имя Чингис-хана. Чингис-хан умер в конце августа 1227 г. по возвращении домой, завершив успешный поход на Тангутское царство. Его тело было возложено на колесницу и отправлено в Монголию в сопровождении почетного эскорта.

О последнем пути прославленного и грозного полководца, не знавшего поражений на протяжении 22 лет, сложено немало легенд и сказаний, повествующих о том, как стража Чингис-хана убивала на пути всех встречных, чтобы сохранить в тайне известие о кончине создателя Монгольской Империи. Согласно одной из легенд, прах полководца хранится в его гробнице в Эджэн-Хороо, на территории Внутренней Монголии, где стоят восемь белых просторных юрт.

Именно туда в 1956 г. отправился мой отец, чтобы воочию увидеть гробницу Чингис-хана и описать ее. Благодаря своим близким и дружеским контактам с руководителями Автономного района Внутренняя Монголия Уланьху и Хафунга, он получил разрешение спуститься в гробницу Чингис-хана и провести там целую ночь.

Купив свечи для освещения темного помещения и заготовив ручки и бумагу, отец спустился в гробницу и составил полное описание всего хранимого в ней, а также от руки переписал текст на монгольском языке.

Свою готовую статью он отправил с дарственной надписью монголам в Эджен-Хоро и выражением глубокой благодарности.

Во время «культурной революции» хунвэйбины-маоисты разгромили и уничтожили саму гробницу вместе с реликвиями, которыми дорожили монголы.

Когда ситуация в Китае изменилась, жители Эджэн-Хороо восстановили разрушенную гробницу Чингис-хана, следуя подробному и исчерпывающему описанию, выполненному моим отцом.

На протяжении многих лет моего отца и академика Б. Ширендыба связывала совместная работа над написанием истории Монголии. В результате творческого сотрудничества монгольских и российских историков в 1954 г. в Улан-Баторе и Москве был выпущен однотомник «История Монгольской Народной Республики» на монгольском и русском языках. Затем последовали два дополнительных переиздания. Этот первый совместный труд ученых МНР и СССР охватил всю многовековую историю монгольского народа и стал настоящим памятником для большей части ученых-монголоведов двух стран, покинувших этот мир. Среди них мой отец и академик Б. Ширендыб, которых связывала настоящая дружба и любовь к высокому голубому небу Монголии, ее горам, бескрайним степям и таинственной пустыне Гоби.

ВСПОМИНАЯ ОТЦА...

Родилась я в Ленинграде 14 марта 1934 года. Моему отцу, Дылыкову Сандже Данциковичу, было 22 года, а маме, Гашиновой Цырен-Бальжит Гашиновне — 21 год. На радостях папа поехал к Агвану Доржееву* сообщить, что родилась дочь. У него в то время был ганжирва Данзин Норбоев, который сказал, чтобы меня назвали тибетским именем Зима. Папа так и записал меня в метрике, но все вокруг звали меня Зиной, и я так и осталась Зинаидой. Жили мы в большой квартире Агвана Доржеева, в доме рядом с буддийским храмом, который он построил. Сам он жил в летней резиденции в Ольгино под Ленинградом. Отец приходился ему внучатым племянником, и дедушка его очень любил. К сожалению, 1937 год для многих оказался трагическим, и Агван Доржеев сделал все, чтобы спасти внука.

Отец был аспирантом Института востоковедения АН СССР, а затем — младшим научным сотрудником института.

В 1941 г. он был призван в ряды Красной Армии. В июле 1941 г., когда немцы уже бомбили Ленинград, мы с пятилетним братом Сережей и трехлетней сестрой Виленой были эвакуированы с детским интернатом АН СССР в г. Тетюши Татарской АССР. Мама осталась в Ленинграде со своей матерью и младшим сыном Гомбо (1940 года рождения). Бабушка, Сандыма Сапхаева 60 лет, во время блокады умерла, а Гомбоша умер в дороге, когда ехал с мамой к отцу в Читу после прорыва блокады. Отец встретил их в Иркутске, там и похоронили сына.

В 1942 г. мне исполнилось 8 лет, я пошла в 1-й класс и стала писать маме письма. Даже во время блокады в осажденный Ленинград доходили письма. Воспитатели писали маме, что я часто болею воспалением легких. Каждое лето мы работали в поле — со-

* Доржеев — распространено написание фамилии Доржиев, но, по словам самого Агвана Доржеева, правильнее — Доржеев (Прим. авт.).

бирали колоски, а осенью картошку. Младшие дети складывали картошку в небольшие мешки и ссыпали в большие, а дети постарше таскали эти мешки на подводы или к машине. Нам говорили, что так мы помогаем фронту.

В 1944 г. за нами приехал отец. Времени у него было мало, но я попросила папу сходить к любимой учительнице Ольге Ивановне. Она обрадовалась, увидев нас, а я сказала, что мы уезжаем и пришли попрощаться. Отец поблагодарил ее за внимательное отношение и любовь к детям. Ольга Ивановна проводила нас до калитки, и мы поспешили в интернат за братом и сестрой.

Мы должны были сесть на пароход и плыть по Волге до Казани. Когда мы пришли на пристань, там уже было много народу, а небольшой пароход швартовался к причалу. Толпа ринулась на судно, и нас оттеснили к самому краю. Отец с трудом сдерживал натиск толпы, а мы трое были уже у самой кромки моста. Я смотрела на темную воду и думала, что еще немного — и мы окажемся в реке. Вдруг я почувствовала, что меня подхватили чьи-то руки. Я увидела матросов, образовавших цепочку, по которой нас передавали на борт. Нас поставили где-то в уголке на палубе, а мы, испугавшись за отца, стали плакать, но матрос успокоил нас, сказав, что папа сейчас придет. Наконец появился отец, но попросил нас еще немного подождать, так как он должен сходить к капитану и поблагодарить его. Оказывается, когда началась посадка, капитан со своего мостика увидел офицера с тремя детьми, которые вот-вот могли упасть в воду, и приказал матросам поднять их на борт. Когда отец вернулся, мы прошли в каюту и через некоторое время прибыли в Казань. Там мы сели на поезд и поехали на Восток — в Забайкалье — в Читу к месту службы родителей. В Чите нас встречала мама. Мы с Сережей сразу узнали маму и кинулись к ней, а Вилена перед войной была совсем маленькая и за три с половиной года ее забыла. И немудрено, за послеблокадное время мама очень располнела. Потом отец рассказывал мне, что многие офицеры оставляли ей свои обеды в столовой и уходили, так как не могли смотреть, как жадно она ела.

Первое время мама водила нас в баню, но женщины, видя контраст между полной матерью и ее худыми детьми, осуждали ее, и мы стали мыться на кухне. Постепенно мама пришла в норму.

В 1945 г. родители уехали в Китай, где отец участвовал в войне с Японией, а мы втроем остались жить в колхозе «Улан-Эрхирик» в Бурятии у совершенно чужих людей, так как дальние родственники отказали нам в приюте. По возвращении родители благодарили всех, кто помогал нам выжить в это тяжелое для всех время. В деревне я болела воспалением легких, и меня лечили горячим молоком с жиром. Мы поехали в Улан-Удэ, где меня показали врачу-фтизиатру Вере Цыбиковой. Цыбиковы были друзьями родителей, а Бимба хотя и болел туберкулезом, но благодаря жене прожил долгую жизнь. Вера обнаружила у меня туберкулез и поместила в детский туберкулезный санаторий, где сама и работала. Помню, что кормили нас там очень хорошо, и я впервые попробовала красную икру, которую мы ели ложками.

В 1946 г. мы переехали в Хабаровск — к месту службы отца. Жили мы на улице Серышева, недалеко от штаба Забайкальского военного округа. Хабаровск — очень красивый город и стоит на сопках. Зимой Сережа любил кататься по городу на коньках. Я пошла в 5-й класс, но снова заболела, и по совету врача отец отвез меня в детский туберкулезный санаторий, который находился в Седанке под Владивостоком. Там я пробыла почти 5 месяцев, меня вылечили, и больше я туберкулезом не болела.

Летом 1947 г. мы уехали в Читу, и Сережа впервые поехал в пионерский лагерь. Но случилось наводнение, и река Ингода вышла из берегов. Младших детей срочно эвакуировали в город, а старшие, в том числе и брат, под проливным дождем, ночью шли пешком до города. После этого Сережа простудился и долго болел. Он ходил только в школу, стал домоседом, но никогда не жаловался. Единственным его увлечением были шахматы. Сергея научила играть Вилена, когда мы жили в деревне, а ей показал ходы старик, у которого мы в то время жили. Потом Вилена всю жизнь прекрасно играла в шахматы и выигрывала даже у перворазрядников. Я помню, что Сережа в 12 лет решил задачу «99 ходов ферзя».

В Чите маму часто просили выступить на соревнованиях Забайкальского военного округа по пулевой стрельбе среди женщин. Она отлично стреляла из винтовки и, видимо, любовь к этому виду спорта передала и мне. Во время учебы в институте я стала заниматься стрельбой, выступала на соревнованиях и получила 1-й разряд по пулевой стрельбе из винтовки и 2-й — по стрельбе из пистолета.

В 1950 г. в звании подполковника отец демобилизовался, и мы вернулись в Ленинград. После перенесенной блокады мама так и не смогла жить в этом городе, и мы переехали в Москву. Там Сережу показали врачам, и оказалось, что у него инфекционный полиартрит в острой форме. Когда отец был в Китае, он обратился к медикам с просьбой помочь сыну. Врачи сказали, что нужно делать массаж, и если он немного прибавит в весе, то они его примут на лечение. Сережа от массажа отказался, так как испытывал невыносимые боли. Эта страшная болезнь приковала его к постели на долгие годы, и в январе 1959 г. он умер.

Отец всегда был озабочен состоянием здоровья своих близких и однажды посоветовал мне обратиться к известному бурятскому врачу Дониру, который лечил тибетскими травами. Донир часто ездил с буддийской делегацией в восточные страны, чтобы приобрести там травы. Отец рассказывал, что на рынке за Дониром ходили толпы людей и смотрели, какие травы он покупает. Они удивлялись, как он мог знать их, если в России они не произрастают. Из этих трав он готовил порошки и лечил ими больных. И как-то после возвращения нашей делегации с международной религиозной конференции мы с отцом поехали в гостиницу «Россия», где остановились делегаты.

Мы вошли в лифт и увидели священнослужителя. Он очень обрадовался, встретив отца, и они трогательно приветствовали друг друга. Отец представил меня, а он, хитро улыбаясь, сказал мне: «Вы знаете, почему-то вашего папу любят за границей». На меня он произвел неизгладимое впечатление, так как показался мне шумным и высоким, в черном облачении, и на клобуке у него сверкал крест. Это был митрополит Никодим Ротов.

Доехав до своего этажа, мы распрощались с ним и пошли к Дониру. Я заодно проконсультировалась о болезни мужа, и Донир сказал, что мужу он, к сожалению, помочь не сможет, так как надо было обращаться к нему раньше, а мне он пришлет лекарство, когда вернется из Бурятии. После курса лечения я не болела воспалением легких несколько лет.

С 1950 г. и до конца жизни отец работал в Институте востоковедения АН СССР. Он хорошо владел китайским языком и говорил как китаец. На китайском отделении Дальневосточного университета во Владивостоке, где он учился, была своя методика обучения, и все студенты выходили оттуда с прекрасным знанием языка. Любовь к китайскому языку отец привил и нам. В 1952 г., окончив школу, я поступила в Институт востоковедения, который находился в Ростокинском проезде в Сокольниках, на китайское отделение, но в 1954 г. институт ликвидировали. Нам дали возможность поступать в любой вуз без экзаменов, и по совету отца я выбрала Институт иностранных языков (английский факультет), так как вторым языком после китайского у меня был английский. По окончании института я стала работать в словарной редакции Военного издательства МО СССР, где и проработала редактором-лексикографом 30 лет. Мне приходилось работать и с японским языком, поэтому в 1976 г. я поступила на курсы японского языка и, к радости родителей, закончила их на отлично. Правда, мне было легче заниматься японским, чем другим, так как раньше я изучала китайскую иероглифику.

Зато моя сестра Вилена закончила китайское отделение Института восточных языков при МГУ, осуществила мечту отца, стала китаисткой и тибетологом. Она кандидат филологических наук, у нее опубликовано много работ, и она, так же как и отец, всю жизнь работала в Институте востоковедения.

Там же, в библиотеке института, вот уже тридцать лет работает и моя дочь Александра Шабалина. По совету моей сестры она пришла сразу же после школы (окончила испанскую школу им. Виктории Кодовилья) и поступила на вечернее отделение факультета информатики Историко-архивного института. Дедушка всегда был рад видеть внучку в институте.

Когда отец заболел, я оставила работу, и мы с сестрой ухаживали за родителями до последних дней их жизни. Несмотря на болезнь, отец не прекращал работать и написал воспоминания о своей жизни.

Как-то я спросила отца, не передались ли ему какие-то отличительные качества от Агвана Доржиева. И он сказал: «Да, я замечал, что когда я выступал перед многочисленной толпой на митингах за границей, то устанавливалась какая-то особенная тишина, а когда выступали другие, этого не наблюдалось». И однажды мне представился случай убедиться в этом лично. Я сейчас не помню точно, когда это было, может быть в конце 70-х гг. Одному товарищу из Бурятии по фамилии Очиров (имени его тоже не помню) надо было защищаться, и позарез нужен был оппонент — доктор наук. Он обратился к отцу, но у того на тот момент не было времени читать его диссертацию. Тогда Очиров попросил меня, чтобы я повлияла на отца. В конце концов отец согласился быть оппонентом, и я впервые поехала с ним на защиту. Институт общественных наук, где состоялась защита, находился на Садовом кольце, и окна выходили на улицу. Сначала выступили другие оппоненты. Обстановка была обычная — кто-то переговаривался, кто-то шуршал бумажками. Потом вышел отец. Когда он подошел к кафедре, вдруг установилась гробовая тишина, как говорят, было слышно, как муха пролетела. После отца выступили другие товарищи, и снова начался тихий говор и какое-то шевеление. Это был единственный раз, когда я слышала выступление отца. Я жалею, что не успела при жизни записать разные интересные истории, ведь отец был хорошим рассказчиком. И только в последний год я записала его родословную и удивилась, как он всех помнил. Еще я записала на диктофон воспоминание из его детства о потерянной монетке, так сохранился и его голос.

Вот уже много лет как нет с нами родителей. Мама умерла 19 августа 1998 г., а папа — 5 июня 1999 г. Они прожили в браке 66 лет, воспитали двух дочерей, потеряли двух сыновей... но несмотря на все испытания, выпавшие на их долю, они сохранили любовь и благодарность к людям, остались великодушными людьми с оптимистичным жизненным настроем. Эти качества они передали и нам в наследство.

ПАТРИАРХ СОВЕТСКОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ САНЖИ ДЫЛЫКОВ (1912–1999)

Я земляк Санжи Данциковича, мы оба родом из Хоринского ведомства Бурят-Монголии. Родился он в 1912 г. в улусе Хара-Шибирь в семье скотовода Данцика Дылыкова, родственника цанит-хамбо Агвана Доржиева, учителя Далай-ламы XIII.

Остановлюсь на основных вехах жизни С. Д. Дылыкова. Благодаря своей одаренности и трудолюбию он добился больших успехов в области образования и науки.

В 1932 г. он окончил китайское отделение Дальневосточного университета, получив специальность «историк-востоковед» (китаевед и монголовед). В 1932–1934 гг. работал преподавателем этого университета, а в 1934–1937 гг. являлся аспирантом Монгольского кабинета Института востоковедения АН СССР. С 1937 по 1941 г. С. Дылыков — сотрудник Монгольского кабинета ИВ АН СССР. Ему довелось работать ассистентом выдающегося бурят-монгольского ученого, общественного деятеля Цыбена Жамцарано. Его труд «Халха Джирум» был подготовлен и опубликован С. Дылыковым с развернутыми комментариями в 1965 г.

В годы учебы в аспирантуре Санжи Дылыков поддерживал тесные связи с Агваном Доржиевым, настоятелем Ленинградского буддийского дацана.

Сохранилось письмо-завещание цанит-хамбы Агвана Доржиева (от 1 сентября 1936 г.), адресованное внучатому племяннику Санжи Дылыкову, аспиранту ИВ АН СССР. В нем говорилось: «Забывая о будущей судьбе Буддийского храма в Ленинграде со всеми постройками при нем, а также имуществ и средств, предназначенных к отправке в Тибет, и своего личного имущества... считаю своим долгом перед смертью назначить Вас, Дылыкова Санжа Данциковича, как близкого родственника, пользующегося полным доверием, своим преемником по делам тибето-монгольской миссии и единственным наследником моим всего личного имущества как движимого, так и недвижимого». Известно, что С. Д. Дылыков

— как наследник А. Доржиева — успешно справился с возложенными на него обязанностями. Огромное количество рукописей и ксилографов на монгольском и тибетском языках — в основном буддийские сочинения, доставшиеся по завещанию от выдающегося религиозного и общественного деятеля Агвана Доржиева ему, как близкому родственнику, С. Дылыков в свое время подарил Институту востоковедения АН СССР. Эти бесценные документы ныне хранятся в фондах Санкт-Петербургского филиала ИВ РАН (фонд С. Д. Дылыкова)*.

Великая Отечественная война прервала научную карьеру молодого ученого. Его знания в области письменных и живых восточных языков (монгольского и китайского) были востребованы в штабе Забайкальского фронта, а затем в Маньчжурии и Внутренней Монголии (Китай). Более 10 лет он находился в рядах армейских политработников, участвовал в войне против Японии. Войну завершил в чине подполковника. За заслуги на фронте он был награжден боевыми наградами — орденами и медалями СССР и МНР. Находясь на военной службе, С. Д. Дылыков продолжал свои научные исследования по истории Монголии и в 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Демократическое движение монголов в Китае после Второй мировой войны».

В августе 1950 г. он вернулся в Институт востоковедения АН СССР в Москве, где начал работать ученым секретарем института. В 1971 г. защитил докторскую диссертацию по теме «История образования Автономного района Внутренняя Монголия в Китае (1947–1957 гг.)». С 1955 по 1961 г. С. Д. Дылыков возглавлял сначала Сектор Монголии ИВ АН СССР, а затем — в течение 20 лет — группу по изучению Монголии. Как руководитель и наставник он подготовил многих советских и монгольских ученых, которые в дальнейшем стали известными специалистами в области монголоведения и китаеведения.

Список трудов С. Д. Дылыкова свидетельствует о том, что круг его научных интересов был весьма широк и разнообразен:

* Ныне — Институт восточных рукописей РАН.

средневековая, новая и новейшая история Монголии, история монголо-китайских отношений, история демократического движения монгольского народа и образование Автономного района Внутренняя Монголия в Китае, перевод, комментарии и издание текстов письменных памятников монголов XVII–XVIII вв., история отечественного монголоведения, история и современное состояние буддизма в странах Азии.

С. Д. Дылыков являлся автором более ста научных работ, в том числе ряда крупных монографий по проблемам монголоведения и китаеведения. Среди них: «Демократическое движение монгольского народа в Китае», «История образования Автономного района Внутренняя Монголия в Китае», «Эджэн-хоро», публикация серии памятников феодального права — «Халха Джирум», «Их цааз», «Цаажин бичиг». Им подготовлен ряд материалов по монголоведению и китаеведению для Большой Советской Энциклопедии. С. Дылыков являлся одним из ведущих авторов совместных советско-монгольских трудов «История советско-монгольских отношений», «История Монгольской Народной Республики», вышедшей тремя изданиями.

Много лет посвятил Санжи Данцикович международной деятельности как представитель буддистов СССР и как активист обществ дружбы со странами Востока. Являлся вице-президентом Всемирного братства буддистов, одним из руководителей другой международной организации «Азиатская буддийская конференция за мир». С самого основания Общества советско-монгольской дружбы в 1958 г. С. Д. Дылыков неизменно избирался членом Центрального правления ОСМД. Кроме того, он был членом правлений обществ «СССР — Цейлон», «СССР — Камбоджа», «СССР — Малайзия». Его плодотворная международная деятельность была отмечена наградами международных организаций и зарубежных государств.

Доктор исторических наук, профессор, почетный доктор Монгольской Академии наук С. Д. Дылыков пользовался огромным авторитетом среди ученых-востоковедов. В 1982 г. за многолетнюю научную деятельность ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Бурятской АССР». Санжи Данцико-

вич участвовал в выполнении ряда крупных научных программ по истории Монголии и Бурятии совместно с бурятскими исследователями, являлся их постоянным консультантом и руководителем аспирантов из Бурятии. В качестве официального оппонента выступал при защите бурятскими и монгольскими исследователями кандидатских и докторских диссертаций.

Санжи Данцикович регулярно приезжал на родину, в Бурятию. Гостил у родных и земляков из Хара-Шибири, отдыхал на Ацагатском Аршане, целебные свойства которого высоко оценивал Агван Доржиев.

САНЖИ ДЫЛЫКОВ — КРУПНЫЙ УЧЕНЫЙ- МОНГОЛОВЕД И БУДДИЙСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ

В мою задачу не входит анализ научной деятельности Санжи Данциковича Дылыкова — крупного ученого-монголоведа. Хотя об этом несколько слов скажу ниже. В свое время (1964–1968 гг.) я работал научным сотрудником в Институте востоковедения АН СССР в Отделе Кореи, Монголии и Вьетнама в Секторе Монголии, которым руководил С. Д. Дылыков. Как ученый и администратор он пользовался большим уважением в коллективе. Санжи Данцикович был человеком интеллигентным, доброго нрава, порядочным, с миролюбивым и отзывчивым характером, совсем не харизматичный, в меру общительный, чрезмерно мягкий и доброжелательный. Очень осторожный в суждениях, дипломатично выходил из любой ситуации. Авторитетные органы к его мнению обязательно прислушивались.

С. Д. Дылыков был в высшей степени компетентным исследователем, специалистом высокой квалификации, отлично разбирался в геополитических и научных вопросах. Прекрасно владел старомонгольской письменностью, знал тибетский, китайский и английский языки. С. Д. Дылыков подготовил к изданию ценнейший памятник монгольского феодального права XVIII века «Халхаджирум», содержащий богатый материал по социально-экономическому строю, правовым отношениям и этнографии монголов. Этот сборник законов трех Халхаских хошунов, изданный в 1709 г., является наиболее важным для маньчжурского периода. Из других правовых документов, изданных С. Д. Дылыковым, следует упомянуть «Их цааз» и «Цааджин бичиг» — сборники законодательных актов. Надо подчеркнуть, что круг научных интересов С. Д. Дылыкова был широк и многогранен. Его перу принадлежит монография «Демократическое движение монгольского народа в Китае». Докторская диссертация была посвящена истории образования Автономного района Внутренняя Монголия в Китае (1947–1957). Чаяния и интересы монголов были понятны ему. С. Д. Ды-

лыков воспринял идеи национального возрождения монголов во Внутренней Монголии, поддерживал борьбу за самоопределение и территориальное объединение с монголами МНР. С. Д. Дылыков являлся ответственным редактором и членом редколлегии многих монголоведческих публикаций.

Санжи Данцикович Дылыков родился в год Водяной Мыши (усан хулгана жэл) — 15 мая 1912 г. в селе Хара-Шибирь (ныне село Ацагат) Заиграевского аймака Бурят-Монгольской АССР в семье коренных скотоводов. «Я — хоринских корней, — говорил Санжи Данцикович, — отец Дэлэг из рода Галзууд — хори бурят. Деда звали Данциком. Моя бабушка — Бутид — была родной сестрой Агвана Доржиева». Со слов С. Д. Дылыкова видим, что он — внучатый племянник Агвана Доржиева, выдающегося буддийского деятеля. Сама логика вещей заставляет нас подробно рассказать о жизни и деятельности цанит-хамбо Доржиева, о его роли в судьбе Санжи Данциковича. Об этом ниже.

Буряты говорят: дерево крепко своими корнями, а человек — происхождением (модон ундэ/ᠮᠣᠳᠣᠨ ᠤᠨᠳᠡ/ᠷᠣᠨ, хун гарбалаараа). Первым учителем одной из первых улусных бурятских школ-семилеток, которая открылась в Хара-Шибире в 1921 г. по инициативе Агвана Доржиева, был его родственник, дед Дылыкова — Данцик. В стенах этой школы постигали азбуку известные впоследствии деятели науки, культуры и просвещения: профессор Санжи Дылыков, актер, режиссер и драматург Цырен Шагжин, поэт Дамба Жалсараев и другие.

Кто такой Агван Лобсан Доржиев? Этот незаурядный человек своими деяниями при жизни завоевал любовь, уважение, преклонение верующих и мирян. В автобиографии, написанной по-старомонгольски в стихотворной форме «Дэлхэе эрьежэ бутээсэн домог, сонирхолтой бэшэг хэмээгшэ оршобо» («Заметки о странствиях вокруг света, интересное жизнеописание»), Агван Доржиев пишет, что он родился в модон барас жэл — в год Деревянного Тигра по восточному летоисчислению 1853–1854 гг. в местности Хара-Шибирь. Отца звали Доржо, а мать — Дулгар. Отец из рода галзут. Следует отметить, что прародиной Доржиева был район

реки Лена (Зүлжэ мүнэн). Прадед Ужин в 1780 г. перекочевал в Забайкалье.

Можно сказать, что мальчик родился с божьим даром. Будучи наделенным живым умом, Агван, легко освоив монгольскую грамоту под руководством отца, впервые познакомился с «Ульгэруун далай» («Океаном щедрости») и другими произведениями старобурятской литературы.

В 19 лет Агван принимает решение всецело посвятить себя духовной деятельности и отправляется в Тибет (Барун Джу) — в «восточную Мекку». Известно, что с давних времен русскоподданные буряты и калмыки, исповедующие буддизм, посещали святыни «страны Джу» и иногда проживали там подолгу, получая в больших монастырях духовное образование.

В 1888 г. Агван Доржиев успешно закончил элитную Брайбунскую богословскую академию с высшей ученой степенью лхарамба. Этому способствовал солидный багаж образованности, полученный им еще в бурятских дацанах, а также в тибетском монастыре Гоман дацан и в буддийском центре Утайшань. Благодаря прекрасной памяти он проштудировал не только все тома «Ганджура» и «Данджура», но и другие богословские трактаты, овладел санскритом, тибетским и китайским языками. Кроме этого, он знал еще бурятский, монгольский, калмыцкий, русский и маньчжурский языки. Доржиев блестяще сдал экзамены и стал известным в Тибете как цанит-хамбо, что соответствует титулу профессора буддийской философии.

Затем в числе семи самых лучших лам он зачисляется в штат учителей юного Далай-ламы XIII Тубдэн Джамцо. На протяжении десяти лет Агван Доржиев безвыездно служит при его Святейшестве и выдвигается в ряды виднейших религиозных и политических деятелей Тибета. Укажем, что ни один из двенадцати предшественников тибетского владыки не доживал до совершеннолетия: они погибали при загадочных обстоятельствах. Опекаемый Агваном Доржиевым, его воспитанник пережил трагический возраст. Далай-лама был спасен, заговор, угрожавший его жизни, не удался. Между духовным наставником и его подопечным установились самые дружеские, доверительные отношения. В лице Дор-

жиева Далай-лама обрел самого надежного и мудрого советника по вопросам внешней политики. При этом Агван Доржиев оставался российским подданным. В этом качестве он внес огромный вклад в сближении народов Тибета и России.

Таким образом, можно сказать, что из среды бурят на авансцену истории вышел выдающийся религиозный и политический деятель, признанный не только в самом Тибете, но и на родине — в России.

Агван Доржиев, может быть, остался бы только набожным монахом, отрешенным от мира сего и погруженным в схоластические чтения мантр, если бы не стал учителем юного Далай-ламы XIII. Судьбе было угодно, чтобы российский подданный Агван Доржиев стал важной фигурой центральноазиатской политики великих держав. Его святейшество Далай-лама XIV во время своего пребывания в Бурятии по случаю 250-летия официального признания буддизма в России отметил, что Агван Доржиев хорошо известен в Тибете, был наставником его предшественника, он — часть истории Тибета. Эти слова Далай-ламы XIV зафиксированы на магнитной ленте, когда я лично имел возможность сопровождать Его Святейшество. Когда мы приехали в Хара-Шибирь (Ацагат), где родился Агван Доржиев, шел сильный дождь. Несмотря на это, сотни людей ждали лидера буддистов. Тронутый теплым приемом, Далай-лама XIV сказал собравшимся, что Агван Доржиев был великим учителем, и он построит здесь — на его родине — ступу в его честь. Его Святейшество подчеркнул, что ученый-богослов, просветитель, дипломат, цанит-хамбо Доржиев внес огромный вклад в укрепление дружбы народов Тибета и России.

В конце XIX в. обстановка вокруг Тибета была сложной. Страна в Гималаях стала центром столкновений и притязаний многих государств. Старый сюзерен — Китай — боялся потерять свою монополию в Тибете. Опасную политику проводила Великобритания, намеревавшаяся вторгнуться в Тибет. Над Тибетом нависла угроза потери независимости. И тут неоценимую услугу Далай-ламе XIII оказал именно Агван Доржиев. Идея установления дипломатических отношений с Российской империей, проводимая Агваном Доржиевым, нашла поддержку у Далай-ламы XIII и его

ближайшего окружения. Это было в интересах национальной независимости Тибета. Обращение Далай-ламы XIII об установлении дипломатических отношений с Россией, об оказании и содействии его борьбе против агрессивных притязаний Великобритании и Китая было написано по совету Агвана Доржиева. Судьбе было угодно, что Доржиев стал одним из главных действующих лиц центральноазиатской политики Российской империи. Доржиев блестяще справился с дипломатической миссией посредника между Тибетом и Россией. Активная деятельность Агвана Доржиева по обеспечению независимости Тибета стала «костью в горле» у англичан. Они объявили об огромном — 10 тысяч рупий — «вознаграждении тем, кому удастся доставить им живого или мертвого Доржиева».

Доржиев надеялся, что тесные контакты Тибета с Россией, несомненно, будут способствовать развитию буддизма среди монголоязычных народов. Императрица Елизавета, дочь Петра I, еще в 1741 г. официально признала буддийскую религию в России. На одной из встреч в Царском Селе обаяние и сила убеждения Агван-ламы позволили получить от Николая II высочайшее соизволение разрешить строительство самого крупного в Европе буддийского храма в столице империи, к счастью действующего до сих пор. Строительство дацана было завершено в 1915 г. Он был воздвигнут на средства и волеизъявления буддистов Бурят-Монголии, Калмыкии, Халха-Монголии, равно как и поднебесного Тибета / Аригуун цасата оронаа. От Агвана Доржиева требовалось, кроме громадных средств, немало упорства, выдержки и личного мужества, чтобы довести постройку до конца.

Осенью 1936 г. тяжелобольной, престарелый цанит-хамбо завершил свой жизненный путь в возрасте 85 лет в родной Бурят-Монголии. В предчувствии скорой развязки Агван Доржиев составил духовное завещание на имя своего внучатого племянника Санжи Данциковича Дылыкова, в то время 24-летнего аспиранта Института востоковедения АН СССР, которого цанит-хамбо назначил своим преемником по делам Тибето-Монгольской миссии до прибытия официального представителя Тибета в СССР.

Привожу содержание письма полностью.

Письмо-завещание А. Доржиева

Многоуважаемый Дылыков Санже Данцыкович!*

Тибетским правительством и Верховным Правителем Тибета Далай-ламой я, Хамбо Агван Доржиев, был официально назначен в 1901 г. полномочным представителем Тибета при правительстве Великой России, а после революции 1917 г. продолжал свою деятельность как дипломатический представитель при правительстве Союза Советских Республик.

Моя сорокалетняя государственная деятельность была направлена к установлению наилучших отношений между Тибетом и Великой Россией — СССР, но благодаря создавшегося за последние годы исключительно напряженного политического положения на Дальнем Востоке и в Европе, а в связи с этим международного положения Тибета, мне не удалось претворить в жизнь многое для создания действительной национальной независимости Великого Тибетского Народа, воспользуясь содействием Великого Советского Союза.

В настоящее время мне, в столь преклонном возрасте, уже не приходится думать о какой-либо государственной, политической деятельности, а остается надеяться, что отечественная и благодарная работа по установлению действительно дружественных отношений между Тибетом и Великим Советским Союзом в целях обеспечения независимого процветания Тибетского народа будет возложена на будущего официального представителя Тибета в СССР.

Теперь, заботясь лишь о будущей судьбе буддийского храма в Ленинграде со всеми постройками при нем, а также имуществ и средств, предназначенных к отправке в Тибет, и своего личного имущества, находящегося на территории СССР — в поселке Ольгино, Лен. области, в Бурят-Монгольской республике, считаю своим долгом перед своей смертью назначить Вас, Дылыкова Санже Данцыковича, как близкого родственника, пользующегося полным моим доверием, своим преемником по делам Тибето-Монгольской миссии и единственным наследником моим всего моего личного имущества, как движимого, так и недвижимого.

В отношении моей миссии и перспективы ее деятельности в дальнейшем Вы, Дылыков С. Д., уполномочены мною и обязаны

* Так в письме.

вступить в переговоры с Н.К.И.Д. СССР, прося содействия и покровительства до приезда официального представителя Тибета.

Будучи заранее уверен в том, что Наркоминдел СССР пойдет на встречу Вам, надеюсь, что Н.К.И.Д. СССР после моей кончины не допустит вмешательства с чьей бы то ни было стороны в дела Тибето-Монгольской миссии и распоряжения моим личным имуществом помимо Вас, являющегося моим доверенным лицом, и официального представителя Н.К.И.Д. СССР.

Наконец, надеюсь, что Н.К.И.Д. СССР создаст Вам все необходимые условия для исполнения Ваших обязанностей после моей смерти, как по владению, распоряжению и пользованию моим личным имуществом движимым и недвижимым по Вашему усмотрению, так и по управлению делами Тибето-Монгольской миссии, наблюдению за целостностью и сохранностью буддийского храма с прилегающими к нему постройками и по хранению средств, предназначенных к отправке в Тибет, впредь до приезда официального представителя Тибета или специального решения Советского Правительства о снаряжении экспедиции в Тибет, в состав которой должны быть включены и Вы, Дылыков Санже Данцыкович.

Настоящее письмо за моей подписью и печатью, жалованной мне Верховным Правителем Тибета Далай-ламой является официальным моим завещанием и вступает в силу с момента его подписания мною. Завещание составлено в двух экземплярах на русском языке, один для Дылыкова Санже Данцыковича, другой для Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР.

1 сентября 1936 г.

Город Ленинград, поселок Ольгино.

*[Печать 13-го Далай-ламы
(Хамбо Агван Доржиев)]*

Этим завещанием были поставлены все точки над «i». Думается, что у Агвана Доржиева были веские аргументы оставить напутственное письмо внучатому племяннику, зная, что тот обладает определенным даром и интуицией.

Какова была роль Санжи Данциковича Дылыкова после смерти Агвана Доржиева? Оправдал ли он доверие и надежды своего знаменитого родственника?

Скажем прямо, что на плечи С. Д. Дылыкова легла огромная ноша. Она заключалась в отстаивании интересов буддистов и сохранении ленинградского буддийского храма — центра индо-тибетской духовности и культуры в европейской России. Дело в том, что храм Будды здесь действовал недолго. Он разделит участь других святынь, оскверненных в годы лихолетий.

Исполняя завещание Агвана Доржиева — главного создателя буддийского храма в столице Российской империи, Санжи Дылыков — молодой человек с востоковедным образованием — с удвоенной энергией взялся за доброе дело. Зная, что в своем стремлении он не одинок, опирался на помощь и советы светил востоковедения и буддологической науки: Ф. И. Щербатского, Б. Я. Владимирцова, А. И. Вострикова, С. Ф. Ольденбурга, М. И. Тубянского, В. В. Радлова, художника Н. К. Рериха и др. Ведь участие в комитете по постройке буддийского дацана представителей Российской Академии наук свидетельствовало о поддержке инициативы Далай-ламы XIII и Агвана Доржиева научной общественностью России. Храм в Ленинграде давал ученым уникальную возможность изучать буддийскую традицию с помощью ее живых носителей — буддийских лам.

Надо особо подчеркнуть, что за спиной С. Д. Дылыкова была помощь и поддержка сородичей — бурятского и калмыцкого народов — носителей буддийской религии.

Выше мы указывали о том, в каких условиях писалось завещание Агвана Доржиева. Предчувствие цанит-хамбо его не обмануло.

Страшной свирепой бурей пронесся над Россией 1937 г. Степному буддизму был нанесен смертельный удар. Запылали монастыри с буддийскими атрибутами и священными книгами. Захрустели кости их обитателей, сотни невинных людей в желтых одеяниях были отправлены в тюремные казематы. К сожалению, инициатор строительства буддийского храма в Ленинграде Агван Доржиев в ноябре 1937 г., будучи в Улан-Удэ, был арестован и вскоре скончался в тюрьме. По официальной версии — от паралича сердца.

Безусловной заслугой С. Д. Дылыкова было то, что, выполняя наказ Агвана Доржиева, в условиях недоброжелательства со стороны партийной прессы, антибуддийской кампании со стороны определенной части православного духовенства, он проявил исключительное мужество и терпение. Для лам, обслуживающих ленинградский храм, и проживающих там ученых-востоковедов (Б. Барадин, Ц. Жамцарано, а также сочувствующих им российских ученых-буддологов) настали драматические времена. Многие были арестованы и репрессированы.

После Октябрьской революции судьба единственного в Европе буддийского храма была непростой. Его история похожа на лихо закрученный детектив — с обороной, захватами, судебными тяжбами и прочими составляющими этого жанра. Был момент, когда путем подлога храмом овладела некая секта. Первое время он еще сохранял свою значимость общепобуддийского центра для российских подданных — бурят и калмыков. В период сталинизма храм постигла та же участь, что и другие культовые сооружения. Ликвидация Тибето-монгольской миссии в 1937 г. сделала закрытие буддийского храма неизбежным.

21 марта 1938 г. С. Д. Дылыков, номинальный и единственный член уже не существующей миссии, обратился в Ленгорсовет с предложением о передаче в госфонд буддийского храма и жилых строений при нем. 27 марта президиум Приморского райсовета принял решение о муниципализации двух каменных домов при храме, а 22 апреля Ленсовет решил участь самого храма, изъяв из «частного владения». При закрытии храмовое имущество частично передали в Казанский собор, превращенный в Музей религии и атеизма. Многие реликвии были утрачены. При транспортировке была разбита статуя Большого Будды, осколки которой сбросили в один из прудов на Елагином острове. Дацан Гунзэчойнэй переходил из рук в руки — от представительства Далай-ламы в России, стены которого расписал художник Николай Рерих, до зоологической лаборатории и спортбазы. Нам рассказывали, что во время войны район, где находился храм, часто подвергался артобстрелам, но в здание храма не попал ни один снаряд. Здесь также раз-

мещалась радиостанция «Голос блокады», откуда звучал голос Ольги Берггольц.

После войны С. Д. Дылыков, будучи ученым секретарем Института востоковедения АН СССР, через академиков-востоковедов С. А. Козина, В. В. Струве, И. И. Мещанинова и вернувшегося на родину Ю. Н. Рериха вел большую работу по сохранению культового здания хотя бы не по прямому назначению, а в научных целях. Решением Ленсовета от 9 июня 1960 г. дацан Гунзэчойнэй передали Академии наук СССР на правах долгосрочной аренды. Таким образом, многолетние усилия Санжи Данциковича Дылыкова, честно и добросовестно выполнявшего заветы своего великого родственника Агвана Доржиева, увенчались успехом. 28 ноября 1968 г. уникальное здание было взято под охрану государства «как памятник архитектуры местного значения». Это обстоятельство, однако, никак не повлияло на его судьбу. С тех пор храм поменял много хозяев. Пришли новые времена. В сентябре 1987 г. храм Будды в Ленинграде посетил во время своего визита в СССР Его Святейшество Далай-лама XIV Тензин-Гьятцо. После этого визита активизировалась работа по возвращению ленинградского дацана тем, кому он принадлежит по праву. В свою очередь, С. Д. Дылыков через Совет по делам религий при Совмине СССР, с помощью бурятских хамбо-лам, а также буддийских организаций мира принял активное участие в этом благородном деле. А с 9 июля 1990 г. исполком Ленгорсовета своим решением передал здание буддийской общине.

Через 50 с лишним лет в стенах храма вновь зазвучали распевные буддийские молитвы. Бурятские ламы и хубараки (ученики) сегодня проводят богослужения. Хорошо, что духовная культура возвращается к тем, кто должен быть ее носителем. Началась реставрация здания. Идут поиски и возврат ценных буддийских реликвий, атрибутики. Люди должны творить добро. Ведь возвращение храма — святое дело.

С. Д. Дылыкову повезло больше по сравнению с Агваном Доржиевым. Ему удалось пройти через жестокое время 1930-х гг. без арестов и тюрем. Но жизнь преподнесла ему другие испытания. В период ленинградской блокады пострадала его семья. Жена

Цыремжит на всю жизнь стала инвалидом. Его сыновья умерли раньше времени: младший сын Гомбо — после блокады, а старший Сергей — в 1959 г. Слава богу, дочери росли в других условиях. Младшая дочь Вилена стала ученым-востоковедом, а старшая Зинаида после окончания Института иностранных языков работала редактором в Воениздате, внучка Александра работает в Институте востоковедения РАН.

Выше я упоминал, что С. Д. Дылыков пользовался большим уважением среди бурятских лам, находил общий язык с ними. Буддисты всего мира благодарны бурятским ламам старшего поколения за то, что им удалось сохранить и восстановить дацаны, буддийскую культуру. Ведь буддизм сыграл огромную роль в распространении среди бурят грамотности и письменности, научных знаний, литературы и искусства. Он стал важным фактором формирования у бурят нравственности, духовной культуры.

С. Д. Дылыков как внучатый племянник цанит-хамбо Агвана Доржиева поддерживал тесные связи с бурятскими хамбо-ламами, сопровождал их в поездках в Юго-Восточную Азию.

В этой связи хотелось сказать несколько слов об институте пандидо хамбо-лам, которому в 2014 г. исполняется 250 лет. В 1764 г. императрица Екатерина II официально утвердила институт пандидо хамбо-лам, главы ламаистской церкви Восточной Сибири и Забайкалья. Первый стационарный дацан в Бурят-Монголии был основан в 1741 г. в Хилгантуе (правый берег Селенги). Тогда же было создано Центральное духовное управление буддистов России. Указом Екатерины II Дамба-Даржа Заяев был утвержден первым пандидо хамбо-ламой (1764–1777). XXIV хамбо-ламой буддийской традиционной сангхи России с 1995 г. по настоящее время является Дамба Аюшеев. Из 24 пандидо хамбо-лам С. Д. Дылыков был хорошо знаком с XVIII пандидо хамбо-ламой (1956–1963) Еши-Доржо Шаратовым (Эгитуйский дацан), последующими ламами — XIX пандидо хамбо-ламой (1963–1982) Жамбал-Доржо Гомбоевым (Агинский дацан), XX пандидо хамбо-ламой (1982–1990) Жимба-Жамо Эрдынеевым (Агинский дацан), XXI пандидо хамбо-ламой (1990–1993) Мунко Цыбиковым (Эгитуйский дацан).

Пандидо хамбо-лама Жамбал-Доржо Гомбоев — председатель Центрального духовного управления буддистов (ЦДУБ) России выдвинул идею о создании международной организации «Азиатская Буддийская конференция за мир» (АБКМ) в целях укрепления союза буддистов планеты. Также Жамбал-Доржо Гомбоев вместе с хамбо-ламой Монголии «Мэргэн габжа» Гомбожавом организовали в Улан-Баторе буддийскую академию. Агинский дацан в 1998 г. на IX Генеральной конференции стал членом Комитета окружающей среды АБКМ.

С. Д. Дылыков как ученый, в высшей степени компетентный в вопросах буддийской религии и философии, прекрасно знавший несколько иностранных языков, оказался в нужное время в нужном месте. По настойчивой рекомендации пандидо хамбо-лама Жамбал-Доржо Гомбоева и по предложению Совета по делам религии при Совмине СССР Санжи Данцикович Дылыков принимал активное участие в деловых встречах и переговорах бурятских лам с их иностранными коллегами. За активное и плодотворное участие в буддийском движении за мир С. Д. Дылыков был избран вице-президентом Всемирного братства буддистов со штаб-квартирой в Бангкоке. За большой вклад в миротворческую деятельность он неоднократно отмечался наградами АБКМ.

С. Д. Дылыков пользовался большим уважением выдающихся представителей российского востоковедения и буддологии. Он поддерживал научные и дружеские связи с коллегами монгольской Академии наук, с такими, как академик Б. Ширендыб, академик Ш. Нацагдорж и другими видными учеными Монголии. Многие монгольские ученые проходили аспирантуру и докторантуру в стенах Института востоковедения АН СССР, где часто прислушивались к мнению С. Д. Дылыкова. Он находился в дружеских и научных контактах с известными бурятскими учеными — Г. Д. Санжеевым, К. М. Черемисовым, проф. Бертагаевым, тибетологом Бал-Доржо Бадараевым, китаеведом Н. Ц. Мункуевым, а также со многими калмыцкими учеными и исследователями. Санжи Данцикович был хорошо знаком с выдающимся ученым-востоковедом Юрием Николаевичем Рерихом. В Институте восто-

коведения АН СССР Ю. Н. Рерих преподавал тибетский язык, и мне посчастливилось посещать его занятия.

С. Д. Дылыков прожил долгую и яркую жизнь. Он оставил заметный след как ученый не только в российском монголоведении, но и в истории буддизма в России как буддолог, дипломат и как активный общественный деятель, выступавший за сохранение и восстановление ленинградского (санкт-петербургского) буддийского храма — центра индо-тибетской духовности и культуры. Он ратовал за сближение и взаимообогащение двух великих культур — тибето-буддийской и европейской.

В день столетия со дня рождения замечательного человека, ученого-монголоведа и буддийского деятеля Санжи Данциковича Дылыкова мы воздаем должное его светлой памяти. Ум мани падмай хум!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О С. Д. ДЫЛЫКОВЕ

Впервые я увидел Сандже Данциковича Дылыкова в начале 1950-х гг. в Московском институте востоковедения, будучи студентом монгольского отделения. Курс истории Монголии у нас вела П. П. Старицына, которая читала лекции по своим записям, ими мы в основном и руководствовались при подготовке к экзаменам. Павла Павловна иногда, вероятно, в целях закрепления наших знаний приглашала на лекции Сандже Данциковича. Ему тогда еще не было и 40 лет, но своей эрудицией, умением доходчиво изложить материал, да и всем своим обликом спокойного, выдержанного, доброжелательного человека, производил на нас самое благоприятное впечатление. Все же это было восприятие студентом преподавателя, а не знакомство.

А вот знакомство состоялось, когда в 1953 г. я поступал в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Поступал непросто, вакансий тогда было недостаточно, и институт хлопотал о дополнительных. Вступительные экзамены я сдал хорошо, и меня вызвал на беседу заместитель директора Е. Ф. Ковалев. Я приготовился отвечать на самые разные вопросы, но вскоре почувствовал, что он уже имеет обо мне необходимую информацию. Е. Ф. Ковалев был очень вежлив, внимателен, сказав, что я буду зачислен в аспирантуру, как только будет принято положительное решение о вакансиях в Президиуме АН СССР. И с 1 января 1954 г. я стал аспирантом. Но я уже тогда понял, что большую роль в моем поступлении сыграли Г. Д. Санжеев, преподававший нам в МИВ монгольский язык, П. П. Старицына и, конечно же, в первую очередь С. Д. Дылыков. Он ведь был ученым секретарем института, и его слово значило многое.

В годы учебы в аспирантуре меня постоянно вовлекали в работу Сектора Монголии, заведующим которым с 1955 г. являлся Сандже Данцикович. Я мог видеть, как умело он организовывал деятельность сектора, определял направления работы сотрудников, продуманно, без лишней траты времени вел заседания. И я

был рад в 1956 г., после окончания аспирантуры, влиться в ряды нашего сектора.

Сандже Данцикович был отличным организатором — авторитетным, уважаемым, благожелательным. Надо сказать, что в то время, с приходом Б. Г. Гафурова, в институте происходили большие перемены, значительно увеличился штат сотрудников, появились новые подразделения, была образована Главная редакция восточной литературы. Расширялись масштабы исследований, повышалась их актуальность. В полный голос заговорили молодые талантливые ученые (Г. Ф. Ким и другие. Вообще, с тех пор началось наше «родство» с Сектором Кореи, закрепившееся работой в одном отделе).

Изменения, разумеется, не прошли мимо нашего сектора. Прежде всего, значительно выросло число сотрудников. Прием их, понятно, шел по инициативе и с согласия Сандже Данциковича. Под его началом работали (в разное время) И. Я. Златкин, А. Т. Якимов, Н. П. Шастина, П. П. Старицына, П. В. Погорельский, Н. Т. Варгин, А. М. Печников, Ф. С. Цаплин, С. К. Роцин, Г. И. Слесарчук, Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. С. Яскина, В. В. Грайворонский, Е. В. Бойкова. Сандже Данцикович опирался на представителей старшего поколения, наиболее опытных специалистов, хорошо знавших историю и экономику Монголии, поработавших в стране, и в то же время всячески стремился пополнить их ряды молодыми кадрами. В этой связи особенно показательно появление в секторе в 1957 г. «архивной группы». Инициатором ее создания выступил И. Я. Златкин, постоянно призывавший историков эффективнее работать в архивах. Но, что особенно важно, эту инициативу активно поддержал С. Д. Дылыков. «Архивная группа» в составе только что принятых молодых сотрудников — Г. И. Слесарчук, М. И. Гольмана, Л. М. Гатауллиной — работала целеустремленно, объем работы по сбору документов расширялся (русско-монгольские отношения — XVII в., советско-монгольские отношения — 1921–1975 гг.; подготовка к изданию Собрания сочинений Б. Я. Владимирцова и др.). Правда, надо признать, что позже основная тяжесть этой важной работы легла на плечи Г. И. Слесарчук, и плоды ее усилий хорошо известны. И со-

всем не ошибся Сандже Данцикович с зачислением в штат Г. С. Яскиной (1957 г.), В. В. Грайворонского (1966 г.) и Е. В. Бойковой (1971 г.). Крупный вклад в монголоведение внесла Г. С. Яскина, безвременно ушедшая из жизни в 2010 г. В. В. Грайворонский, много лет возглавляющий сектор, Е. В. Бойкова вместе с М. И. Гольманом, Г. И. Слесарчук и С. К. Рощиным продолжают трудиться и поныне. Не будем забывать, что всех нас принимал и наставлял Сандже Данцикович Дылыков (разумеется, с согласия руководства отдела и института).

Вернемся, однако, в далекие 50–60–70-е гг. Успешно, деятельно работали ветераны сектора. Хочется вспомнить добрым словом прежде всего И. Я. Златкина. Среди его многочисленных трудов назовем монографии «История Джунгарского ханства» (1964; 2-е изд. — 1983), «Очерки новой и новейшей истории Монголии» (1957) и др. Но не только это. Илья Яковлевич был подлинным «генератором» новых идей и предложений, «закоперщиком» разного рода обсуждений и дискуссий. Его особенно интересовали актуальные теоретические проблемы, связанные с развитием Монголии и других стран Востока. Участвовать в их обсуждении было крайне полезно. Споры обычно были жаркими, согласие достигалось не всегда, но в этом и была прелесть таких встреч. Излишне говорить, что Сандже Данцикович неизменно поддерживал конструктивные предложения И. Я. Златкина и других сотрудников. При этом он стремился, чтобы Сектор Монголии не варился в собственном соку, чтобы было тесное общение с другими подразделениями внутри отдела (состав отдела менялся) и вне его. И надо вспомнить, насколько важным было наше общение с корееведами (Г. Ф. Ким, Ф. И. Куликова и др.), китаеведами (В. А. Масленников), японоведами (Х. Т. Эйдус).

Крупнейшим событием для монголоведов, и не только для них, стали подготовка и издание (совместно с монгольскими учеными) однотомной «Истории Монголии» (1954 г. — 1-е изд., 1967 г. — 2-е изд., 1983 г. — 3-е изд.). К работе были привлечены все сотрудники сектора. И неизменным организатором, членом главной редакции, одним из основных авторов всех трех изданий был С. Д. Дылыков.

Здесь надо сказать главное: Сандже Данцикович Дылыков — выдающийся ученый-монголовед широкого профиля, внесший неопределимый вклад в изучение средневековой, новой и новейшей истории Монголии, в исследование и публикацию важнейших исторических источников, в изучение истории и современного состояния буддизма. Это его заслуга — публикация письменных памятников XVII–XVIII веков: «Халха-Джирум» (1965), «Их цааз» (1981), «Цааджин бичиг» (1998). Он — виднейший специалист по истории Внутренней Монголии и современному развитию АРВМ КНР. Кандидатская диссертация, защищенная им в 1949 г., называлась «Демократическое движение монголов в Китае после Второй мировой войны», а докторская (1971) — «История образования Автономного района Внутренняя Монголия в Китае (1947–1957)». В целом его перу принадлежат свыше 100 научных работ.

Научная деятельность Сандже Данциковича была тесно связана с общественной. Долгие годы (с 1964 г. до конца жизни) он являлся вице-президентом Всемирного братства буддистов, был одним из руководителей Общества советско-монгольской дружбы, входил в правления ряда других обществ дружбы. Он побывал во многих странах мира, часто делился с нами своими впечатлениями. Его рассказы всегда были интересными и поучительными.

Но, конечно, приоритетное внимание Сандже Данцикович уделял сотрудничеству с монгольскими коллегами. Связи с ними всегда были многогранными: это и подготовка совместных работ, и обмен кадрами, делегациями, и учеба аспирантов, и совместные конференции и т.д. С. Д. Дылыков был одним из ведущих участников Международных конгрессов монголоведов в Улан-Баторе и неизменно входил в состав их руководящих органов. В 1967 г. он был избран иностранным профессором АН МНР.

Его научный авторитет в Монголии и за ее пределами был необычайно высок. С ним советовались, консультировались известные монгольские (и не только монгольские) историки, филологи, отдававшие дань уважения его энциклопедическим знаниям в области монголоведения. Я неоднократно убеждался в этом во время совместных зарубежных командировок. Упомяну только один эпизод, достаточно характерный. В 1987 г., после очередного конгрес-

са монголоведов в Улан-Баторе, наша делегация была приглашена на международный симпозиум по монголоведению в Хух-Хото (центр АРВМ КНР). И на этом симпозиуме (как и на конгрессе в Улан-Баторе) Сандже Данцикович был «своим», его хорошо знали местные ученые, его труды по Внутренней Монголии, по исследованию исторических источников были им хорошо известны. Руководители симпозиума организовали поездку в Эджэн Хороо, где находится мемориал Чингис-хана. Члены нашей делегации, и я в их числе, оказались там впервые (кроме Сандже Данциковича). Было крайне интересно слушать объяснения местных служителей. А вот Сандже Данцикович, тоже внимательно слушая их, стал вежливо, деликатно поправлять и дополнять их объяснения. Он ведь уже побывал там в 1956 г., когда мемориал только начал приобретать современный вид. Итоги его поездки в 1956 г. отражены в сборнике «Филология и история монгольских народов» (1958). И служители почтительно слушали его, благодарили за ценные дополнения.

И тут еще раз хочется сказать о Сандже Данциковиче как о человеке. Он был спокойным, сдержанным, терпимым. Я никогда не видел, чтобы он повысил голос на сотрудника за какую-нибудь провинность или резко отчитывал кого-то за допущенные промахи. Но если надо, в интересах дела, что-то поправить, кого-то разубедить, делал это не колеблясь. Но опять же как-то подыльковски мягко, незаметно.

В период его руководства сектором я дважды выезжал в длительные командировки в Монголию на работу в посольстве. Как к этому относились в секторе? Положительно, конечно, но с оговорками. Так, А. Т. Якимов, одобрив, тут же добавил: «Ну что же, Рощин теперь отрезанный ломоть...» А вот Сандже Данцикович поддержал полностью. Он сказал мне, что это будет хорошая школа, советовал побольше набираться практического опыта, собирать материалы для будущих исследований. И добавил — обязательно возвращаться в институт.

Так и получилось, в институт я оба раза возвращался в приподнятом настроении, с желанием работать и дальше в науке.

Важно подчеркнуть следующее. Сандже Данцикович был великим тружеником. Работал с полной отдачей — и в науке, и в общественной сфере. Продолжал трудиться, даже будучи уже тяжелобольным. Успел подготовить к изданию «Цааджин бичиг» («Монгольское уложение» — XVII в.). В последние годы его жизни общение было, к сожалению, в основном по телефону. Он живо интересовался всем происходящим в институте, расспрашивал о работе сотрудников. Вспоминал свою молодость, аспирантуру и работу в Ленинграде, рассказывал о своем знаменитом родственнике Агване Доржиеве, о Ц. Жамцарано, ассистентом которого был («энциклопедист, крупный ученый, трудно с кем-то сравнить»), о Э. Ринчино («активен, энергичен, образован»). Он ведь близко знал многих видных ученых и общественных деятелей.

И еще хочется сказать об одном. У Сандже Данциковича было много друзей — и в России, и за рубежом, но особенно, естественно, в Монголии. И наверное, не ошибусь, если скажу, что его самым близким монгольским другом был академик Б. Ширендыб. Это можно было видеть и когда Ширендыб-гуай приезжал в Москву, и когда Сандже Данцикович приезжал в Улан-Батор. Их дружба была искренней, по-человечески трогательной. Их сближало многое — и родились в один день, и прошли долгий жизненный путь, насыщенный яркими событиями и деяниями (нелегкий путь, временами тернистый, но это — особая тема). А главное — их роднили общие научные интересы, неизбывное стремление к глубокому изучению истории Монголии.

Мне, в числе других, довелось участвовать во многих общих встречах — вместе с Сандже Данциковичем и Ширендыб-гуаем. Никогда не забуду одну из последних — в московской квартире, когда после всяких деловых (и не деловых) бесед наши развеселившиеся аксакалы — Сандже Данцикович и Ширендыб-гуай — взяли откуда-то появившиеся музыкальные инструменты и с таким азартом, с таким воодушевлением исполнили ряд буддийских напевов. Это надо было видеть, слышать... По-настоящему талантливые люди незаурядны во всем.

Б. Ширендыб последний раз был в Москве весной 1999 г. При расставании я спросил, доволен ли он поездкой, всю ли программу

удалось выполнить. Он как-то грустно ответил: «Нет, не все сделал. Не смог встретиться с Сандже Данциковичем. Он очень болен...»

Сандже Данциковича Дылыкова не стало 5 июня 1999 г., Базарына Ширендыба — 9 марта 2001 г.

Светлая память о них не померкнет.

С. Д. ДЫЛЫКОВ, КОТОРОГО Я ЗНАЛ

В мае 1957 г. я пришел в Институт востоковедения РАН (тогда АН СССР) поступать на работу.

Поступал я непросто. Начальник Отдела кадров А. И. Кошкин, верный своей фамилии, так поиграл со мной в кошки-мышки: задавал провокационные вопросы, придирался к анкетным данным, все пытался выяснить, чем мои родители занимались до революции, почему мы с женой переехали из большой квартиры в одну комнату в коммуналке («видно спекульнули, денежки получили!») и т.д.

И все это для того, чтобы в конце беседы заявить, что никаких вакансий нет, и я могу спокойно забирать свои документы и сюда больше не приходить.

Ну что же, пришлось прибегнуть к помощи бывшего секретаря ЦК ВКП(б) в 1917–1918 гг., старейшей революционерки, члену партии с 1898 г. Елене Дмитриевне Стасовой, у которой я некоторое время работал секретарем. Она позвонила Б. Г. Гафурову — он только недавно стал директором института, и тот распорядился принять меня на работу в Сектор Монголии на должность младшего научного сотрудника без степени.

На этот раз Кошкин был сама любезность и даже препроводил меня к дверям Сектора Монголии на 3-м этаже старинного особняка в Армянском переулке, в котором когда-то находился Лазаревский институт.

Открыв дверь, я оказался в относительно небольшой комнате, за одним из столов которой сидел заведующий сектором Сандже Данцикович Дылыков. Я представился, он предложил мне пройти, сесть поближе к нему и рассказать о себе, что я и сделал. Сандже Данцикович слушал внимательно, а затем весьма подробно осветил основные направления работы сектора, ввел меня, так сказать, в курс дела.

Я знал, что передо мной сидит большой ученый, несколько лет тому назад — ученый секретарь института, автор уникальной мо-

нографии «Демократическое движение монгольского народа в Китае», которую я успел прочитать с большим интересом.

Забегая вперед, скажу, что впоследствии дополненная и обогащенная свежим материалом, она легла в основу докторской диссертации С. Д. Дылыкова, на блестящей защите которой я, как сотрудник сектора, естественно, присутствовал.

Так состоялось наше знакомство, причем Сандже Данцикович держался очень просто, приветливо, располагающе. Как я потом неоднократно убеждался, спокойствие, приветливость, умение расположить к себе, доброжелательность были неотъемлемыми чертами характера этого человека. Как и умение дипломатично сглаживать острые углы в отношениях между сотрудниками сектора, стараться поддерживать нормальную творческую обстановку в коллективе. А это было непросто. Работу сектора определяли прежде всего ученые старшего поколения монголоведов: Нина Павловна Шастина, Георгий Иванович Михайлов, Илья Яковлевич Златкин, Аристарх Тихонович Якимов, Павла Павловна Старицына, Николай Трофимович Варгин, Александр Михайлович Печников. Каждый из них представлял собой незаурядную личность со своими интересами и амбициями, со своими симпатиями и антипатиями, которые зачастую прорывались наружу на заседаниях сектора.

Отношения между ними были запутанными: И. Я. Златкин и П. П. Старицына держались сплоченно и были настроены против Н. П. Шастиной. А. Т. Якимов считал, что кто-то в секторе против него интригует, Н. Т. Варгин и А. М. Печников почти не общались друг с другом, Н. П. Шастина вела себя совершенно обособленно, почти ни с кем не контактировала. Возможно, все это объяснялось тем, что каждый из них занимал исключительно свою научную нишу, и лишь Сандже Данцикович думал и заботился о работе всего сектора.

Меня поражало его умение гасить страсти, занимать объективную, но примиренческую позицию, стараться поддерживать равновесие и баланс сил. Но иногда даже ему это не удавалось. Помню бурное обсуждение рукописи монографии Н. П. Шастиной «Российско-монгольские посольские отношения в XVII в.», осно-

ванную в основном на документах Центрального архива древних актов, где автор пересекалась с И. Я. Златкиным, собиравшим материал по истории Джунгарского ханства.

Она была подвергнута такой жесткой и, на мой взгляд, необоснованной критике, что Нина Павловна не выдержала и, хлопнув дверью, выбежала из сектора. Вскоре она перешла на работу в Отдел памятников.

Несмотря на критику, монография, по настоянию С. Д. Дылыкова, была все-таки рекомендована к печати и опубликована.

С особым тактом и заботой Сандже Данцикович относился к «молодежи»: к двум Галинам — Слесарчук и Матвеевой, к Лидии Максимовне Гатауллиной, к Сергею Рощину, ну и ко мне грешному. Он был настоящим «бакши» — учителем, щедро делился с нами своими знаниями и богатым жизненным опытом. Помню, как он утешал Галю Матвееву — впоследствии доктора политических наук, автора многочисленных монографий — с первой неудачной попыткой защитить кандидатскую диссертацию, которую она блестяще защитила на следующий год.

Я лично обязан С. Д. Дылыкову публикацией своей первой статьи «Русские списки и переводы монголо-ойратских законов 1640 г.», над которой я трудился почти целый год. Эту тему мне порекомендовал И. Я. Златкин, но когда я ему показал свою рукопись и спросил, годится ли она для сборника статей, который готовил сектор, он резко ответил «нет» без всяких объяснений. А вот заведующий сектором был совсем другого мнения, и с его подачи она была опубликована в «Монгольском сборнике» и получила признание как серьезное исследование. На нее, замечу, Сандже Данцикович, в частности, ссылался в своем издании этих законов «Их цааз».

Это была его первая работа по монгольскому феодальному праву XVII–XVIII вв. Затем последовали «Халха-Джирум» и Кодекс маньчжурских законов для монголов 1627–1634 гг. «Цааджин Бичиг».

Над этой последней публикацией Сандже Данцикович работал, уже выйдя на пенсию и будучи тяжелобольным человеком, совершил воистину трудовой подвиг, подготовив эту публикацию.

И я счастлив, что мне довелось вместе с Анной Цендиной помочь ему завершить эту работу. Для этого я часто бывал у него на квартире на Песчаной улице в районе метро «Сокол», неизменно бывал гостеприимно принят и видел, с каким вниманием и заботой его окружали дочери Зина и Вилена, старавшиеся из всех сил как-то скрасить безвременную потерю жены и сына. В доме царили гармония и согласие, а это давало возможность отцу семейства продолжать работать и оставить в рукописи 400 страниц своих мемуаров.

С. Д. Дылыков был не только большим ученым с мировым именем, но и великим буддистом, вице-президентом Всемирного братства буддистов, и я прекрасно помню, как ярко, с каким упоением он рассказывал в секторе и на общих собраниях в институте о своих поездках по всем странам буддийского мира, о «Зубе Будды», о посещении Усыпальницы Чингис-хана в Эджэн Хороо, о Монголии. Он встречался со многими выдающимися политическими и религиозными деятелями Азиатско-Тихоокеанского региона, с Далай-ламой, королями Непала и Бутана, с президентами и премьер-министрами многих стран, и его рассказы об увиденном и услышанном открывали перед слушателями мир буддийских монастырей, религиозных обрядов и праздников, мир буддийских святынь.

Вице-президент Всемирного братства буддистов С. Д. Дылыков был знатоком буддизма, его догматов и символики и достойно представлял нашу Родину на многочисленных международных научных, общественно-политических и религиозных форумах.

А какой это был прекрасный, талантливый, доброжелательный человек! Он умел зажигать своим оптимизмом людей, вселять в них уверенность в своих силах, поддерживать их и помогать им. Я и другие сотрудники института не раз испытывали на себе эти его замечательные качества.

Он был очень жизнелюбивым и легким на подъем, компанейским человеком. Помню, с какой охотой и удовольствием он принимал активное участие в наших застольях в секторе и, особенно в Отделе социалистических стран Азии, объединившем монголоведов, корееведов и вьетнамистов института.

Мы отмечали праздники — 7 ноября и 1 мая, Новый год, дни рождения сотрудников — и делали это, как правило, в складчину. И Сандже Данцикович был одним из самых щедрых участников этих сборищ. Вспоминаю, что когда у нас иногда кончались напитки и снедь, а желание продолжать застолье оставалось, то по кругу пускали шапку, куда мы бросали «по рваному», т.е. по рублю, то С. Д. Дылыков и Фаина Исааковна Куликова всегда вносили значительно большие суммы. Тогда это были деньги.

А вот еще один пример его щедрости, жизнелюбия и легкости на подъем. На двух или трех, не помню, Международных конгрессах монголоведов в Улан-Баторе он неизменно, несмотря на усталость после тяжелых дней заседаний и других мероприятий, приглашал наших дам — Галину Ивановну Слесарчук и Галину Сергеевну Яскину — в тогда единственный в городе и дорогуший ночной бар при гостинице «Баянгол», где жила вся советская делегация, которую он возглавлял. Там он, судя по рассказам его гостей, щедро угощал их и танцевал с ними далеко за полночь. Куртуазности С. Д. Дылыкову было не занимать.

В Монголии его имя было окружено большим пиететом. Его избрали иностранным профессором АН МНР, наградили орденом «Полярная звезда» — высшей наградой для иностранцев. У него было много друзей и поклонников среди монгольских ученых, многие из которых были его аспирантами и докторантами. Всем им он дал, можно сказать, путевку в жизнь, и они были обязаны ему своей научной карьерой.

Особенно тесная дружба связывала С. Д. Дылыкова с первым президентом АН МНР Базарыном Ширендыбом. Одногодки, они поддерживали самые дружественные отношения до конца своих дней. Мне доводилось довольно часто присутствовать при их встречах в Москве и в Улан-Баторе, и я своими глазами видел, как сердечно, с каким уважением они относились друг к другу.

Мне много лет, и память, увы, мне изменяет. Поэтому вполне возможно, что что-то важное из истории моего общения и работы под руководством незабываемого Сандже Данциковича Дылыкова я наверняка упустил, но я до сих пор ясно вижу перед собой его образ и счастлив тем, что мне долгие годы довелось знать и об-

щаться с этим замечательным ученым и человеком. Вечная ему память!

С. Д. ДЫЛЫКОВ — ХРАНИТЕЛЬ И ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ РОССИЙСКОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ

15 мая 2012 г. исполнилось 100 лет со дня рождения видного российского монголоведа, деятеля международного буддийского движения 1960–1990-х гг., родственника и правопреемника известного бурятского буддийского и общественного деятеля Агвана Доржиева, заслуженного деятеля науки Бурятии, почетного профессора АН МНР, многолетнего руководителя Сектора Монголии Института востоковедения АН СССР/РАН, доктора исторических наук, профессора Сандже Данциковича Дылыкова.

Со времени моего первого знакомства с С. Д. Дылыковым прошло уже около 50 лет. Насколько помню, это произошло осенью 1966 г. К тому времени я уже 6 лет проработал переводчиком монгольского языка в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ. Желая углубить свои знания о Монголии и монголах, я решил попробовать свои силы в науке и поступить в Институт народов Азии АН СССР, который в то время размещался в Армянском переулке. Это произошло по совету и рекомендации Г. С. Матвеевой (Яскиной), которая была старше меня на 5 лет и до перехода на научную работу в Институт востоковедения тоже несколько лет работала в ЦКШ — сначала переводчиком монгольского языка, а затем преподавателем политэкономии на монгольском языке. Благодаря тому, что в то время я уже неплохо владел письменным и разговорным монгольским языком, меня приняли в институт без особых проблем. В тот период заведующим Отделом социалистических стран Азии был видный востоковед и кореевед Г. Ф. Ким, а заведующим группы по изучению Монголии — также известный монголовед С. Д. Дылыков.

Внешне Сандже Данцикович ничем особо не выделялся — бурят, среднего роста, с более тонкими, нетипичными для большинства бурятов чертами лица, сухощавый, подтянутый, деловой, подвижный, и в то же время спокойный, выдержанный человек, многое повидавший на своем веку. Я не помню ни одного случая,

чтобы он, как руководитель группы монголоведов, повысил голос на кого-нибудь из сотрудников.

Он обладал обширными и разносторонними знаниями в области истории, филологии и права Монголии и Бурятии, истории русско-монгольских, русско-китайских, монголо-китайских отношений, истории демократического движения монгольского народа в Китае и образования Автономного района Внутренняя Монголия (КНР). В моей памяти он сохранился прежде всего как крупный ученый-монголовед, высококвалифицированный, энциклопедически образованный специалист не только по истории, но и по современному положению в МНР и в других районах, населенных этническими монголами (Бурятия в России и Внутренняя Монголия в Китае), переводчик, публикатор и исследователь нескольких известных монгольских памятников феодального права XVII–XVIII вв., умелый руководитель, доброжелательный, открытый, отзывчивый, общительный, жизнелюбивый, в то же время скромный человек, прекрасный семьянин.

Для меня, как, видимо, и для других молодых монголоведов, Сандже Данцикович был одним из тех немногих оставшихся в живых монголоведов довоенного времени, которые получили классическое востоковедное образование в Ленинграде, Владивостоке и других востоковедных центрах, были учениками и коллегами таких выдающихся монголоведов, как Б. Я. Владимирцов, С. Козин, Ц. Жамцарано, Н. Н. Поппе и др. На долю Сандже Данциковича выпала нелегкая, но важная миссия — быть одним из немногих связующих звеньев между поколениями монголоведов довоенной и послевоенной эпохи.

Как известно, после окончания Дальневосточного государственного университета во Владивостоке в 1932 г. Сандже Данцикович был принят на работу в ленинградский Институт востоковедения АН СССР в качестве научного сотрудника и ассистента. Вспоминая о своей работе в ЛВИ, он с гордостью рассказывал нам, молодым монголоведам, что свою научную карьеру он начинал ассистентом известного ученого, государственного и общественного деятеля Бурятии и Монголии Ц. Жамцарано, также известного в литературе как Ж. Цэвээн, Ц. Жамсран и др. Как известно, в

ходе политических репрессий, развернувшихся в конце 1930-х гг., Ц. Жамцарано был арестован и сослан в один из лагерей ГУЛАГА, где и погиб в начале 1940-х гг. Впоследствии он был реабилитирован. Можно предположить, что общение с таким крупным ученым и видным деятелем, принимавшим непосредственное и активное участие в революционных событиях в Бурятии, в подготовке Народной революции 1921 г. и становлении новой власти в Монголии, а впоследствии подвергшимся политическим репрессиям и официально признанным «врагом народа», имело негативные последствия для С. Д. Дылыкова.

Вспоминаю, как мы, молодые монголоеды, расспрашивали Сандже Данциковича о Н. Н. Поппе, который после смерти Б. Я. Владимирцова в 1931 г. до 1940 г. возглавлял Монгольский кабинет Института востоковедения АН СССР и под руководством которого Сандже Данцикович начинал свою научную работу в институте. При этом следует иметь в виду, что в 1940–1970-е гг. среди советских монголоедов и востоковедов было принято либо вообще не упоминать о Н. Н. Поппе, либо говорить о нем только как о предателе, который перешел на сторону врага и служил у фашистов. Я помню, как на мой прямой вопрос: «Правда ли, что Поппе служил у фашистов?», Сандже Данцикович однозначно ответил, что Поппе действительно служил у фашистов в качестве эксперта по национальному вопросу на Кавказе, что были свидетели, которые видели его в форме офицера СС.

С. Д. Дылыков пережил страшные годы политических репрессий в СССР в конце 1930-х гг., принял активное участие в Великой Отечественной войне и на заключительном этапе Второй мировой войны против милитаристской Японии в 1945 г., сумел преодолеть все препятствия и успешно продолжить свою научную и общественную деятельность, прерванную войной, защитить сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертации на актуальные, малоисследованные темы, выполнить во многом уникальные научные работы и передать эстафету знаний и богатых традиций российского монголоведения новому поколению монголоедов в послевоенный период.

Глубокие знания истории и современного положения в Монголии и Китае, свободное владение китайским и монгольским языками С. Д. Дылыкова были очень востребованы и использованы в годы войны и в первые послевоенные годы. Об этом, в частности, свидетельствуют его многочисленные (более 20) государственные награды СССР и МНР, в том числе и боевые. Службе в рядах Красной Армии Сандже Данцикович отдал свыше 10 лет своей жизни (1939–1950). Воинскую службу закончил в звании подполковника. В связи с этим вспоминается, в частности, его рассказ о том, что как он принимал участие в спецоперации по отбору наиболее важных документов из архива последнего императора Цинской империи и главы Маньчжоу-Го Пу И, захваченного в плен советскими десантниками.

Круг научных интересов С. Д. Дылыкова был весьма широк и разнообразен: средневековая, новая и новейшая история Монголии и Китая, роль Чингис-хана в создании Монгольской империи и во всемирной истории, история и современное состояние русско-монгольских, русско-китайских, монголо-китайских отношений, история демократического движения монгольского народа и образования Автономного района Внутренняя Монголия в Китае, перевод и публикация серии памятников феодального права монголов XVII–XVIII вв., история отечественного монголоведения, история и современное состояние буддизма в странах Азии, участие в составлении большого академического монгольско-русского словаря и др.

Среди крупных, наиболее важных опубликованных работ С. Д. Дылыкова прежде всего следует отметить монографию «Демократическое движение монгольского народа в Китае» (1953), написанную на оригинальных, малодоступных источниках, собранных им во время освободительного похода частей Красной Армии и Монгольской народно-революционной армии во Внутренней Монголии в 1945 г., большие разделы в коллективных монографиях, таких как однотомная «История Монгольской Народной Республики» (1954, 1967, 1983), «История советско-монгольских отношений» (1981) и др., переводы и публикация серии памятни-

ков феодального права монголов XVII–XVIII вв. — «Халха джигурум» (1965), «Их Цааз» (1981), «Цааджин бичиг» (1999) и др.

Кроме этого, им написаны, но, к большому сожалению, до сих пор не опубликованы большая монография «История образования Автономного района Внутренняя Монголия в Китае» и личные воспоминания «Страницы жизни».

С. Д. Дылыков имеет большие заслуги перед российскими буддистами и буддологами России. В трудные годы воинствующего атеизма он сумел сохранить права буддистов на известный буддийский храм в Ленинграде (Санкт-Петербурге), его библиотеку и другое имущество, которое передал ему на доверительное хранение Агван Доржиев перед своей смертью. Об этой стороне жизни и деятельности Сандже Данциковича весьма подробно написали в своих воспоминаниях в этом сборнике бурятские ученые и журналисты Ш. Б. Чимитдоржиев, Х. Ральдин и К. Б. Болдохонов.

Мы, сотрудники Сектора Монголии, неоднократно были свидетелями того, какую большую работу проводил Сандже Данцикович по поддержанию и развитию научных связей между советскими и монгольскими учеными, между АН СССР и АН МНР. Он был одним из основных авторов и редакторов ряда крупных совместных трудов советских и монгольских ученых. Он поддерживал тесные деловые и дружеские связи и сотрудничал со многими известными монгольскими учеными — Б. Ширендыбом, Ш. Нацагдоржем, Ц. Дамдинсурэном, Д. Гонгором, Н. Ишжамцем, Ш.Бирой, Ч. Далаем и др. Его выступления на защите кандидатских и докторских диссертаций монгольскими учеными в Институте востоковедения или в других институтах АН СССР, как правило, отличались доброжелательностью, основательностью, аргументированностью, умением по достоинству оценить конкретный вклад каждого ученого в науку, желанием поддержать молодых ученых дружественной страны.

Светлая память о Сандже Данциковиче Дылыкове, крупном российском ученом-монголоведе, видном буддийском деятеле, учителе, руководителе и наставнике, доброжелательном, прекрасном человеке навсегда сохранится в моем сердце.

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

В 2012 г. исполняется 100 лет со дня рождения Сандже Данциковича Дылыкова. Человека необыкновенной судьбы, во многом совпадающей со временем, в котором ему довелось жить.

Первый раз я увидела Сандже Данциковича в марте 1949 г. в актовом зале Московского института востоковедения, где он выступал в качестве соискателя степени кандидата исторических наук. Живой участник событий, диссертант подробно говорил о положении во Внутренней Монголии. На память о защите диссертации майором С. Д. Дылыковым осталась тоненькая (в шесть страниц) голубая тетрадка под грифом Политического управления Забайкальского военного округа с тезисами диссертации на тему «Демократическое движение монголов в Китае после второй мировой войны». Это документ эпохи послевоенных лет. Диссертант констатировал борьбу двухмиллионного населения монголов в Китае за автономию Внутренней Монголии, к демократическому движению которых изначально враждебно относилось гоминьдановское правительство. Однако, как заключает С. Д. Дылыков, в ходе национально-освободительной борьбы народов Китая задачи народно-демократической революции во Внутренней Монголии практически были разрешены.

Прошло 9 лет, и имя Сандже Данциковича я увидела в сборнике научных статей «Филология и история монгольских народов» (1958). С. Д. Дылыков снова побывал во Внутренней Монголии. Он писал о посещении в апреле 1956 г. памятного для всех монголов места — Эджэн Хороо — с гробницей Чингис-хана и в приложении опубликовал тексты трех древних рукописей. Первая часть статьи будто приглашала читателя осмотреть во многом секретные реликвии. Гробница, например, открывалась только в дни жертвоприношений духу Чингис-хана, рукописи и вовсе были как бы под грифом «совершенно секретно». Все сокровища оберегали дархаты. Они явно прониклись уважением к гостю, которого сопровож-

дали представители местной власти, открыли гробницу и даже на одну ночь принесли рукописи.

Сандже Данцикович подробно сообщает об эвакуации гробницы и реликвий во время недавней войны в монастырь Гумбун в Цинхае и о возвращении их в Эджэн Хороо в 1954 г. в сопровождении специально посланной делегации из Внутренней Монголии. Из статьи я узнала, что обряды жертвоприношения духу Чингис-хана по традиции происходили 21 числа 3-го месяца по лунному календарю. При этом автор, как историк, замечает, что дата не совпадает ни с днем рождения, ни с днем кончины Чингис-хана. Церемония длилась несколько дней при огромном стечении народа из всех уголков Внутренней Монголии.

Первоначально «Гробница Чингисхана», оказывается, размещалась в пяти старинных войлочных юртах, в которых и находились монгольские исторические реликвии и вместе с ними — свиток шелка с вытканым по нему цветными нитками семейный портрет Чингис-хана, изображающий его с одной из жен, братьями и сыновьями с женами.

Могла ли я тогда предположить, что по прошествии почти тридцати лет судьба подарит возможность оказаться вместе с автором той статьи в этом сакральном месте и своими глазами увидеть исторический мемориал.

Шел 1987 г. После V Международного конгресса монголоведов в Улан-Баторе по приглашению коллег из КНР пятеро советских ученых — В. М. Солнцев, С. Д. Дылыков, Г. Ц. Пюрбеев, С. К. Рощин и пишущая эти строки — держали путь в Хух-хото — центр Автономного района Внутренняя Монголия. Мы направлялись на симпозиум по монголоведению, устраиваемый Университетом Внутренней Монголии, отмечавшим 30-летие со дня своего основания. Ехали из Улан-Батора по железной дороге. Попутчиками были также участники конгресса. Ученые из западноевропейских стран после «культурной революции» в Китае уже успели побывать во Внутренней Монголии и своими рассказами словно готовили нас к свиданию. Раннее утро на пересадочной станции Цзинин ободрило привычной для сентября свежестью, нежарким солнцем, радушием, приветливыми улыбками и сердечной тепло-

той встречавших. Вместе мы ждали пересадку на местный поезд, который должен был доставить нас дальше — в Хух-хото. От этого ожидания — свободных минут на перроне — в памяти запечатлелись новые знакомые, первые встречи испытующих, взаимно проникающих взглядов, и мгновенно снимающая всякое напряжение улыбка, тотчас появляющаяся в ответ на твою... Когда через несколько часов на вокзале Хух-хото в естественной сутолоке множества одновременно приехавших людей мы оказались в окружении коллег-ученых, их молодых помощников из университета, было ощущение желанной встречи с давними друзьями.

Многое открывалось впервые. Огромный город с силуэтами высотных зданий и промышленных сооружений. Просторные кварталы университетских зданий, студенческих общежитий, преподавательских коттеджей. Узкие улочки старого города. Буддийские храмы со своим ритуалом бытия и, как водится, примыкающие к ним улицы с разного рода печатнями, мастерскими, торговыми рядами. Мы были наслышаны о плодотворной деятельности издательств, выпускающих книги на монгольском языке. Не один раз вместе с Сандже Данциковичем мы оказывались в книжных магазинах Хух-хото. Может быть, мы утомили продавцов в магазине национальной книги, что в центре города недалеко от здания Народных собраний, но каждому хотелось приобрести и новинки, и переиздания классики монгольской средневековой литературы. При изучении песенного творчества монголов меня, естественно, привлекла многотомная серия изданий по фольклору монгольских народов. К пяти томам, вместившим тысячу народных песен, добавились книги с собранием народных песен из Алашаня, а также сборник песен, записанных у певца Цагаанбарса.

Несколько дней кряду, заседаая в соответствии с распорядком принятого в стране рабочего дня, хозяева и гости симпозиума слушали и обсуждали доклады по изучению многих проблем монголоведения. Мы были наслышаны о трудах монголоведов Китая, о деятельности монголоведных учреждений во Внутренней Монголии, о ее крупнейших университетах. Делились друг с другом не раз испытанной радостью: поговорить с автором книги, которую раньше довелось прочитать; увидеть голубую дымку над горами,

давшими название городу Хух-хото. Наконец, нам была предложена предусмотренная организаторами симпозиума поездка в Ордос с посещением его святыни — мемориального комплекса «Чингис-хааны онгон». Того самого, о котором я впервые прочитала в труде С. Д. Дылыкова.

С 1960 г. научная работа свела нас с Сандже Данциковичем в Институте востоковедения АН СССР. Он работал в Отделе Кореи и Монголии, я — в Отделе литератур стран Азии. Впрочем, до того мы встречались на заседаниях Центрального правления Общества советско-монгольской дружбы, на разного рода мероприятиях в Доме дружбы с зарубежными странами. В 1970 г. на II Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе я была свидетельницей избрания С. Д. Дылыкова вице-президентом Постоянного комитета Международного конгресса монголоведов.

И вот теперь вспоминаю о том, как вместе с Сандже Данциковичем мы проделали путь в сотни километров по дорогам Внутренней Монголии. Наш маршрут в Ордос пролегал на юго-запад из Хух-хото. Ранним утром новенький микроавтобус вывез нашу делегацию из гостиницы, и мы тотчас слились с тесным потоком велосипедистов, направлявшихся на работу. Какую-то часть пути мы мчались в сторону г. Бао-тоу по свободному шоссе, и взгляд надолго задерживался на бескрайних полях зеленого лука. Их сменяли плантации других культур. Позади оставались маленькие селения, выходившие своими домиками к шоссе. Мы следовали по земле, возделываемой великими тружениками. После Бао-тоу с его взмывшей ввысь колонной, увенчанной фигурами оленей, на встречу нам шли вереницы машин, груженных углем. Его везли на металлургический комбинат, построенный в городе, освященном тотемом оленя.

Обеденное время застало нас в хошунном центре Дуншене. В Китае найти харчевню очень легко. Над входом в нее свисает красный фонарь-барабан или кольцо с развевающимися на ветру языками красной материи. До чистенькой комнаты, где мы расположились за традиционным круглым столом, очень скоро дошел аромат разнообразных блюд, приготовленных поваром и его помощниками, как говорится, в мгновение ока. К обеду заказали мы

и вкусное китайское пиво. Между прочим, Сандже Данцикович признался как-то, что предпочитает пиво всем другим хмельным напиткам.

Из Дуншена в 1956 г. Сандже Данцикович первый раз держал путь в Эджэн Хороо. Теперь, 31 год спустя, он был нашим гидом. Дальше дорога шла через реку Хуанхэ. Мы перешли ее по мосту. Где-то посередине остановились сделать фото на память. Смотрели на мутные, быстро текущие воды реки...

— Представляете, как трудно было людям переправляться через Хуанхэ на лодках, чтобы попасть в Эджэн Хороо к обряду жертвоприношения холодной весной? — обратился к нам с вопросом Сандже Данцикович. — После постройки нового храма-музея было принято решение перенести дату священнодействия на 15 июня. Этот день символизировал пору обилия молочных продуктов. По преданию, с этого дня при Чингис-хане начинали доить кобылиц для приготовления кумыса. Многое было связано с разного рода преданиями.

В Эджэн Хороо мы добрались поздним вечером. Наутро отведали исконно монгольский завтрак: чай с молоком, боорцог (кусочки теста, прожаренные в кипящем масле), жареное просо, топленое масло — традиционная еда монголов на протяжении многих веков. Пока идем к гробнице «Чингисхааны онгон», Сандже Данцикович рассказывает об описании Эджэн Хороо, принадлежащем Цэбэну Жамцарано, посетившему эти места в 1910 г. Кое-что из утверждений современных дархатов он опровергает. Например, Ц. Жамцарано полагает, что в сундуке с ящиком не мог храниться прах Чингис-хана, так как он был предан матери-земле и его останки не могли быть найдены. В ящике же находились подушечки с собранными волосами умершего. Сам Сандже Данцикович в деталях свидетельствовал, как выглядел тот самый ритуальный большой деревянный сундук: обитый листовым серебром с художественной насечкой раньше он стоял в старинной монгольской юрте на высоком постаменте.

По уходящей к небу лестнице — девять маршей по девять ступеней — мы поднялись к вратам, открывающим вход на заповедную территорию мемориала «Чингисхааны онгон». Три юрто-

образных с куполами-крышами сооружения, переходящие из одного в другое, построены заново. Они облицованы глазурованной плиткой цвета жареного проса, и его заливают золотой свет солнца. По краям фигурной курительницы звенят колокольцы. Высокие шести венчает древко с бунчуками. А вот и знаменитое *хар сулд*. Как утверждали знатоки-дархаты, это единственное подлинное знамя, сохранившееся с времен Чингис-хана. Всё здесь освящено его духом и именем. И всё призывает погрузиться в глубины истории. Как хорошо, что рядом с тобой в таком месте оказался Сандже Данцикович. Человек с прекрасным образованием, владеющий, видно, с детства старым монгольским письмом, и вместе с этими качествами — профессионализм историка помогли ему сохранить для науки редкостные свидетельства многовекового почитания культа Чингис-хана.

Из Хух-хото мы возвращались на родину через Пекин. Канун отлета в Москву пришелся на праздничный день 1 октября, и, естественно, при беглом знакомстве со столицей КНР прежде всего отправились на площадь Тяньаньмэнь. Знакомый портрет Мао Цзедуна над северным входом в стене, отгораживающей современность и древность, хранящуюся в Запретном городе. Чтобы пройти в Гугун, нужно миновать еще одни ворота — Умэнь, затем через громадную площадь преодолеть большое расстояние до дворца с тронным залом императора. Мы идем по старинной мостовой — каждый в своем темпе. Жарко! Впереди передо мной быстрыми шагами идет Сандже Данцикович. Расстояние между нами заметно увеличивается. Он снимает пиджак, и я вижу на рубашке темное пятно от пота, струящегося по спине. В свои 75 лет Сандже Данцикович не сбавляет темпа.

В полном молчании осматриваем Павильон Высшей гармонии. С 1420 г. на протяжении пяти столетий он служил бессменной резиденцией китайских императоров. Последний император Пу И оставил ее в 1925 г.

Линии крыш дворцовых сооружений вызывают в памяти некоторые уцелевшие монгольские храмы, построенные в китайском стиле. «Чойджин ламын сум», скажем, в Улан-Баторе. Такие же козырьки крыш с медальонами по краю, похожие фигурки живот-

ных на изогнутых коньках. Нарушаю молчание и тихонько делюсь своими наблюдениями с Сандже Данциковичем. В знак согласия он кивает мне головой. Сандже Данцикович обычно немногословен, и желание задавать вопросы дальше не возникало. Достаточно было находиться рядом. И всё же! О многом из мира буддийских стран хотелось расспросить вице-президента Всемирного братства буддистов, да не подходило ни время, ни место.

Давно меня занимают и мысли о буддийском храме в нашей Северной столице. Из путевого дневника Д. Нацагдорджа «От Улан-Батора до Берлина» осталась в памяти запись: «*Олон монгол овогтны цуглардаг Буддийн сүмийн газар буув*» (Остановились на территории Буддийского храма, где собирается множество монголов). Много лет нацагдоржиевская строка вызывала разные вопросы. Главный: почему монголы, оказавшись в 20-е гг. в Ленинграде, имели пристанище на земле буддийского храма? Сама я лишь в 1988 г. переступила порог этого здания, сооруженного по образцу тибетского соборного храма. Дальше входа пройти не решились. Его занимала какая-то городская организация. Оставалось глазами искать хоть какие-нибудь следы былого декора. Известно, что витражи для храма были выполнены по эскизам Н. К. Рериха. В тот год небольшой участок земли перед храмом был огорожен зеленым штакетником. Рядом с храмом стоял большой, в четыре этажа, темно-серый дом. По рассказам моей коллеги — дочери Сандже Данциковича Вилены — мне было известно, что их семья какое-то время жила в нем. Не знаю, поделился бы когда-нибудь Сандже Данцикович рассказом об основателе этого храма, своим дяде цанит-хамбо Агване Доржиеве. Мы не настолько были близки.

Теперь, когда Интернет предоставляет возможность почерпнуть разнообразные энциклопедические сведения, и появились источники, способные пролить свет на многие обстоятельства, я обратилась к сайту буддийского храма в Санкт-Петербурге. Ученый, богослов, дипломат и просветитель Агван Доржиев получил в начале XX в. разрешение от властей на воплощение своей идеи создания буддийского храма. Энергичный и деятельный человек, он заручился поддержкой Далай-ламы XIII, наставником которого

был в свое время назначен, а также богдо-гегена Монголии Джебзун Дамбы-хутухты VIII, известного в России бурятского деятеля П. Бадмаева и других влиятельных персон из Бурятии и Калмыкии. Он также способствовал созданию специального Комитета, в который вошли крупнейшие ученые-востоковеды. Какие известные и знакомые всем монголоведам имена! В. Л. Котвич, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов, Н. К. Рерих, А. Д. Руднев, Ф. И. Щербатской. В августе 1915 г. Агван Дорджиев совершил освящение храма на его официальном открытии. Сандже Дылыкову было 7 лет при разорении храма красногвардейцами в 1919 г. Агван Доржиев не уступил своего детища. Он верил в диалог с властями. Таким образом, ему удалось реставрировать храм. Более того, радением Агвана Доржиева с 1922 по 1937 г. храмовая усадьба со всеми постройками (4-этажное здание с общежитием для монахов и приезжих буддистов) стала принадлежать Тибету и Монголии. (Так вот почему монголы имели тогда пристанище при храме для проживания в Ленинграде!) Какое-то время в начале 30-х гг. в том доме жила семья Сандже Данциковича.

Думая о жизни Сандже Данциковича Дылыкова, пожалуй, начинаю понимать неслучайность его прихода к служению Всемирному братству буддистов.

О САНДЖЕ ДАНЦИКОВИЧЕ ДЫЛЫКОВЕ С ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ

Впервые я «открыл» для себя Сандже Данциковича как монголоведа, прочитав его статью о мемориальном комплексе Чингисхана «Эджэн Хороо», что во Внутренней Монголии. Она была опубликована в сборнике «Филология и история монгольских народов» и посвящена памяти академика Б. Я. Владимирцова.

После этой публикации меня заинтересовали источниковедческие труды Сандже Данциковича по истории Монголии. Особенно глубокое впечатление произвели исследования ученого в области монгольских уложений XVI–XVII и XVII–XVIII вв. Именно эти работы С. Д. Дылыкова зародили во мне желание заняться изучением памятников права как образцов официально-делового стиля монгольских литературно-письменных языков.

Классическое востоковедческое образование, полученное в стенах Дальневосточного университета во Владивостоке, учеба в аспирантуре ленинградского Института востоковедения АН СССР, а затем годы работы под началом таких выдающихся монголоведов, как Н. Н. Поппе и Ц. Жамцарано, огромная эрудиция в области текстологии, истории и права монгольских народов, а также отличное владение с детских лет старомонгольским языком позволили С. Д. Дылыкову смело взяться за подготовку к публикации серии крупных памятников монгольского феодального права: «Халха джирум», «Их цааз» и «Цааджин бичиг».

Академическое издание этих уложений требовало основательного введения в каждый памятник, транслитерации монгольских текстов, перевода их на русский язык, составления разного рода примечаний и комментариев.

Трудно переоценить титаническую работу, проделанную Сандже Данциковичем по текстологии указанных законодательных памятников и введению их в научный обиход. Благодаря этим публикациям специалисты-монголоведы (историки, этнографы, филологи, правоведы) получили возможность широко пользоваться

ся данными источниками. Своей исследовательской и публикаторской деятельностью в области монгольских историко-юридических памятников разных периодов С. Д. Дылыков достойно продолжил дело, начатое его наставниками и учителями: Агваном Доржиевым, Цыбенем Жамцарано и Н.Н. Поппе.

Многолетний кропотливый труд С. Д. Дылыкова послужил толчком к дальнейшему продолжению изданий и комплексному изучению памятников средневекового монгольского права. В данном отношении примером является первая публикация перевода на русский язык памятника монгольского права XVI–XVII вв. «Восемнадцать степных законов».

Не без гордости могу сказать, что под влиянием идей и взглядов С. Д. Дылыкова и с его одобрения я приступил в свое время к лингвистическому описанию «Их цааз» и «Халха джирум». Именно по его предложению я доложил в 1987 г. на I Международном симпозиуме монголоведов в столице Автономного района Внутренняя Монголия г. Хух-хото (КНР) о первых результатах начатой тогда работы. Доклад мой назывался «Синтаксические явления в памятниках монгольского феодального права XVII–XVIII вв. “Халха джирум” и “Их цааз”».

Ныне исследование языка «Халха джирум» мною закончено и представлено к печати в виде монографии. Так что своим интересом к изучению памятников монгольского феодального права я во многом обязан Сандже Данциковичу.

Кстати сказать, он принимал самое деятельное участие в работе того симпозиума, и думаю, что вопрос о включении меня в состав официальной делегации советских монголоведов на форум решался не без учета авторитетного мнения Сандже Данциковича. Примечательно, что во время пребывания в Хух-хот для советских ученых была специально организована поездка в Ордос к одной из святынь всех монголов — мемориалу Эджэн Хороо, о существовании которой, как сказано было выше, я узнал из статьи С. Д. Дылыкова. Мог ли я тогда предполагать, что через пятнадцать лет окажусь там и своими глазами увижу чудом сохранившиеся предметы эпохи Чингис-хана и даже кое-что из личных вещей, принадлежавших ему.

Насколько я могу судить из своего небольшого личного опыта общения и непродолжительных бесед с Сандже Данциковичем, он был жизнерадостным, приветливым и добрым человеком, всегда готовым помочь людям мудрым советом и поддержать своих молодых коллег в их начинаниях и научных поисках. Таким я запомнил С. Д. Дылыкова и всегда с признательностью буду вспоминать о нем.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. Д. ДЫЛЫКОВА

Один из самых авторитетных отечественных монголоведов и буддийских деятелей Сандже Данцикович Дылыков родился в 1912 г. в Бурятии в семье грамотного скотовода, ставшего после революции учителем сельской школы. Эту школу закончил и будущий ученый. Талантливый мальчик Сандже, с малых лет воспитанный в духе уважения к многовековой культуре человечества, с детства приобщился к гуманитарным знаниям, которые продолжил успешно осваивать в вузах Владивостока и Ленинграда, и затем — на научной работе в Институте востоковедения АН СССР.

С 1940 по 1950 г. Сандже Данцикович служил в Красной Армии. Его заслуги в период Великой Отечественной войны были отмечены 14 советскими и 7 монгольскими орденами и медалями. Военную службу С. Д. Дылыков закончил в звании подполковника.

После того, как в 1969 г. я стал работать заместителем начальника Управления научного сотрудничества с социалистическими странами Академии наук СССР, судьба подарила мне знакомство с С. Д. Дылыковым. Мы встретились на конференции в Институте востоковедения АН СССР (тогда он размещался в Армянском переулке). Первая же беседа (в перерыве заседания), касавшаяся неизвестных мне фактов истории Монголии, вызвала у меня чувство большой симпатии к собеседнику. И оно сохранилось на весь многолетний период нашего общения. Мне импонировало, как Сандже Данцикович, не скрывая личного отношения к обсуждаемому событию, емко, но кратко его характеризовал. Из бесед с ветеранами института я узнал, что С. Д. Дылыков сравнительно быстро стал авторитетным членом научного сообщества. Он успешно сочетал научную и научно-организационную работу. Несколько лет Сандже Данцикович работал ученым секретарем института, возглавлял Сектор Монголии.

С. Д. Дылыков сочетал научно-организационную работу с плодотворными научными исследованиями в период, когда директором Института востоковедения был выдающийся ученый и государственный деятель Б. Г. Гафуров. Высоко оценивает административную и научную деятельность С. Д. Дылыкова работавший в 1960-е гг. заместителем директора института академик С. Л. Тихвинский — выдающийся дипломат и востоковед широкого профиля, признанный авторитет современного отечественного китаеведения. В беседах со мной столь же уважительно, употребляя превосходные степени, говорили о научном потенциале и личностных качествах С. Д. Дылыкова работавшие в конце 80–90-х гг. заместители директора института член-корреспондент РАН В. М. Солнцев и д.и.н. Г. К. Широков. Аналогично отзывались об ученом и член-корреспондент РАН Г. Ф. Ким, возглавлявший институт, ветеран института И. С. Казакевич и многие другие.

Ценный вклад доктора исторических наук профессора С. Д. Дылыкова в изучение Востока, включая многовековую культуру буддизма, отмечали многие отечественные и зарубежные авторы. Его фундаментальные исследования стали настольными для научных и практических работников в СССР и Российской Федерации, наиболее значительные из них изданы за рубежом на монгольском, китайском и английском языках. С. Д. Дылыков был избран иностранным профессором Института истории АН МНР, награжден советским орденом «Знак почета», почетными знаками ряда международных организаций. Ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Бурятии.

Все это свидетельствует не только о больших научных заслугах Сандже Данциковича, но и о его выдающемся вкладе в деятельность как отечественных, так и международных организаций, где его авторитет был бесспорен. С. Д. Дылыков — как представитель буддистов Советского Союза — был неизменным участником международных форумов, несколько десятилетий он был вице-президентом Всемирного братства буддистов, многие годы активно работал в Азиатской буддийской конференции за мир. Был деятельным членом обществ дружбы СССР с Монголией, Камбоджей, Малайзией и Шри-Ланкой.

Запомнился красочный рассказ Сандже Данциковича о посещении им вместе с участниками одного из буддийских форумов высокогорного государства Непал. Этот рассказ спонтанно стал самым ярким событием дружеского застолья (после успешного заседания) в одном из центральных московских ресторанов. Сандже Данцикович часто участвовал в различных встречах, в том числе и международных. Вспоминаю большой прием с участием членов советского правительства, который устроило посольство Монголии в ресторане «Арбат» по случаю национального праздника страны. В небольшой группе ученых из разных академических институтов был и С. Д. Дылыков, который внезапно обратился ко мне с просьбой объяснить, что если участники беседы спросят, почему он так стремительно покидает наше общество, поскольку в зал входит хамбо-лама Монголии. Вокруг буддийского первосвященника Монголии очень быстро образовался круг собеседников, и я с интересом стал наблюдать, как с большим достоинством, но очень оживленно, в беседе участвовал и Сандже Данцикович.

В памяти работавших с С.Д. Дылыковым он остается большим ученым и общественным деятелем, активным интернационалистом, общительным, энергичным человеком, замечательным товарищем. В наше неоднозначное время хочется пожелать, чтобы такими качествами обладали идущие на смену ветеранам отечественной науки представители нового молодого поколения нашей страны.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О С. Д. ДЫЛЫКОВЕ

Впервые я услышал о С. Д. Дылыкове в студенческие годы, когда учился в ЛГУ.

В дни празднования 100-летия со дня рождения В. И. Ленина в 1970 г. я увидел его по телевизору в Ульяновске, когда он выступал на тему «В. И. Ленин о монголах». В те дни я работал переводчиком с группой монголов на строительстве мемориального комплекса в Ульяновске.

С ним лично я познакомился позднее в Улан-Удэ в гостинице «Байкал», где он остановился после какой-то зарубежной поездки. Он вел себя очень просто и уважительно, хорошо отзывался о нашей коллективной монографии «Очерки по истории культуры МНР», сделал несколько небольших, важных, по его мнению, замечаний по библиографии книги, составленной мной и Р. Л. Балдаевым.

Насколько мне известно, советские монголоеды и тибетологи отзывались о нем по-разному. С. Д. Дылыков был внучатым племянником Агвана Доржиева и располагал всеми документами на право наследования всего его имущества.

С. Д. Дылыков окончил Дальневосточный университет во Владивостоке в 1932 г., владел китайским, маньчжурским, монгольским и английским языками, определившими его работу в разных направлениях. Служил в Советской Армии (1939–1950), работал в Китае и Японии. Прибыв в Москву после увольнения из армии, он поступил на работу в ИВ АН СССР и был ученым секретарем института (1950–1953).

В 1971 г. С. Д. Дылыков защитил докторскую диссертацию по критике маоизма в отношении национальных меньшинств (на примере Автономного района Внутренняя Монголия). Под его руководством написали кандидатские диссертации Т. Л. Шаумян и Б. С. Дугаров.

В послевоенные годы советское государство изменило отношение к религии, в том числе буддизму. Советские, прежде всего

бурятские, буддисты стали общаться с зарубежными собратьями по вере. При Совмине Бурятской АССР был образован Комитет по делам религий, занимавшийся деятельностью бурятских высших лам. Одним из руководителей этих лам был С. Д. Дылыков — востоковед с соответствующей научной подготовкой и дипломатическими данными. Не случайно бурятский историк, его коллега Б. Д. Цыбиков подчеркивал, что советское правительство доверило С. Д. Дылыкову весьма неординарное и серьезное дело.

23–24 декабря 1994 г. министерство по делам национальностей и региональной политики, постоянное представительство Республики Бурятия при президенте РФ, департамент общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы, московское общество бурятской культуры провели «круглый стол», посвященный 140-летию со дня рождения выдающегося ученого, просветителя, дипломата, общественного и государственного деятеля Агвана Доржиева. Общество пригласило С. Д. Дылыкова, но по состоянию здоровья он не смог присутствовать на нем. Его дочери, Зинаида Санджеевна и Вилена Санджеевна, участвовали в этом научном мероприятии. Председатель Оргкомитета «круглого стола» заместитель Председателя комитета по безопасности Госдумы РФ С. С. Босхолов огласил текст обращения внучатого племянника А. Доржиева С. Д. Дылыкова, заслуженного деятеля науки РФ и РБ, видного монголоведа, к участникам встречи, в котором Сандже Данцикович отметил, что он «счастлив тем, что дожил до новых ветров перемен, когда пришло время признания исторических заслуг А. Доржиева». Он поблагодарил бурятский народ и правительство республики, а также правительство России за восстановление буддийских памятников на его родине. В своем выступлении С. С. Босхолов отметил, что А. Доржиев был великим человеком, посвятившим себя служению России, Бурятии и Тибету, коротко охарактеризовал основные этапы его жизни и деятельности. На «круглом столе» выступили известные религиозные и общественные деятели: председатель Комитета по национальной политике Госдумы Б. Б. Жамсуев, постоянный представитель Далай-ламы XIV в России Тиняей Джампо, дипломат А. И. Петров, заместитель хамбо-ламы Цдуб Тувандорж, советник по культуре

посольства Монголии в Москве Б. Энхтувшин, представитель калмыцкой интеллигенции проф. Г. Ц. Пюрбеев (ИЯ РАН) и др. Содержательные доклады сделали Н. С. Кулешов (ИДВ РАН), Т. Л. Шаумян, Е. А. Белов, В. В. Грайворонский (все ИВ РАН). Воспоминания С. Д. Дылыкова об А. Доржиеве зачитала его дочь, тибетолог-литературовед В. С. Дылыкова (ИВ РАН). Я выступил с докладом «Агван Доржиев как просветитель, ученый, богослов и писатель», в котором отметил огромный вклад А. Доржиева не только в монголоведение и тибетологию, но и в культуру монгольских народов.

С. Д. Дылыков прожил долгую и весьма плодотворную, насыщенную разнообразными событиями жизнь, испытал на себе все трагедии и катаклизмы своего времени, в послевоенные годы всецело посвятил себя монголоведению, умело сочетал научную и общественную деятельность на благо СССР/России.

С. Д. Дылыков остался в моей памяти, несомненно, необычайным человеком, выдающимся деятелем Бурятии, вышедшим из низов бурятского народа. Его самоотверженная жизнь поучительна для молодежи тем, что история страны может сделать неожиданные, неизведанные и крутые повороты на своем пути и надо быть готовым к ним.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕ БАЗАРЫНА ШИРЕНДЫБА*

Академик Базарын Ширендыб — крупный ученый и общественный деятель Монгольской Народной Республики, президент Академии наук МНР, иностранный член АН СССР — родился в мае 1912 г. в семье арата-скотовода, кочевавшего на территории нынешнего Арахангайского аймака.

Победа Народной революции открыла перед двенадцатилетним мальчиком двери школы. В 1924 г. он начал изучать родную грамоту на родине, а в 1931 г. был направлен для продолжения образования в Советский Союз, в Иркутск, где в 1941 г. успешно окончил педагогический институт. Вернувшись в МНР, Б. Ширендыб работал в аппарате ЦК МНРП и Совета министров МНР, ведя одновременно педагогическую работу в Высшей партийной школе при ЦК партии. В 1943 г. он был назначен на пост ректора первого в стране Монгольского государственного университета, в котором одновременно руководил кафедрой истории.

Успешно возглавляя учебную и научную деятельность коллектива преподавателей университета, загруженный многими возложенными на него обязанностями, Б. Ширендыб находит время и для плодотворной научной работы. Он блестяще защитил в Москве в Институте востоковедения АН СССР в 1955 г. кандидатскую, а еще через пять лет — докторскую диссертацию по проблемам монгольской Народной революции. Эти успехи стали возможны благодаря исключительной целеустремленности, настойчивости и трудолюбию ученого.

В 1960 г. Б. Ширендыб был назначен председателем Комитета наук и высшего образования, а еще через год, в связи преобразованием Комитета в Академию наук, он избирается академиком и президентом Академии.

* Впервые опубликовано в: Восток, 1972, № 4.

За 30 лет научной и педагогической деятельности Б. Ширендыб опубликовал в общей сложности 180 научных работ — крупных монографий, статей и заметок — на монгольском, русском, английском и других западноевропейских и восточных языках. В числе этих публикаций — капитальные труды «Монгольская народная революция и образование МНР» (1956), «Монголия на рубеже XIX–XX вв.» (1963), «Монгольская народная революция» (1969), «История Монгольской революции» (эта работа удостоена Государственной премии МНР) и др. Б. Ширендыб был одним из ведущих авторов и редакторов совместного труда советских и монгольских ученых «Истории МНР» (1-е изд. — 1954; 2-е изд. — 1967)*; под его руководством и при его авторском участии было подготовлено фундаментальное трехтомное академическое издание «История МНР» (т. I — 1966, т. II — 1968, т. III — 1969) на монгольском языке. Участник многих международных научных конгрессов, конференций и симпозиумов, Б. Ширендыб выступал на них с докладами и сообщениями. В 1964 г. Б. Ширендыб был избран почетным членом Венгерской Академии наук, в 1966 г. — иностранным членом АН СССР, в 1970 г. — почетным доктором литературы и общественных наук в Лидсе (Англия). Б. Ширендыб известен в МНР и за ее пределами как публицист и автор ряда произведений художественной литературы; он член Союза писателей МНР.

Многообразна общественно-политическая деятельность Б. Ширендыба. Первый председатель Комитета защиты мира в МНР. Он занимал этот пост непрерывно в течение 10 лет; как член Всемирного Совета мира принимал активное участие в международных конференциях сторонников мира в Варшаве, Вене, Хельсинки, Стокгольме, Москве, Каире, Пекине и Токио. Б. Ширендыб награжден медалью им. Жолио-Кюри.

Начиная с XI съезда МНРП (1947), он неизменно избирается членом ЦК партии. Семь раз он избирался депутатом Великого Народного Хурала, дважды входил в состав членов Малого хурала.

* 3-е изд. этой работы вышло в 1983 г.

Заслуги Б. Ширендыба как ученого и общественного деятеля отмечены многими орденами и медалями МНР и других социалистических стран.

Всем более или менее близко знающим замечательного монгольского ученого и общественного деятеля с трудом верится, что ему исполнилось 60 лет. Он и сегодня так же активен, жизнерадостен и полон творческих сил, как и тридцать лет назад, столь же твердо стоит в рядах борцов за новый расцвет науки и культуры его родины, за дальнейшее сближение и сотрудничество социалистических стран, за торжество дела мира, демократии и социализма. Советские друзья желают Базарын Ширендыбу крепкого здоровья и новых творческих достижений на всех участках его многогранной деятельности.

СПИСОК АВТОРОВ

Грайворонский Владимир Викторович — д.и.н., в.н.с., зав. сектором Монголии ИВ РАН — отв. редактор.

Богомолова Светлана Васильевна — друг семьи Ширендыбов.

Болдохонов Ким Борисович — журналист-монголовед,

Волкова Елена Витальевна — дочь В. В. Волкова, приемного сына Б. Ширендыба, к.и.н., археолог

Дылыкова-Парфионович Вилена Санджеевна — дочь С. Д. Дылыкова, тибетолог

Жигало Елена Алексеевна — жена В. В. Волкова, палеонтолог, участник Советско-Монгольской палеонтологической экспедиции

Гольман Марк Исаакович — д.и.н., г.н.с., ИВ РАН

Надилов Шайкен Галимбекович — к.э.н., с.н.с., ИВ РАН

Пюрбеев Григорий Церенович — д.фил.н., г.н.с., ИЯ РАН

Раднаев Владимир Эрдниевич — к.фил.н., ИВ РАН

Ральдин Хубисгал — к.и.н., журналист-монголовед

Рощин Сергей Константинович — д.и.н., г.н.с., ИВ РАН

Чимитдоржиев Ширав Бодиевич — д.и.н., ИМБит СО РАН, Улан-Удэ

Суринов Игорь Александрович — сотрудник Национальной ассоциации историков России, Ин-т всеобщей истории РАН

Шабалина-Дылыкова Зинаида Санджеевна — дочь С. Д. Дылыкова

Ширендыб Татьяна — дочь Б. Ширендыба

Яцковская Клара Николаевна — к.фил.н., ИВ РАН

РЕЗЮМЕ

сборника воспоминаний

Б. Ширендыб и С. Д. Дылыков

в памяти коллег и друзей (к 100-летию со дня рождения)

Сборник посвящен памяти двух выдающихся ученых России и Монголии – первого президента АН Монголии, известного государственного и общественного деятеля МНР/Монголии, иностранного члена РАН, академика Б. Ширендыба и видного российского монголоведа, общественного, буддийского деятеля, вице-президента Всемирного братства буддистов, члена правления Азиатской буддистской конференции за мир (АБКМ), доктора исторических наук, профессора С. Д. Дылыкова. 15 мая 2012 г. исполняется 100 лет со дня их рождения. Б. Ширендыб и С. Д. Дылыков выросли и сформировались как личности и как ученые в условиях по существу одной общественно-политической, социалистической системы, которая существовала в СССР и МНР до начала 90-х гг. XX в. Они были связаны общим мировоззрением, общим пониманием хода истории и своего места в ней, переплетением их научных и общественных интересов и практической деятельности, личной многолетней дружбой. В их биографиях, как в капле воды, в полной мере отразились драматические судьбы народов наших двух стран – России/Советского Союза и Монголии/МНР в XX в., в том числе революции, победы и поражения, взлеты и падения. Главное, что их связывало, это любовь к своему общему делу – науке о Монголии и монгольских народах. Многолетнее плодотворное сотрудничество и личная дружба между Б. Ширендыбом и С. Д. Дылыковым были и остаются ярким примером, символом лучших традиций в истории отношений между народами и учеными России и Монголии.

В настоящее время, когда Монголия оказалась на перекрестке геополитических, экономических и других интересов крупных держав – России, Китая, США, Японии и других, сохранение лучших традиций дружбы и сотрудничества, укрепление стратегического партнерства между Россией и Монголией во всех областях, в

том числе в области науки, образования и культуры, приобретает особую актуальность.

В сборник вошли воспоминания дочери Б. Ширендыба Татьяны Ширендыб, дочерей С. Д. Дылыкова — известного тибетолога В. С. Дылыковой-Парфионович и З. С. Шабалиной-Дылыковой, ныне здравствующих, а также ушедших от нас монголоведов Института востоковедения РАН — М. И. Гольмана, С. К. Рощина, Г. С. Яскиной, В. В. Грайворонского, Ш. Г. Надирова, К. Н. Яцковской, В. Э. Раднаева, сотрудников других академических институтов — Ш. Б. Чимитдоржиева (ИМБиТ СО РАН), Г. Ц. Пюрбеева (ИЯ РАН), одного из ветеранов Управления внешних связей АН СССР/РАН И. А. Суринова, журналистов-монголоведов К. Б. Болдохонова и Х. Ральдина.

Авторы в разные годы и периоды неоднократно встречались, общались или сотрудничали с Б. Ширендыбом и С. Д. Дылыковым, сохранили в своей памяти наиболее существенные, интересные воспоминания о них как ученых, общественных деятелях и неординарных личностях, а также о той роли, которую Б. Ширендыб и С. Д. Дылыков сыграли в их личных судьбах. Не случайно, многие авторы написали свои воспоминания и о Б. Ширендыбе, и о С. Д. Дылыкове.

В приложении дана статья И. Я. Златкина «Шестидесятилетие Базарына Ширендыба», опубликованная в 1972 г. Статья дает представление о том, как известный советский монголовед И. Я. Златкин ценил научную, государственную и общественную деятельность Б. Ширендыба, с которым его также связывали многолетнее сотрудничество и личная дружба.

Недавно в Монголии вышел из печати последний том собрания сочинений Б. Ширендыба в 10 томах, приуроченного к 100-летию со дня его рождения.

Предлагаемый сборник воспоминаний представляет собой нашу скромную лепту в увековечивание памяти этих двух выдающихся ученых России и Монголии, которые внесли большой вклад в развитие науки и дружбы между народами России и Монголии.

*Отв. редактор сборника
д.и.н. В. В. Грайворонский*

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Б. Ширендыб вручает С. Д. Дылыкову орден Полярной звезды. 1975 г.

Базарын Ширендыб

Б. Ширендыб – референт Х. Чойбалсана. 1941–1944.

Поздравление Б. Ширендыба с 50-летним юбилеем Монгольской народной революции. Улан-Батор, 1971 г.

Среди присутствующих – М. В. Келдыш, Б. Ширендыб,
В. В. Грайворонский

М. В. Келдыш, Б. Ширендыб и Е. К. Федоров

Б. Ширендыб, А. Л. Яншин и Ю. Цеденбал

Б. Ширендыб и М. И. Гольман

Б. Ширендыб

С. Д. Дылыков
Москва, год неизвестен

С. Д. Дылыков военной форме
Чита, 1948 г.

Слева направо в первом ряду: С. Д. Дылыков, Ю. Н. Рерих, С. Каляев, Н. Сэр-Оджав, Ш. Нацагдорж, Б. Д. Дандарон, Ц. Дамдинсурэн, С. К. Роцин. *Москва, Музей-квартира Ленина в Кремле. Лето, 1959.*

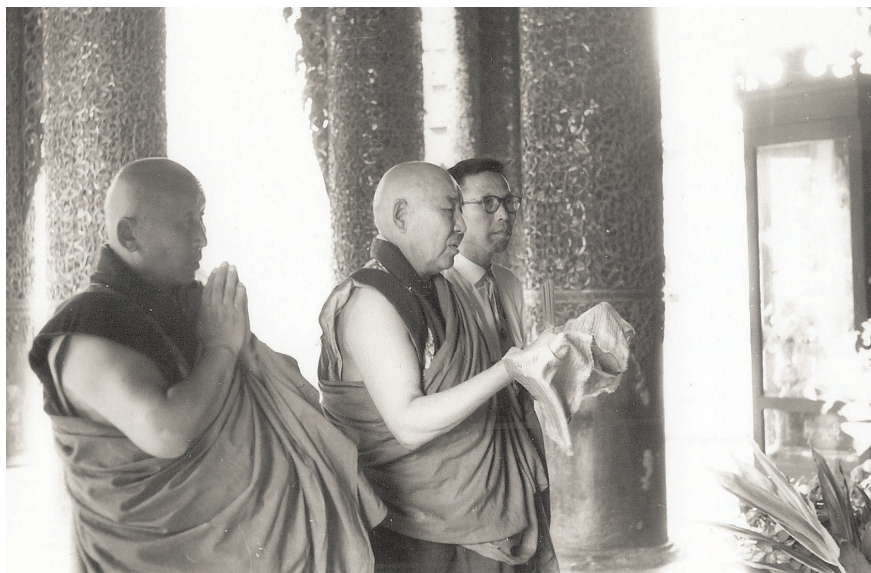
Амритананда (Непал), Ж.-Д. Гомбоев, С.Д. Дылыков и Ю.Н. Рерих на приеме в честь Амритананды. Москва, 1958.

Ю. Н. Рерих, Ж.-Д. Гомбоев и С. Д. Дылыков в Институте востоковедения АН СССР. Москва.

Бирма. 1960 г.

Бирма. 1960 г.

Лама (имя неизвестно), П.Ф.Толкачев, С.Д.Дылыков
Международная конференция по ядерному разоружению
Япония, Университет Сока. Декабрь, конец 70-х гг.

Международная конференция по ядерному разоружению
Япония, Университет Сока. Декабрь, конец 70-х гг.

С. Д. Дылков на аудиенции с Королем и королевой Непала.
1 декабря 1986 г. Катманду, Непал.

С. Д. Дылыков на XIII Генеральной конференции
Всемирного братства буддистов. Ноябрь, 1980. Бангкок, Таиланд.

С. Д. Дылыков в Сингапуре

Научное издание

**Б. Ширендыб и С. Д. Дылыков
в памяти коллег и друзей
(к 100-летию со дня рождения)**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Российской академии наук*

Редактор М. С. Грикурова

Корректор М. Я. Колесник

Верстка П. Л. Перепелкин

Подписано 17.10.2013
Формат 60х90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 8,3.
Тираж 200 экз. Зак. №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Информационно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ООО типографии
«Издательство МБА»
119361 Москва, ул. Озерная, 46
781-86-28, 625-38-13